

ИСТОЧНИК

1999`3

ДОКУМЕНТЫ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Обращаем ваше внимание, что в нынешних условиях мы вынуждены изменить форму подписки.

Со II полугодия 1999 года на «Источник» можно подписаться только через редакцию журнала.

Как это сделать, подробно объясняется на страницах 111—112.

Будущее журнала в ваших руках.

Подписывайтесь на журнал

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ! INFORMATION FOR FOREIGN READERS.

Стоимость годовой подписки для иностранных подписчиков — 78 долларов США.

Вы должны заполнить абонемент, четко и правильно написать адрес, по которому вы желаете получить журнал «Источник», и выслать этот абонемент вместе с чеком на \$ 78 в адрес редакции.

Чек может быть заполнен на сумму \$ 78 в валюте вашей страны.

If you want to subscribe «Istochnik»

you should fill the form from the pp.111—112.

Please, send this form with a cheque to our office.

The cost of 1 issue is \$ 13 , an annual subscription (6 issues) — \$ 78

(or equivalent in other currencies).

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНУ: 203-45-36, 203-74-82.

ИСТОЧНИК

документы русской
истории

1999`3 (39)

в номере: In the issue

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО. УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ Letters from the past. Lost Heritage

Зарубежный архив 3

«Русские патриоты взволновались
и объединились».

*Лига для Спасения Русского Отечества
в Париже.*

Russian Patriotic League in Paris.

Белое движение 8

«Оттянуть гражданскую войну не удастся».

*К истории формирования
Добровольческой армии.*

On the history of formation of the Volunteer Army.

Масонские тайны 59

«Ложа показывает изображение мира...»

*Из мифологии и ритуала вольных
каменщиков.*

Mythology and ritual of the masons.

Пушкиниана 66

«Помогите дочери поэта».

«Help the poet's daughter».

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ. ВЕРСИИ Behind the Scenes. Versions

О силе духа 68

«Не будет уклоняться от ответственности».

Письма в защиту репрессированных.

Letters in defence of the repressed.

Полевая почта 73

«Если судьба будет вернуться домой».

Письма с финской войны.

Letters from the Finnish War.

Как это было 92

«На этом вопросе мы ломаем
их антисоветское упорство».

*Из переписки Сталина с Молотовым
по внешнеполитическим делам в 1946 году.*

Stalin — Molotov's correspondence
on the international affairs. 1946.

Актуально 105

«Начал продавать документы...»

Архивное предпринимательство.

Archive documents and Business.

Нравы эпохи 106

«Советские женщины имеют основания
рассчитывать на выигрыш первенства
мира по конькам».

«Бей жидов — спасай Россию».

Особая папка.

«Сколько в Америке штатов?»

Russian women-skaters.

Reports of anti-Semitic moods.

Special file.

How many States are there in America?

ИСТОЧНИК

документы русской
истории
1999`3 (39)

Главный редактор
Сергей Кудряшов

Ответственный секретарь
Татьяна Лещинская
Художественное оформление

**Евгений Марков,
Галина Косарева**

Компьютерная верстка
Галина Косарева

Корректоры
**Ирина Данилина,
Лидия Потравко**

Набор и верстка произведены
в компьютерном центре журнала «Родина».

All written material, unless otherwise stated,
is the copyright of «Istochnik»

© Редакция журнала «Источник». 1999.
Перепечатка разрешается только по соглашению
с редакцией.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати
Рег. № 012124.

Формат 84x108/16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1344
Адрес редакции:
103025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.
Тел.: **203-45-54.**

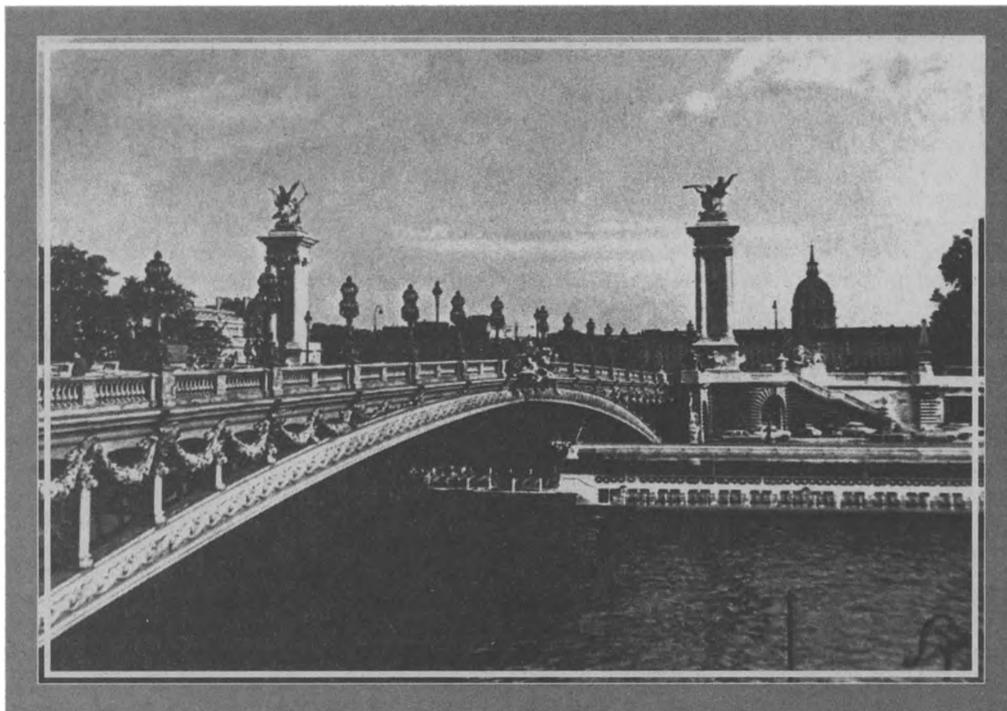
Типография ОАО ПО «Пресса-1»,
125865 ГСП, Москва, ул. Правды, 24
© Редакция журнала «Родина», 1999. **Цена договорная**

На обложке:
Дмитрий Белюкин.
Эвакуация дроздовцев и корниловцев из Крыма.

«Русские патриоты взволновались и объединились»

Лига для Спасения Русского Отечества в Париже

Мост Александра III через Сену в Париже.

Социальная зрелость и здоровье общества определяются в значительной степени его отношением к собственному историческому прошлому, его традициям и духовным истокам. Утрата общественного идеала, метания от одной крайности к другой, наконец, праздные поиски национальной идеи обязывают сегодня историка к более тщательному изучению и анализу идейной основы русского менталитета в его различных оттенках и проявлениях.

В богатой коллекции Архива полицейской префектуры Парижа хранятся два обращения к французскому народу, принадлежащие Лиге для Спасения Русского Отечества¹ (Парижский филиал) и датированные 1902 г. В описи было помечено также, что Лига помещается в Париже на улице Сен-Лазар, 27 и возглавляет ее некто г-н Ренар. Эти два документа, публикуемые ниже, представляют научный интерес не только с точки зрения выраженной в них консервативно-патриотической

идеи как части русского самосознания на рубеже XIX—XX вв. Они отражают также определенный этап в развитии взаимоотношений России и Франции этого периода. Союз, заключенный между ними в 1892 г.² и имевший военно-политическую направленность, явился плодом деятельности многосторонних обоюдных усилий.

Не секрет, что республиканская Франция уже с середины XIX в. принимала и давала приют не только культурным деятелям и представителям творческой интеллигенции России, на ее земле также находили временное убежище политические эмигранты и различного рода террористические группы, оппозиционные самодержавию³. В целях борьбы с «инакомыслящими» департамент полиции приступает в 80-е гг. к созданию заграничной агентуры. В 1884 г. во главе русского политического сыска становится чиновник по особым поручениям, бывший следователь Петр Ивано-

вич Рачковский, которому удалось блестяще организовать во Франции сеть «наружного и внутреннего» наблюдения за русскими революционерами. Рачковский, имя которого упоминается в документах, сумел приобщить к «делу» не только опытных агентов из России и нескольких французских оперативников, но и значительный штат французских журналистов, близко стоящих к правительственным кругам. Если обратиться к истории вопроса, то следует напомнить, что на счету Рачковского было несколько громких дел: разгром народовольческой типографии в Женеве, провокация с лабораторией бомб в Париже и шумный сенсационный процесс бомбистов в 1890 г., который ему удалось выиграть не без помощи министра внутренних дел Констанана и министра иностранных дел Флуранса. Суд приговорил часть обвиняемых к высылке за пределы Франции, остальные были подвергнуты тюремному заключению сроком на пять лет.

Этот суровый приговор французских властей имел и другую сторону — он как бы стимулировал дальнейшее развитие идеи альянса между Россией и Францией, которые уже долгое время вели вялотекущие переговоры. Таким образом, можно сказать, что закулисная деятельность Рачковского в начале 90-х гг. сыграла не последнюю роль в подготовке франко-русского союза. По свидетельству В. К. Агафонова, глава русского заграничного сыска «имел неискоренимую слабость к «грандиозному». В апогее своей славы «он затеял придать борьбе с русскими революционерами, так сказать, международный характер»⁴. С этой целью на анонимных началах им была основана в Париже Лига для Спасения Русского Отечества. По всей Франции были расклеены объявления, призывавшие французов записываться в Лигу для борьбы с врагами России, нашедшими приют в их стране.

Следует отметить, что новая инициатива Рачковского на первый взгляд, пожалуй, удалась. Организованная в атмосфере дружелюбия и благожелательности, навеянными союзническими отношениями, Лига получила признание среди определенной части французского общества. Однако неординарная личность самого Рачковского, его прочные связи в католическом мире (жена Рачковского была француженка, фанатично преданная вере) и тесные контакты с представителями правящей французской элиты давно беспокоили его кол-

лег по департаменту полиции. Документы свидетельствуют о том, что против Рачковского в Петербурге велась закулисная игра, которая окончилась в 1902 г. его «внезапной» отставкой. К этому следует добавить, что сотрудники департамента полиции остерегались и не доверяли друг другу; зачастую случалось так, что глава заграничной агентуры не знал, что рядом с его секретным агентом работают другие сотрудники департамента полиции из Петербурга или другого охранного отделения. Иногда это были люди, принадлежавшие двум или даже трем «разведкам», вследствие чего зачастую случались скандалы и неразбериха. Именно такого рода нюансы частично отражает первый из опубликованных документов.

Что же касается идейной платформы самой Лиги, нити которой ведут в Россию, то надо отметить, что возникновение подобной организации в Харькове в начале века было не случайно. Известно, что после создания в Петербурге в 1900 г. Русского Собрания во главе с князем Д. П. Голицыным в целях утверждения в обществе русского начала, выраженного национальной идеей — православие, самодержавие, народность, в Харькове в ноябре 1903 г. был торжественно открыт местный Отдел Русского Собрания⁵. Открытию харьковского отдела предшествовали крупные волнения и беспорядки, особенно в студенческой среде, вызвавшие к жизни ряд патриотических объединений, которые ставили своей целью оздоровление духовной жизни русского общества и пробуждение национального самосознания. Эти настроения были особенно сильны в среде местной интеллигенции и университетской профессуры, вдохновляемой во многом учением славянофилов. Думается, что образование Лиги для Спасения Русского Отечества в Харькове было одним из этапов на пути создания там Отдела Русского Собрания, который возглавил профессор А. С. Вязигин. Предупреждая о «неразумном увлечении всем чужестранным, иноверным, часто не только бесполезным, но и положительно вредным», Русское Собрание в Харькове объявляло своей целью «содействовать выяснению, укреплению и проведению в жизнь исключительно творческих начал и бытовых особенностей русского народа — благородна, священна, достойна самого живейшего сочувствия со стороны каждого истинно русского человека»⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Ligue pour le Salut de la Patric Russe», juin 1902. Опись 7023-K-15. Картон 17bis. Archives de la Préfecture de Police. (App.)
2. После образования Тройственного союза в 1882 г. — блока центральных держав, направленных против Франции и России, между ними начались ответные переговоры. Они тянулись очень долго и окончились в 1892 г. подписанием секретной военной конвенции о взаимной помощи в случае войны против Тройственного союза.
3. Подробнее об этом см.: Е. М. Макаренко. Загадка русской эмиграции. М.: Гранат. 1996.
4. Агафонов В. К. Заграничная охранка. Птгр.: Книга. 1918. С. 41.
5. Подробно об этом см.: Краткое обозрение деятельности харьковского Отдела Русского Собрания. СПб. 1906. С. 2—4.
6. Подробно об этом см.: Праздник русского самосознания. Открытие харьковского Отдела Русского Собрания. Х. 1908. С. 20, 21.

Центр: Харьков

Заграничная секция

**Бюро в Париже:
27, улица Сен-Лазар**

Милостивый государь,

Многочисленные высказывания в пользу союза с Лигой являются доказательством, что ее программа была принята и что чувства, которые там выражены, близки и понятны многим французам. Лига для Спасения Русского Отечества действительно нацелена на укрепление национального чувства, его защиту и поддержание против нападков со стороны праздных мечтателей и криминальных безумцев, которые стремятся нанести ему ущерб, заменить его расплывчатыми гуманитарными принципами и абстрактными всеобщими идеями без учета традиций, исторического развития народов и потребностей их в настоящее время.

Эти идеи, так называемые либеральные, проложили себе дорогу в различных социальных слоях русского общества по-дилетантски, с помощью фронды и требований; они проникли в высшие классы, соблазнили интеллектуалов, сбили с толку трудящихся. В России эти теории называют «западным либерализмом»; в действительности же они не имеют ничего общего с французским либерализмом, а являются лишь выражением революционного социализма.

Эти принципы враждебны религиозным идеям, традициям и деликатным чувствам, а также национальному единству России; они представляют угрозу для нормального развития самой страны; так же как французские патриоты были обеспокоены иногда известными деяниями, русские патриоты взволновались и объединились, чтобы сражаться со злом.

Поскольку антирусская агитация имеет свои центры за границей, откуда она направляет свои атаки против России, где зреют революционные заговоры и организуются покушения и преступления, Лига совершенно естественно пришла к мысли о создании секции вне России. Особая цель парижской секции заключается, как Вы знаете, в следующем:

1. Распространять как можно больше за границей, и в первую очередь во Франции, знания о России и русских вещах.
2. Ознакомить с работой механизма и внутреннего устройства русских институтов, а также с этнографическим, социальным и политическим характером русской нации, посредством организации конференций и публикаций.
3. Защищать русские интересы вопреки недоброжелательной информации, исходящей всегда от революционных кругов с помощью публикации правдивых сведений о событиях, происходящих в России.

Одним словом, парижская секция Лиги стремится к тому, чтобы стать рабочим центром, влияние которого будет распространяться в направлении вышеизложенной программы.

Деятельность Лиги будет направлена также на то, чтобы выявить средства и механизмы деятельности подпольной русской пропаганды; она призвана доказать, что в основе этого движения лежит клевета, воровство и убийства — все преступления общего права; она докажет также, что ограбления [. . .] несправедливо квалифицированы как революционное возмездие, на самом деле должны быть расценены как подстрекательства простого и невежественного населения беззастенчивыми преступными элементами.

С разных сторон от нас потребовали сообщить имена Директоров Лиги для Спасения Русского Отечества. До сих пор мы не смогли еще удовлетворить эти запросы, такие естественные во Франции; но русская Лига, призванная успешно бороться с подпольной деятельностью революционных сект, приняв форму секретного общества на манер масонской организации, не могла сообщить имена ее лидеров. Более того, русский закон запрещает такого рода организации. Объявив имена своих лидеров, Лига бесполезно предстанет перед всей строгостью закона, ей не избежать этого, несмотря на цель организации и высокие благожелательные намерения, ее характеризующие. Лига, таким образом, являет собой независимый институт, который не ищет поддержки в официальных сферах ни в России, ни за границей. Только одна, и только своими собственными силами, она будет добиваться цели, основанной на высших принципах национальной защиты русских интересов в борьбе против всех тех, кто мечтает о разрушении идеала Рос-

сии. Среди последних находятся почти все евреи русского происхождения. Они составляют две третьих части революционеров. В своей борьбе против подрывных элементов Лига вынуждена им противостоять, но только как революционерам, а не как евреям. Лига чужда антисемитизма; но она будет бороться против того, чтобы оппозиционеры, которые благодаря содействию русских евреев являются хозяевами прессы, продолжали оказывать тлетворное влияние на национальную мысль.

Эти революционные и космополитические элементы ополчились против Лиги в России, где им не удалось ей помешать, и во Франции, где они почти довели одного из представителей русских властей до попытки задушить в зародыше парижское отделение. Г-н де Р/ачковск/ий*, чья

* Имеется в виду создатель сети русской агентуры за границей Рачковский.

роль заключалась в том, чтобы видеть себя последним среди наших врагов, вознамерился

дискредитировать наше дело... Как бы то ни было, шеф русской политической полиции отправил трех агентов распространять лживые слухи о нашей организации в редакции газет, в кулуары парламента и даже в прихожие домов политических деятелей. Эти люди даже не колебались говорить о том, что «Лига для Спасения Русского Отечества», о которой их шеф однако должен знать, что ее центр в Харькове не существует и что филиал ее в Париже — чистая спекуляция. Г-н де Р/ачковск/ий, если он ошибался, освободится от заблуждений, мы в этом убеждены; но нам не следует соглашаться, чтобы трое его сыщиков нас оболгали и настроили против нас тех, кто хотел бы оказать нам немного доверия. Вот почему мы повторяем здесь, что Лига заинтересована исключительно в моральной поддержке своих членов, от которых она никогда не потребует никаких затрат и членских взносов, и мы просим тех, кому призывы такого рода будут адресованы, сообщить нам об этом. Тогда мы смогли бы противодействовать тем, кто будет замешан в подобных злоупотреблениях, являющихся не чем иным, как мошенничеством.

Эти три агента Г-на Р/ачковско/го не заботили бы нас более, если бы они не спекулировали на значительной ситуации, впрочем ложной, которая им позволила проникнуть в круги, из которых они незамедлительно были бы изгнаны, если бы о них было известно более подробно.

Один из них — в прошлом горячий нигилист, в настоящее время официально оплачивается; второй — из богемы, использующий литературные круги; третий, наконец, бывший служащий одного русского листка, не стершего до сих пор посрамлений за свои аферы по организации шантажа в 1889 г.

Если бы наглость этих людей не превосходила все границы, мы бы не настаивали на их роли; но вынужденные обстоятельствами к анонимному положению, которое, впрочем, не продлится очень долго, мы не хотели бы позволить им продолжать безнаказанно заниматься их ремеслом.

Признание, которое мы уже получили, является доказательством симпатий и доверия к Лиге со стороны ее членов; оно дает им право быть осведомленными обо всем том, что касается филиала в Париже, созданного с их помощью.

Вот почему Вам адресовано это длинное письмо с согласия центрального комитета в Харькове. Уже в ближайшие месяцы Лига войдет в регулярное общение со своими членами посредством выпуска ежемесячного бесплатного бюллетеня, который даст полную информацию относительно филиала в Париже и будет публиковать документальные статьи по политическим, социальным, финансовым, литературным и научным сюжетам, касающимся России. Таким образом, мы сдержим обещание, содержащееся в нашей программе относительно верных представлений о России и ее народе. Первый номер бюллетеня появится в ближайшее время.

Кроме того, филиал в Париже предполагает издавать популярные брошюры и иллюстративные листки с целью сообщить о России рабочему классу, в среде которого правительство — друг и союзник — опорочено и оболгано.

В своем последнем сообщении Лига объявила своим членам о скором прибытии официального представителя из центра в Харькове, приезд которого временно задерживается, но мы сможем уточнить дату его прибытия в первом же номере Бюллетеня.

Милостивый государь,
Примите выражение наших преданных чувств.

Лига за Спасение Русского Отечества.

Лига для Спасения Русского Отечества

Милостивый государь,

Россия переживает в этот момент внутренний кризис, вызванный созданием коалиции элементов, объединенных единой целью ослабить ее и парализовать.

Ее институты, ее социальная и политическая организация жестоко подавлены. Громадная страна, которой необходимо было бы спокойствие, с тем чтобы без потрясений двигаться по пути прогресса и развития, к которым она стремится, является объектом революционных нападков со стороны международной организации, подверженной различным влияниям, чуждым чувствам, чаяниям и интересам русской нации.

Национальная Лига была создана в России с целью дать отпор действиям этой космополитической организации, основавшей для более уверенных своих атак на Империю центр в Лондоне и сеть комитетов в Париже, Берлине, Цюрихе¹. Для того чтобы более успешно бороться с действиями этих комитетов, которые есть не что иное, как форма международной анархистской агитации, «Лига для Спасения Русского Отечества» также решила создать филиал за границами Империи. Она избрала столицу дружеской и союзнической нации, уверенная, что найдет там помощь и теплый прием со стороны всех французских патриотов.

Франко-русский союз есть не только результат дипломатических усилий, он является естественным следствием дружбы двух народов, давно научившихся понимать и уважать друг друга.

Россия и ее императоры никогда не оставались безразличными к опасностям, которые угрожали Франции извне или изнутри; также и Франция, которой Россия обязана устойчивыми отношениями, не останется индифферентной к усилиям международной организации, задача которой заключается в том, чтобы ослабить и разрушить союзническую нацию.

Возбудители и зачинщики волнений кичатся одобрительной оценкой со стороны других народов. Французы дадут решительное опровержение этим отчаянным утверждениям, и они не откажут в симпатии и признании этой Лиге. Далекая от того, чтобы стать инструментом реакции, она не имеет других намерений, кроме как помешать хаосу и всеобщей дезорганизации на пути развития и национального процветания России.

Мы просим Вас, Милостивый государь, отправить на адрес «Лиги для Спасения Русского Отечества», улица Сен-Лазар, 27, Париж, нижеследующий бюллетень о присоединении, с Вашей подписью. Это признание не влечет никакого рода обязательств с их стороны, является лишь проявлением симпатий к России и указанием для Лиги, которая таким образом будет осведомлена об адресах многих людей доброй воли для отправления им точной и правдивой информации.

Примите, Милостивый государь, наши уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

Лига для Спасения Русского Отечества

Далее следует текст бюллетеня и адрес, по которому он должен был отправлен.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Речь идет о народовольческих и социал-демократических группах русских революционеров за границей. Часть из них действовала на территории Западной Европы уже в последней четверти XIX в. Так, к примеру, в Лондоне в начале 90-х гг. был основан С. М. Степняком-Кравчинским Фонд вольной русской прессы. В 1901 г. в Женеве действовала «Заграничная Лига русской революционной социал-демократии» — организация, объединившая «Искру», «Зарю» и «Социал-демократа». В том же году в апреле в странах

Центральной Европы, включая Францию и Швейцарию, прошло мощное движение солидарности с революционным движением в России. Известно также, что в Штутгарте издавалась марксистская газета «Заря». В 1902 г. в Женеве в издательстве «Искры» были выпущены два сборника — «Песни революции» и «Песни борьбы». А в Париже летом того же года по инициативе «Искры» начинает выходить бюллетень о русском революционном движении на французском языке — «Echo de Russie».

Публикация доктора исторических наук Елены Макаренко

Автор выражает признательность д. и. н. **Юрию Ильичу Кирьянову** за ценные консультации по истории русского консервативного движения.

«Оттянуть гражданскую войну не удастся»

К истории формирования Добровольческой армии

Генерал М. В. Алексеев в штабе после награждения Георгиевским крестом за Галицийскую битву. 1915 г.

Продолжаем знакомить читателей с документами из архива выдающегося русского государственного и военного деятеля генерала М. В. Алексеева (1857—1918), посвященными одной из самых трагических страниц в истории нашей Родины.

Сын рекрута, Михаил Васильевич Алексеев благодаря упорному труду, таланту и целеустремленности окончил одну из самых престижных академий России — Николаевскую академию Генерального

штаба. С августа 1915 до сентября 1917 с небольшими перерывами был начальником штаба Верховного главнокомандующего. Как начальник штаба, генерал Алексеев располагал всесторонней информацией не только о положении на фронтах, но и в тылу. С целью противостоять приказу № 1, способствовавшему развалу армии и фронта, генерал Алексеев, сознававший, что страна катится в пропасть, весной 1917 г. приступил к организации Союза офице-

ров, так называемой «Алексеевской организации», которая и явилась ядром будущей Белой армии.

После октябрьского переворота Михаил Васильевич тайно уехал в Новочеркасск, где после разговора с Калединым получил согласие на формирование Добровольческой армии на территории Войска Донского. 15 декабря 1917 г. генерал Алексеев обнародовал свое обращение с призывом «спасти Родину», которое извещало о начале формирования войска. Именно этот день считается днем основания Добровольческой армии.

В декабре в Новочеркасск прибыл генерал Корнилов, ставший командующим армией, за генералом Калединым осталось управление Донской областью, а за М. В. Алексеевым — финансы, общее политическое руководство; он же возглавил «Донской гражданский Совет» — первое антибольшевистское правительство. В состав Совета от Московского центра вошли М. М. Федоров, А. С. Белевский, П. Б. Струве, кн. Г. Н. Трубецкой, П. Н. Милюков, позднее Н. Е. Парамонов, М. П. Богаевский.

Советская историография одностронне освещала историю гражданской войны. Документы, предложенные читателям, позволяют взглянуть на гражданскую войну с другой стороны — глазами участников Белого движения. Документы позволяют заключить, что воспринимать Белое движение как силу исключительно антинародную и наемную, а потому фатальную обреченную — значит, упрощать и, следовательно, искажать историческую действительность. Не менее очевидно и другое: военно-политическое и идейно-нравственное явление такого масштаба не могло возникнуть случайно, тем более не могло погибнуть случайно. Ведь для большей части добровольцев, прошедших через огонь Первой мировой войны, решение идти воевать за Россию было логичным выполнением гражданского и патриотического долга. Характерно, что почти все инициаторы и организаторы Белого движения были офицерами Генерального штаба, выпускниками Николаевской академии. Характерно, что из 71 офицера, бывшего в командном составе Добровольческой армии (из участников «Ледяного» похода), только пятеро имели имения и землю (от 430 до 2400 десятин), причем в совместном владении с родителями — трое, приобретенную — двое*

Документы из архива М. В. Алексеева раскрывают сложные и острые проблемы антибольшевистской борьбы, отношения командования Добровольческой армии и казачьих атаманов, противоборство кубанских «самостийников» с руководством армии, «самостийность» Киевской рады, роль Германии в поддержке этой «самостийности». В одном из писем к Милюкову Алексеев писал об атамане Краснове: «...что ни слово — за таенная мысль, желание и — скажу от себя — готовность продать». Краснов неоднократно высказывал мысль о необходимости выдворить командование Добровольческой армии за границу России.

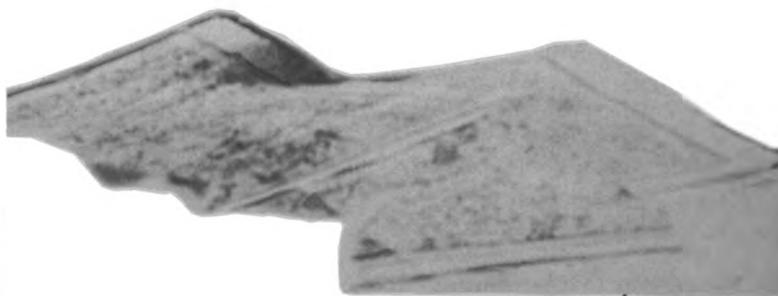
В июне 1918 г. генерал Алексеев получил от Национального центра письмо, в котором ему предлагалось возглавить общее командование военными силами, способными стать ядром возрождающейся русской национальной армии, а также Директорию. Генерал Алексеев предложение принял, но дни его уже были сочтены.

Тяжелая болезнь — следствие контузии в русско-японской войне — не позволила Михаилу Васильевичу продолжить службу Отечеству.

Публикуемые документы, несмотря на то что некоторые из них были фрагментарно воспроизведены в исторических исследованиях и мемуарах, впервые печатаются полностью.

Все документы — это подлинники или авторизованные черновики, как правило рукописные, часто карандашом, с большим количеством сокращений.

Документы подобраны по адресатам, затем по хронологии, с сохранением проблемного принципа. Подчеркивания в тексте сделаны авторами. Дореволюционная орфография заменена на современную, описки исправлены, сохранено авторское написание слов и синтаксис, расшифрованы сокращения и инициалы, пропуски заключены в квадратные скобки. Названия документов принадлежат публикатору.

*См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М. 1988. С. 227—230.

М. К. Дитерихс¹ — М. В. Алексееву**№ 1****20 сент[ября] 1917**

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Васильевич!

Крупными, неудержимыми шагами мы идем к страшной национальной катастрофе.

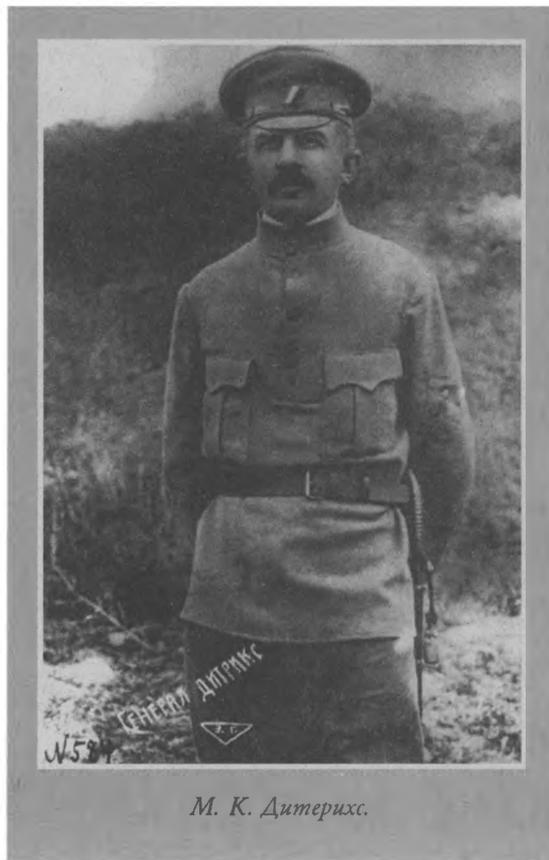
Порой мне кажется, что вся моя оперативная работа для данного времени есть кукольная комедия, стремящаяся позабавить и надуть кого-то также и прежде всего — самого себя.

Сегодня, например, Донское войско прислало ходатайство: не употреблять их для внутренней службы и не выводить новых дивизий из области. Характер изложения просьбы не оставляет сомнений в системном ее значении.

Борисов² снюхался с кавторангом Муравьевым³, который есть первый интриган и подлец во всех современных делах. И вот оба ведут армию к тому пути, на котором окончательно и бесповоротно погиб наш флот Балтийский.

Не в состоянии больше писать. Простите, дорогой, светлый Михаил Васильевич.

Мих[аил] Дитерихс

№ 2**14 октября 1917**

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Васильевич!

Я разработал и начинаю проводить в жизнь создание к весне совершенно новой, здоровой, территориальной армии, которую рассчитываю довести до 400.000 штыков.

Для этого я выделяю очень глубокий тыл, частью — некоторые здоровые части, заявляющие сами просьбу об участии их в этом новом формировании, частью — выделяю из действующих частей кадры охотников офицеров и солдат, которые путем подбора себе офицеров и солдат из резерва, запасных частей, тыла и наконец фронта, сформируют батальоны.

Все это вылито в особую организуемую систему. Инспекции по формированию демократических гренадерских частей, состоящих из 50 баз формирования, сведенных в 4 фронтовые инспекции. Всего будет подготавливаться таковых батальонов 176, которые в середине января, путем влития новобранцев непосредственно из мест призыва, дадут до 350 батальонов, а может быть и даже больше. Мысль моя — тесно связать эти новые формирования с землей, для чего, пропорционально населенности и богатству губерний, батальоны будут наполняться преимущественно контингентом определенной каждому губернии. Надо, чтобы губернии выбрали бы от себя надежных представителей земства для образования комитетов, по вербовке, снабжению, заботе формируемых своих частей, а главное, для ограждения здоровой пропагандой от политического влияния другой стороны — большевистской.

Это надо сорганизовать скорее, т. к. о моих намерениях уже начинают поговаривать и, дабы намеченная мера не была вырвана из определенного русла, необходимо энергично провести идею связи с землей.

Если Вы одобрите эту мысль, то я прошу Вас помочь среди известных Вам земских деятелей.

Я могу сказать уже сейчас определенно, что начало будущей армии уже получило основательный фундамент и для трех дивизий уже есть прочные, крепкие батальоны по расчету 1 на полк, которые отвоюю в тыл.

На днях закончу приложения, которые не премину Вам прислать, но провожу меру уже теперь до выхода приказа. Помогите.

Горячо Вас любящий и всегда Вам преданный

Мих[аил] Дитерихс.

№ 3

17 окт[ября] 1917

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Васильевич!

Завтра приезжает к нам Терещенко⁴, который коснется вопроса о проведении воен[ных] министр[ерских] наших мероприятий. Поэтому пришлось задержать посылку Вам наших приложений.

Вопрос о формировании новой армии на началах, о которых я Вам писал, — двинулся. Об этом деле с Вами, вероятно, будет говорить В. В. Вырубов⁵, который принял на себя подготовку необходимых деятелей и печати. Пока не удастся отобюрократиться внутри, по понятным для Вас началам и причинам, приходится это детище охранять большой тайной, т. к. иначе все может быть сорвано. Дело большое и по теперешним временам пожалуй единственное, которое может выручить Россию, если удастся привести его в характер желательного направления. К.⁶ — дал на все согласие, хотя мы в докладе по сему не скрывали наших целей и причин, и даже собственноручно утвердил.

Нас с Н. Н.⁷ глубоко огорчил выпад Савича⁸ в своей речи против Н. Н., или вернее говоря, включение имени Духонина в клику Верховских⁹, Черемисовых¹⁰ и т. п.

Михаил Васильевич, Вы близко стоите там около тех, с кем мы являемся единомышленниками, держась Вас и следуя Вашему руководству. Скажите им, что если в них хоть на миг вкрадется сомнение в наше истинное положение здесь, в направлении нашей работы — пусть скажут нам прямо и ни минуты больше ни я, ни Н. Н. не останемся здесь.

И без того тяжело, тяжело до нестерпимости выдерживать все то, что приходится выносить от людей нас не знающих и от левых нас почуявших.

Если для пользы Родины Вы и Ваши единомышленники считают, что мы не должны быть здесь — мы уйдем немедленно: ведь мы только сторожевые собаки, оберегающие драгоценный дом за время отсутствия его хозяина. Поймите это.

Горячо Вас любящий и всегда Вам преданный Мих[аил] Дитерихс.

Смотр А. Ф. Керенским войск Петроградского гарнизона. Май 1917 г.

№ 4**11 ноя[бря] 1917**

Многоуважаемый и дорогой Михаил Васильевич!

Боюсь, что оттянуть гражданскую войну до более благоприятного времени, в смысле сорганизованности южных центров России, не удастся, т[ак] к[ак] события идут слишком быстро. Большевики, попавшие в лапы черни и германцев, уже не в состоянии, кажется, стать на прямые пути и вынуждены катиться по руслу к бездне.

Одного не понимаю: неужели германцам выгодно иметь в России англичан, американцев и японцев? А ведь, чтобы спасти Россию, придется к этому прибегнуть.

Положение общее следующее: большевики под давлением черни вынуждены добиваться фикции мира и явочным порядком, сепаратно от союзников, стремятся установить перемирие. Они встречают поддержку в массе Северного, Западного и отчасти Юго-Западного фронтов. Таким образом происходит раскол России на два района: северный и южный. Чтобы избежать его до конца войны и дать демобилизацией собраться на юге силам казаков и Украины, надо раньше прийти к легальному миру совместно с союзниками и лишить большевиков той силы армии, на которую они сейчас опираются. Но это-то и чувствует чернь и немцы и стремятся сорвать фронт помимо даже воли руководителей большевиков.

Сегодня или завтра дни, когда наступит предел нашей борьбы и нам придется решить ближайшую судьбу России, расколов ее официально на два лагеря. Момент тяжелый до невероятия. Но вся предыдущая разруха нашей страны ведет неизбежно к этому.

Вчера союзники, которые не признают Петрограда, вручили нам ноту с предупреждением о тяжелых последствиях сепаратных выступлений с нашей стороны. Но чернь и массу армии уже ничто, кажется, не в силах вразумить.

Духонин совершенно разболелся сердцем и едва ли кончит благополучно. Я оставил должность генкварверха, но остаюсь при нем, так как его положение и состояние невероятно тяжелы. Положение таково, что нет из него выхода, если что-либо не облагоразумит массы. Ведь мы не можем даже идти на разделение фронтов, на Северный и Южный, т[ак] к[ак] тогда Северный заключит сам перемирие и немцы сосредоточат все свои силы против Южного и мы лишимся Юга до Дона, а то и до Волги.

Не могу больше писать, дорогой Михаил Васильевич, т[ак] к[ак] тяжело невероятно. Горячо Вас любящий Мих[аил] Дитерихс.

№ 5**16 нояб[ря] 1917**

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Васильевич.

Я не в состоянии писать много и потому постараюсь передать на словах Вашему посланцу все, что может Вас заинтересовать. Поэтому я Вам набросаю тот конспект, на который он сможет Вам давать ответы. Лично про себя скажу, что я ушел со своей должности и остаюсь здесь, [так] как во главе стоит Духонин, дабы поддерживать эту идейную борьбу, которая только и возможна сейчас в нашем положении, преследуя три цели: 1) поражение германских большевиков Ленина, Троцкого и К°, 2) выигрыш времени для организации Ю[го]-В[осточного] Союза¹¹ и 3) возможно планомернее провести предстоящий кризис анархии. При первой возможности, если только останусь жив, буду у Вас, но когда по времени это случится — сказать не могу.

1. Платформа Ставки.

2. Почему мы вынуждены были опереться в борьбе с германским большевизмом Ленина, Троцкого на эсдеков.

3. Отсюда зависимость наша от них.

4. Положение союзников и Германии. Возможность мира.

5. Возможность создания власти в России в ближайшее время.

6. Почти полная невозможность сейчас двигать на Дон что-либо.

7. Как естественно мы проведем помощь Дону.

8. При каких это будет условиях.

9. Выполнение германцами своего плана окончания закрепления своего экономического порабощения России: на севере — политикой, на юге — силой.

10. Отношение румын и Рады.

11. Подготовка будущей Добровольческой армии.

12. Организация продолжения борьбы, хотя бы пришлось уйти на Урал. Приход союзников.
13. Катастрофа и ее локализация.
14. Положение Ставки, возможные ее изменения и дальнейшее положение.
15. Меры по подаче сейчас на Дон припасов.
16. Положение Черноморского флота.

Горячо Вас обнимаю и верю, что хотя и с большими трудами и кровью выведем Россию опять на путь.

М[ихаил] Дитерихс.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)
Ф. 855. Картон 2. Ед. хр. 41.

М. В. Алексеев — М. К. Дитерихсу

№ 6

8 ноября 1917 года. Новочеркасск

Пришлось уходить из Петр[ограда]¹². В Смол[енск] нельзя было попасть*. Приехал в Ново-
черкасск, имея в виду не только найти

В Смоленске находилась семья М. В. Алексеева.

времен[ный] приют, но и начать работу, если

только это окажется возможным. Вы, вероятно, знаете, что заключен союзный договор Юго-В[осточного] Союза. Экземпляр этого договора я Вам прилагаю. Моя мысль, развитая и дополненная некоторыми прибывшими из Центра деятелями, такая: юго-восточный угол России — район относительного и сравнительно госуд[арственного] порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы, кроме — в известной мере — угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; на Кубани и Терек хороший урожай. Здесь, если теперь же приложить капитал, энергию, знания, временно оказавшиеся ненужными для центра и севера, можно толкнуть вперед промышленность, удовлетворить потребности не только нуждающегося во всем местного населения, но поделиться с соседн[ими] губ[ерниями], не принадлеж[ащими] к Союзу, создавая тем и для них условия наступления порядка и нормальной жизни. Как от масляной капли начнет распространяться пятно жела-

Семья М. В. Алексеева. Сидят (слева направо): репетитор сына Николая, М. В. Алексеев, дочь Вера, жена А. Н. Алексеева. Стоят: дочь Клавдия и сын Николай. Киев. 1908 г.

емого содержания и ценности. Такова ближайшая цель экономическая. Цель более отдаленная — дать краю стать на ноги, чтобы, по заключении мира, он оказался способным отбиться от нем[ецкого] капитала, промышленной предприимчивости, тевтонского натиска для мирного завоевания. Из этой цитадели должна затем начаться борьба за экономич[еское] спасение наше от немца, при участии капитала англо-америк[анского].

Под покровом силы промышленно-эконом[ической] и* порядке здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосуд[арственную]. Это - цель политическая, кот[орая] в своем осуществ[лении] не должна быть откладываема далеко. Нужно обрадовать однако силу, на которую эта власть могла бы опереться.

Пользуясь пока некоторым моральн[ым] престижем и всеобщим убеждением, что казацкие области имеют достаточную силу не только для обороны, но и для акт[ивных] предприятий, т. е. пользуясь видимой недосыгаемостью и безопасностью, приступить здесь к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой реальной силы вооруж[енной] для будущей акт[ивной] политики. Элементы имеются: много офицеров, часть юнкеров и гардемарин из разгромленных училищ, не потерявшие честную душу солдаты, наконец, добровольцы. Первоначальное формирование — на частные пожертвования, но по мере готовности — принять на общий бюджет, ибо благотворительность не может дать всего необходимого.

Вот схема начинающейся работы. Работа пока чуть теплится, т. к. приток средств скуден; рус[ский] человек не хочет рисковать и жертвовать ничем.

Пока я писал эти страницы, сюда дошла пресловутая телегр[амма] Ленина и Троцкого ко всем, заключающая поручение заключить перемирие¹³. Союзники, конечно, ответят молчанием; противники используют это нелепое сепаратное выступление в своих интересах; наша современная «доблестная» армия может ответить стихийным движением «по домам». Но все это не изменяет, по моему мнению, общей схемы спасения Р[оссии] и ее остатков.

Теперь кратко изложу В[ам] результат изучения в течение недели общего положения моральных и физических сил Каз[ачьего] Союза**.

**Имеется в виду Юго-Восточный Союз. — Л. П.

Общая, резко выраженная, тенденция всех стоящих во главе и влиятельных виднейших советников: задача Союза — внутреннее благоустройство, удержание порядка и спокойствия; внешние предприятия исключаются; «завоевание» России «казакам не по силам». Крайняя осторожность положена в основу всех решений. Но по части экономической — мысль о необходимости скорейшего крупного займа является более или менее общей. Намечавшаяся прошлыми деятелями осторожная мысль о создании при военнопром[ышленном] комитете комиссии совещательного характера получила более смелое, а главное — более быстрое осуществление в виде органа правительства «экономического совещания»***, которому я склонен придавать большое значение, и не только пром[ышленно]-экон[омическое], но и политическое, а следовательно, косвенно и военное. К работам этого совещания, думаю, будут привлечены и выдающиеся деятели Центра.

Военные наличные силы Каз[ачьего] Союза действительно ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям (угольно-рудный район, Ростов, жел[езная] дор[ога]). С ними на внешние предприятия идти, конечно, нельзя. Возвращаемые с фронта части, особенно донские, заражены немногим меньше, чем «товарищеские». Нужно время, прежде чем на месте старый, прочный каз[ачий] элемент успеет выколотить навязанную дурь в головах более молодых казаков. Настроение же местной пожилой массы — государственное: она стоит впереди своих вождей, будучи убеждена, что она обязана так или иначе спасти Россию. Но это настроение пока не может повлиять на правительство, кот[орое], к стати сказать, в виде общего «объединенного» еще не создается и создастся, по моему мнению, не без тренировок, как не без тренировок пойдет и первоначальная его работа. Хорошо будет, если от него изойдут энергичные меры по развитию материального благосостояния, удовлетворению насущнейших нужд населения, по поддержанию безусловного порядка, по сохранению своего престижа в глазах Вр[еменного] прав[ительства] и по обеспечению возможности формирования прочных частей. Все это не останется без влияния на общее положение дел государства, на работу текущую и на последующее исполнение задачи по спасению государства.

Задача последняя разветвляется на две основные:

политическая — печать, пропаганда, агитация, обработка умов, внушения, побольше смелости, специальная работа в отношении Рады¹⁴;

военная — подготовка войсковых частей, усиление казацких.

***В ноябре 1917 г. возникло Донское экономическое совещание при донском атамане и правительстве, призванное организовать хозяйственную часть армии, устанавливая связь с иностранными государствами, русской общественностью. Его роль была тождественна той роли, которая отводилась Совету. Неприкритое соревнование между совещанием и Советом было устранено после того, как в Совет вошли Н. Е. Парамонов и М. П. Богаевский.

Политическая часть требует крупных денежных средств и большого числа идейных и умных работников. Для последней цели завязываются сношения с организациями, отдельными лицами. Приток ден[ежных] средств, как я говорил, пока ничтожен. Но верится, что, когда увидят приступ к серьезному делу, дадут.

Военная часть требует тоже денег, но кроме того, общего плана, общей помощи, крупной работы. Если штаб основных работников должен быть создан на территории Союза каз[аков], то тайные официальные отделения его должны существовать в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и др[угих] центрах. Если гл[авные] силы должны создаваться здесь, то местные организации, возможно по обстановке сильные, нужно образовать в тех же центрах. Офицеры, студенты, интеллигенция должны составить контингент. Если в Москве этот элемент оказался раздавленным, то только потому, что он не имел совершенно предварит[ельной] организации, не был никем управляем и, наконец, по-видимому, прямо продан полк[овником] Рябцевым¹⁵. Этим уроком нужно хорошо воспользоваться.

Перехожу теперь к организации и сбору сил здесь для будущего удара, шире и деятельнее подготавливаемого мерами политич[ескими].

Прежде всего нужно направить все что можно, под благовидными предлогами с фронта, так, напр[имер]:

1. Для формирования все че[хо]-слов[ацкие] полки¹⁶, кот[орые] охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения Р[оссии]. Некоторые связи установлены, в скором времени они получат дальнейшее развитие. Если Вы можете оказать содействие к переводу под тем или другим предлогом, то положите прочное начало к созданию здесь реальной силы.

2. Георг[иевский] зап[асной] полк¹⁷, формировавшийся в Киеве, рассыпался. Но офиц[ерский] состав с некоторым числом солдат прибыли сюда. Он послужил кадром. Послал командира сговориться со Ставрополем, жаждущим получить прочную часть для защиты населения. Узаконьте формирование такого, якобы запасного, полка в Ставрополе — и формирование крупной части обеспечено.

3. Если бы можно было рассчитывать на перемещение чехо-словаков, то командировать от них офицеров было бы полезно для изучения условий расположения.

4. Нужно освободить области от совершенно большевистских зап[асных] полков, чем расформировать их, или безоружными потребовав на фронт. Здесь они ничего не делают, являются источником постоянной тревоги, опасения, и в полном смысле не только не полезны, но и вредны и опасны. Вывод их освободит помещения и даст хотя и небольшое количество винтовок.

5. Частным почином Киевск[ое] Никол[аевское] арт[иллерийское] уч[илище] переезжает на терри[торию] Союза. Но матер[иальная] часть осталась в Киеве. Нужно это выволить от Рады и передать в училище. Это будет остов и инструк[ивный] отдел артиллерии.

6. Изучить вопрос о польских войсках. Хотя, мне думается, они уклонятся от участия в этом деле.

7. Затем нужно приступить к созданию из тех элементов, на которые я указал, новых частей на прочных началах дисциплины и порядка. Наплыв офицеров и юнкеров только сдерживается пока чисто искусств[енными] мерами, невозможностью без подготовки и средств наводнять Новочерк[асск]. Но затем число желающих будет значительно. Нужно будет начать извлечение из частей честных, желающих солдат и прибегнуть к добровольцам. Сколько формировать таких частей, нужно бы сговориться, условиться, изучив вопрос совместно с Вами.

8. В то время, когда в деле снаряжения, обуви, обмундирования отчасти здешний военно-промышл[енный] комитет вновь формируемый в[оенно]-технич[еский] отдел «экономического совещания» пойдут навстречу этим вновь формируемым частям, в деле вооружения на месте сделать ничего нельзя и все может быть создано только Вами и Упр[авлением] тылом, отчасти ГАУ¹⁸ и ГВТУ¹⁹.

9. Дело в том, что существует Новочеркасский арт[иллерийский] склад, правда с ничтожным личным составом и полным отсутствием каких-либо запасов. ГАУ в начале октября своим попечением направило в этот склад 10 т[ысяч] винтовок из Петр[ограда] и 12800 винтовок из Москвы. Первая партия заведомо разграблена; о второй никаких вестей нет; надо думать, подверглась той же участи. Надо повторить наряд; вытребовать приемщиков и конвой. Довести наряд до 30 тысяч винт[овок] на первое время.

10. Нужны пулеметы. Ко всему тому побольше патронов, т[ак] к[ак] от богатства запасов здесь будет гл[авным] образ[ом] зависеть питание.

11. Нужно направить 4—5 мест[ных] арт[иллерийских] парков с арт[иллерийскими] патронами в виде резерва для Кавк[азской] армии. Здесь даже наличная арт[иллерия] не имеет боевого комплекта.

12. Для батарей, здесь формир[уемых], нужно направить орудия и матер[иальную] часть. Лучше, быть может, расформировать что-либо существующее. Амуницию и конское снаряжение можно обеспечить на месте.

13. Для ручных гранат здесь изготавливаются только оболочки. Нужно снаряжение доставить.

14. Все это нужно направлять в местный арт[иллерийский] скл[ад].

15. Не можем на месте дать телеф[онное] имущ[ество], котелки, пох[одные] палатки, части шапц[евого] инстр[умента].

16. Обоз, пох[одные] кухни, сбруи... можно в большей части потребности заготовить на месте.

Создавая организации в центре, нужно подумать о сосредоточении для них оружия и патр[онов], а то и наличные офиц[еры] в Петрограде, могшие принять участие в обороне Зимн[его] Дв[орца], остались без всякого оружия, а в Москве не имели достаточного количества патронов. В результате — гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная²⁰.

Вот краткий набросок предположений, мечтаний, пожеланий. От мечтаний в некоторых направлениях перейдем к делу, но в вопросах организационных нужно соглашение с Вами и совместная разработка плана. Нужно заботливо собирать оружие.

Привходящий частный вопрос. В Астрах[анских] каз[ачьих] в[ойсках] предположено формирование 6—10 кон[ных] полков калмыков. Сколько и какого оружия могут получить они? Инструкторов офиц[еров] найдем из числа ныне выброшенных милыми «товарищами».

Повторяю, что начальный период формирования надеюсь провести на средства, которые будут даны лицами, организациями, но нужно определить время и порядок перехода в состав вооруж[енных] сил, состоящих в ведении шт[аба] В[ерховного] Гл[авнокомандующего]. Иначе может настать минута, когда нечем будет кормить и содержать собранных, и все дело рухнет. Как видите, прежде чем начинать развивать дело, нужно многое разработать совместно. Дело спасения госуд[арства] должно где-либо зародиться и развиться. Само собой ничего не произойдет при той степени развала, до которой его довели представители Вр[еменного] пр[авительства] и деятельность большевизма. Только энергичная, честная работа всех сохранивших совесть и способность работать может дать результаты. Нужно поставить дело так, чтобы получить возможность повести за собой местных здешних деятелей. Они пойдут. В них проснется общегосуд[арственная] точка зрения. Но сами они не начнут, равно не пойдут только со своими силами.

№ 7

[Без даты]*

*Начало чернового автографа отсутствует. — Л. П.

Накопилось два дополнит[ельных] серьезных вопроса:

1) В упр[авлении] Рады мы имеем противника умного, серьезного, искусно руководимого извне и оттуда же питаемого деньгами. Одной печатью с нею бороться нельзя. Нужно дискредитировать [не] отдельных лиц, ее составляющих, а целое, как изменническое, наносное. Контрразв[едывательное] отделение Радою же разгромлено с вполне определенной целью. Следовательно, нужно спасти уцелевшие документы и восстановить негласное к[онтр]-разв[едывательное] отд[еление] с этою основною задачею — изучать, расшифровывать лиц и целое. Поводы и целое, и лица дают, и работа не будет бесплодною, но ее нужно отдать в хорошие руки. Информаторы же деятельности Рады и разветвлений ее найдутся²¹. Работа спешная, ибо Рада пока прочных корней не имеет, но каждый месяц упрочивает ее положение и увеличивает число вольных и невольных сторонников. Открытая борьба с этим учреждением, слившимся с большевизмом, пока не по средствам. Но изыскание способов к дискредитированию возможно и полезно.

2) Состояние Ч[ерноморского] фл[ота], находящегося в стадии скрытого, но сильного разложения, требует срочных мер. Совет флота уже прислал Каледину²² нечто вроде ультиматума с угрозами враждебных действий, которые могут выразиться в появлении миноносца у Ростова. Между тем нужно удержать фл[от] от присоединения к Раде. Нужна здоровая, энергичная пропаганда; нужно уменьшить состав фл[ота], выбросив наиболее негодные и опасные элементы; нужно очистить Севастополь от вредного гарнизона, занять крепость более сохранившеюся частью; нужно обеспечить Керч[енский] пролив. А все-таки самое главное — так или иначе спасти флот, хотя бы купив людей. Слабых мест у нас много, а средств мало. Давайте группировать средства гл[авным] обр[азом] на Ю[го]-В[остоке], проявим всю энергию, стойкость. Если позорно окончится война, то с этим не окончатся страдания Рос[сии], разложение ее на части. Откуда-то должно будет идти спасение от окончат[ельной] гибели политич[еской] и экономич[еской]. Ю[го]-В[осток] имеет данные стать источником такого спасения. Но его нужно поддержать, спасти самого от потрясений — вооружением, мужеством, терпением, спокойствием, сбором сил и выжиданием. Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью.

М. В. Алексеев. Конспект беседы с офицерами, прибывшими на Дон для вступления в Добровольческую армию. 1917 год, [начало ноября?].

В исключ[ительно] тяжелую пору собрались мы сюда. Никогда, в истор[ическом] прошлом Р[оссии], наша родина не переживала того горя, унижения, нравств[енного] падения, как ныне; никогда государство, полное*, казалось, нравств[енной] мощи, физич[еской] силы, не растратило так быстро своих культурных богатств, накопленных нашими предками, дедами и отцами, как мы.

* Слово вымарано М. В. Алексеевым. — Л. П.

Молодая, слабая, разрозненная, малокульт[урная] Русь пережила тяжкое татарское нашествие. Исчезли с лица земли цветущие города, где занималась жизнь, зачатки культуры, там зашумели лишь дремучие леса со звериными тропами и редкими повозками.

Умерло, казалось, госуд[арство], но не умер народ, жива была его вера в Бога, его душа, его любовь к своему родному краю; в нем билось русское сердце, его не покидала мысль свергнуть иго, вернуть свободу.

Пережила Русь и лихолетье Смутного времени. Погибало все: исчезла сила сопротивления народа, не видящего поддержки в своих правящ[их] классах. Но и в эти тяжелые дни дух народный не погиб; мощно жило стремление к самостоятельности; была готовность жертвовать достоянием и своим высшим благом — своею жизнью.

Но не теперь. Наш враг через своих наймитов, набранных из рус[ских] изменников, из отступников, из элементов, для которых сила, мощь Р[оссии] были грозны и опасны, растлили когда-то великую, прочную душу рус[ского] народа, использовав его темноту, убили веру в Бога, вытравили понятие о родине, заставили забыть любовь к этой родине. Вместо народа — осталась человек[еская] пыль.

И умерла Россия**, умерло желание жить самост[оятельной] жизнью, отстаивать эту жизнь, [...]*** жертвовать собою. Наверху желали поставить одно личное благо, личная жизнь, [...]****

** Первоначально было слово Русь. — Л. П.

*** Два слова вымараны М. В. Алексеевым. — Л. П.

**** Три слова вымараны М. В. Алексеевым. — Л. П.

хоть и позорно спасенная, но спасенная во что бы то ни стало.

Распалась идея государства. Наша могучая Р[оссия] обратилась в ряд респуб[лик], стремящ[ихся] к самобыт[ной] жизни, забывая, что ни одна из них к самобыт[ной] жизни не способна, [...]***** что она только матер[иал] к захвату и

***** Вымарано слово «но» М. В. Алексеевым. — Л. П.

поглощ[ению] соседом.

Если в правит[ельстве] большев[иков] руковод[ящую] роль и непосред[ственное] уч[астие] приним[ают] офицеры герм[анского] ген[ерального] штаба, то что может превзойти низость паде[ния] руковод[ящей] сферы и дряблость [...]***** народа, который покорно, безропот[но] переживает это униж[ение], этот позор.

***** Вымарано слово М. В. Алексеевым. — Л. П.

Устали все воевать, но где эта усталость выливалась она в нашей армии, расшатана, развращена [...]***** трудами социалистов.

***** Вымарано слово «нашими» М. В. Алексеевым. — Л. П.

И в арм[ии] — где собран цвет народа — умерли душа, честность, понятие о родине.

Умерла, конечно, у массы, которая задушила единицы, десятки, тысячи. Террор массы встретил отсутст[вие] гражд[анского] мужества единицы.

Но вот, среди бушующего моря низких страстей, упадка народной доброты, образовался островок, [...]***** где спаслось [...]***** все доблестное в душе человека. [...]***** На этом островке жива вера в Бога, [...]***** сознание родины, любовь к ней, понятие, что

***** Первоначальное «небольшой кусок земли» вымарано М. В. Алексеевым. — Л. П.

***** Вымарано слово «все» М. В. Алексеевым. — Л. П.

***** Вымараны буквы «вс» М. В. Алексеевым. — Л. П.

***** Вымарано слово «любовь» М. В. Алексеевым. — Л. П.

жизнь без чести, без идеалов, без готовности гибнуть и жертвовать собой есть жизнь позорная, чисто животная. Среди падения выделились люди, для которых лич[ные] блага стали ниже блага родины, жажда жизни — [...]***** хотя бы и позорная — ниже жажды подвига, спасения родины.

***** Вымарано слово М. В. Алексеевым. — Л. П.

Идея, преломляясь в сознании, переливает[ся] в жизнь. Петроград, Москва в тяж[елые], кошмар[ные] дни большев[истского] безобр[азия], полны [...]***** героизма малых разрозн[енных] групп.

***** Вымарано слово М. В. Алексеевым. — Л. П.

Здесь.

Остров будет расти, увелич[иваться] в размерах. В вашем лице я привет[ствую] этот пока

небол[ьшой] островок [...] * носитель[ей] велич[ия] духа, [...] ** мужества, готовности жертвовать собою.

* Два слова вымараны М. В. Алексеевым. — Л. П.

** Слово «честности» вымарано М. В. Алексеевым. — Л. П.

*** Вымарано слово М. В. Алексеевым. — Л. П.

Я благодарю вас за вашу [...] *** молодую чутк[ую] душу, спаяв[шую] вас в кор[откое] время в сильн[ый] боевой организм, сохранив[ший] [...] **** все лучш[ие] достоин[ства] прочной в част[ности] среди той атмосфер[еры] интриг, частого недовер[ия] и недоброж[елательства], среди кот[орых] жив[ем] мы.

**** Вымарано слово М. В. Алексеевым. — Л. П.

Я преклоняюсь перед вашим [...] ***** мужест[вом] и готов нести себя на служен[ие] родине, не останавл[иваясь] перед неизбеж[ными] пока лишениями. [...] *****

***** Слово «гражданским» вымарано М. В. Алексеевым.

— Л. П.

***** Вымарано «Я скажу вам, что настанет минута»

М. В. Алексеевым. — Л. П.

стрем[лении] почерпнем мужество, честность, отдадим [...] ***** наши силы, жизнь на достиж[ение] цели.

***** Вымараны буквы «вс» М. В. Алексеевым. — Л. П.

какой полит[ической] платфор[ме] [...] ***** мы стоим. Трудно говорить, какой [...] ***** стиль

***** Вымарано слово М. В. Алексеевым. — Л. П.

***** Вымарано слово «фасад» М. В. Алексеевым. — Л. П.

ред[ительное] Собр[ание]²³ как зодчий создаст здание.

[...] ***** Не верьте гнусным наветам, что где-то зреет черносот[енная] мысль. Кому великое служ[ение] не по плечу, прежде всего оплевывает все, что выше их.

***** Вымарано несколько букв М. В. Алексеевым. — Л. П.

Нет. Спаси, возрод[ить] когда-то вели[кую], почти умершую род[ину] — вот единств[енная] цель, путев[одная] звезда. Только чистые, честные намерения ***** напол[яют] душу тех,

***** Вымарано слово «против» М. В. Алексеевым. — Л. П.

Верьте этому *****.

И тогда в един[ении] мысли, в ***** созд[ании] др[ужных] ус[илий] ***** задача — посильна.

***** Вымарана буква «и» М. В. Алексеевым. — Л. П.

***** Вымарано буква М. В. Алексеевым. — Л. П.

***** Вымарано буква М. В. Алексеевым. — Л. П.

Затем — вы ничего не потеряете.

Я зову вас на подвиг. Быть может, на ваши

юные плечи лож[ится] боль[шая] тяжесть, но я живу верою, что в вашем чистом идеале залог нашей победы.

Там же. Карт. 4. Ед. хр. 25. Л. 1—3. Черновой автограф.

№ 9

Правый центр²⁴ — М. В. Алексееву

12 января 1918 года.

Лично, доверительно.

Милостивый Государь Михаил Васильевич,

обсудив совместно с генералами Лукомским²⁵, Деникиным²⁶, Романовским²⁷ и Марковым²⁸ общее положение организации и наиболее целесообразные способы наладить в дальнейшем работу ее, мы, представители Московского центра, пришли к следующим выводам, к[ото]рые считаем долгом сообщить Вам²⁹.

Переезд Главного командующего Добровольческой армии и штаба в Ростов устранит трения, возникшие от слишком большой скученности в маленьком центре, каким является Новочеркасск, между различными учреждениями, из коих каждое ревниво оберегает свою компетенцию.

В тех же целях и дабы урегулировать трения, возникшие на почве распоряжения финансовыми средствами, в распоряжение штаба будут отпускаться деньги по утвержденной смете. Кроме того, начиная с января с[его] г[ода] будет производиться отпуск в распоряжение Главного командующего Добровольческой армии на экстраординарные расходы 150 т[ысяч] р[ублей] ежемесячно, и увеличение этой суммы предусматривается в зависимости от состояния кассы Союза по мере развития численности Добровольческой армии и ее операций.

Все основные военные и политические вопросы должны решаться советом трех генералов; что касается Совета Союза, то подтверждается, что он должен сохранять строго совещательный характер.

Начальник штаба и Председатель Вербовочного комитета включаются в состав Совета Союза.

Лица, обязательно из военных, возглавляющие военно-политические центры, назначаются по предложению Главнокомандующего советом трех генералов; причем означенные лица инструкции по вопросам военным получают только от Главнокомандующего.

Примите уверения в глубоком уважении и совершенной преданности.

Михаил Федоров³⁰, кн[язь] Трубецкой³¹, П[етр] Струве³².

Там же. Карт. 3. Ед. хр. 21. Л. 1—2. Автограф [Г?] Трубецкого.

№ 10

[А. С. Белевский]³³ — М. В. Алексею

13 янв[аря] 1918

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Пишу Вам по поручению всех Московских общественных организаций, входящих в общерусский центр³⁴. Прошу Вас считать все изложенное в настоящем письме только выражением взглядов, к которым общественные организации пришли после углубленного обсуждения вопросов. Сама редакция настоящего письма коллективна.

Во-первых, мы просим Вас не ставить нам в вину некоторую медлительность нашу и тот долгий срок, который потребовался для того, чтобы ответить Вам на запросы, присланные нам Вами с лицами, прибывшими в конце декабря и начале января. Но именно вести, полученные с Дона за это время, и явились причиной промедления. Так, полученные сведения о состоявшемся по настоянию генерала Каледина включении в состав Совета г. Савинкова^{35*} и других

* В рукописи — Савенкова. — Л. П.

указанных им лиц, а также полученный проект воззвания, предположенного по требованию того же Савинкова к опубликованию, поразили нас всех**, и потребовалось некоторое время,

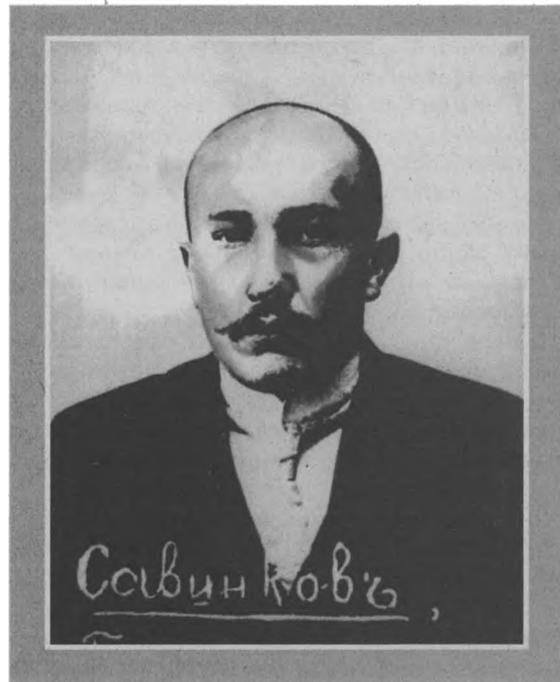
** Под этими словами вымараны три слова. — Л. П.

чтобы определить наше отношение к этим фактам с должною полнотой.

Вам, глубокоуважаемый Михаил Васильевич, на месте виднее, даст ли включение г. Савинкова и его компаньонов какие-либо практические положительные результаты. Мы же здесь констатируем наличие многих отрицательных.

Во-первых, ряд лиц уже примкнувших к делу, участие которых м[ожет] б[ыть] наиболее важно и ценно, решительно отказываются от участия в общественном предприятии рядом с Савинковым и его неизвестными компаньонами. Мотивируют они этот отказ и его прошлым, и его сомнительной общественной репутацией, и непозволительностью для серьезных общественных деятелей союза с политическими авантюристами. Это именно те люди, через которых и с помощью которых удалось наладить сношения с союзниками и которые необходимы для усиленного сбора местных средств. Уход их из дела был бы невозможной потерей. Таким образом, включение в организацию сомнительных представителей демократии, разрушающее наш складывающийся здесь общерусский центр и подрывающее финансовые корни дела, надо рассматривать как явление вполне отрицательное.

Во-вторых, факт включения г. Сав[инкова] и его присных, став предметом общественного достояния, остановит или, во всяком случае, ослабит прилив к вам офицеров, не склонных проливать кровь ради торжества и политических видов лиц, ответственных и за распад армии, и за

все постигшие Россию бедствия. Это не голословное наше утверждение или предположение, но обобщение ряда конкретных, известных нам случаев, имевших место за последние дни в связи с полученными с Дона вестями.

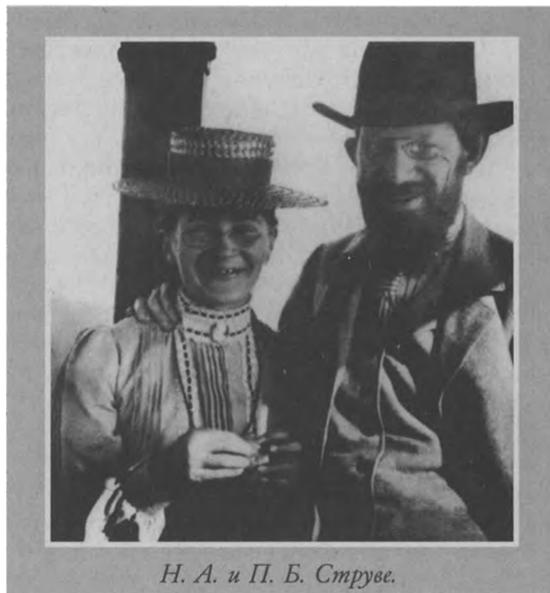
Вам, генерал, самому надлежит рассчитать, что выгоднее для общерусского дела, которому и Вы, и мы одинаково служили: прилив ли проблематических сил, на которые рассчитывает г. Савинков, или отказ многих преданных делу лиц от организации и значительное, а может быть, и окончательное, крушение наших финансовых расчетов. Мы со своей стороны считаем долгом высказать Вам, что для нас колебаний в этом вопросе нет. Г. Савинков и его компаньоны неуместны в общерусской организации, во всяком случае на тех ролях, которые они желают занять. В этом нас убеждает не только их личная оценка, их прошлое и то обстоятельство, что в среде самой революционной демократии кредит г. Савинкова и Мазуренко³⁶ совершенно ничтожен, но и следующие соображения общего характера: создание коалиции партий или лиц, не объединенных единством понимания и отдаленных и ближайших задач, а равно и необходимых для осуществления их способов действия, были испробованы и в Кабинетах Львова³⁷ и Кабинете Керенского, и должны ныне считаться доказавшими свою полную несостоятельность и непригодность. Коалиционные коллективы неработоспособны и тратят остатки своей энергии на внутренние трения и интриги. На основании горького опыта всей революционной эпохи мы отрицаем поэтому самую идею коалиции с представителями т[ак] н[азываемой] революционной демократии. Взамен ее мы выдвигаем* объединение всех государственно и национально мыслящих элементов в общества, без различия партий, но разделяющих одну общую платформу. Вы, генерал, знаете нашу платформу; она была сообщена Вам через кн[язя] Тр[убецкого] и Стр[уве]. Мы допускаем ее сужение и изменение, применительно к требованиям сегодняшнего дня. Но мы исключаем сближение с лицом вне искреннего и полного единомыслия в этой области. Между тем, насколько нам известно, договор с г. Савинковым и его компаньонами заключен с нарушением этого требования. Наше понимание и понимание г. С[авинковым] и задач, и методов действия — различны и несогласованы.

Мы убедились после долгих переговоров с г. Кусковой³⁸, Чайковским³⁹ и руководителем Московской социалистической военной организации, что остальные «государственно мыслящие социалисты» до сих пор не желают гласно и открыто сойти с социалистической платформы на государственную и национальную. Интимно сочувствуя подавлению большевизма и введению в рамки революции, они хотят сохранить за собою декор народолюбия и социализма и потому не обнаруживают желаний примкнуть к нам. «Пусть грязное дело установления порядка скорее сделают кадеты и казаки... Чего в самом деле они толкутся на месте?» — Таковы слова одного государственно мыслящего и очень видного меньшевика, Н. К. Муравьева⁴⁰, жаждущего порядка, но не желающего мараться в «грязном деле» его установления. В этих условиях нам даже с умеренными социалистами не по пути, и организационное соглашение с ними не более как утопия. Многие из них примкнут к нам, когда мы придем в действие; но авансов и реверансов им делать не надо.

По частному вопросу о воззвании, на котором ультимативно настаивает Савинков, мы все, как в «девятке»⁴¹, так и в расширенных собраниях соответственных Советов, специально обсуждавших этот вопрос, единогласно пришли к заключению о его несвоевременности. Прежде чем обращаться к стране с воззванием, надо накопить достаточную силу, способную поддержать осуществление намеченных целей. Вне этого условия всякие воззвания — литература, вредящая делу.

Таково убеждение: 1) наше, 2) тех сфер, с которыми ведутся переговоры о займе и которые с величайшею настойчивостью рекомендуют нам работать, но не кричать о нашей работе преждевременно.

«Во всяком случае без каких-либо воззваний и других словесных демонстраций», — говорят они. С этим их требованием мы считаем нужным Вас ознакомить. Вообще эти сферы боятся: 1) опубликования в настоящий момент какого-либо воззвания и какой-либо политической программы. 2) Тем более призыва к монархии в момент недостаточной зрелости вопроса. 3) Ввиду

Н. А. и П. Б. Струве.

напряженности федералистических стремлений на окраинах, — централистических стремлений, которые они в нас предполагают. Их кроме того смущают слухи о соперничестве руководителей дела на Дону и отсутствие единства в плане и в управлении.

Переходя к содержанию проектированного воззвания, мы находим, что оно мало соответствует нашей политической физиономии. Его мог бы опубликовать какой-либо «Союз по защите Учредительного Собрания», какая-либо правая социалистическая организация, но не мы. Те редакционные поправки, которые в него внесены, и те оговорки на счет свободно избранного У[чредительного] С[обрания], лишь слегка меняют дело и не могут считаться достаточными.

Поэтому мы позволяем себе усиленно просить Вас, многоуважаемый Михаил Васильевич, задержите опубликование воззвания. В отказе удовлетворить ультимативное требование Савинкова мы вместе с тем видим, м[ожет] б[ыть], наиболее удобное и безболезненное средство отделиться от него и разорвать соглашение, навязанное Вам против Вашей воли, соглашение, которое мы считаем вредным, опасным и противоречащим интересам нашего великого дела.

Переходя к другим текущим делам, спешим сообщить Вам, что переговоры о большом займе увенчались принципиальным соглашением, но с условием, чтобы об этой помощи не говорилось.

Дело должно остаться величайшим секретом, так как иначе положение заинтересованных лиц может быть скомпрометировано. Первый взнос в размере 9—10 миллионов готов к уплате, и пересылка денег этих Вам есть вопрос дней. Для того чтобы добиться этого результата, надо было употребить чрезвычайные усилия. Дело в том, что ссуда тормозилась неблагоприятными сведениями, привезенными с Дона гр[афом] Черкасским и некоторыми другими лицами, уверяющими, что там ничего не делается и что в Вашем распоряжении никаких сил нет. Нам удалось парализовать эти сообщения; тем не менее Вы, многоуважаемый Михаил Васильевич, должны ожидать приезда лица, которому поручено будет самому убедиться в положении наших дел. Это будет, кажется, Кисс. Найдите, пожалуйста, способ вселить в него уверенность, что дело стоит поддержки.

Уплотнение военных организаций в Москве понемногу идет. В центре их для всего Московского округа стоит генер[ал] М.⁴², так как остальные номинальны. Так как отношение его к Вам, главе общерусского дела, было бы правильно поставить в рамки служебной подчиненности, то на наш взгляд, было бы целесообразно, чтобы он, или иное лицо по Вашему выбору, получил от Вас прямое назначение и действовал по Вашим приказам. Это не только наше мнение, но и самого ген[ерала] М., которому такое положение дало бы право* в свою очередь право приказов и распоряжений, что увеличило бы приток сил.

* Вымарано слово. — Л. П.

Ген[ерал] М. желал бы, чтобы все офицеры, входящие в состав организации и находящиеся в его распоряжении, числились бы на действительной службе, срок которой был бы учтен законной властью после восстановления порядка.

По вопросу конструкции Вашего гражданского Совета⁴³, мы полагаем, что состав его должен определяться и поновляться не иначе, как по сношению с общерусским центром в Москве и в полном с ним согласии. Центр для настоящего момента считает входящими в его состав, из лиц командированных на Дон: кн[язя] Гр[игория] Н[иколаевича] Т[рубецкого], М[ихаила] М[ихайловича] Ф[едорова], А. С. Б[елевского], П[етра] Б[ернгардовича] С[труве], затем П[авла] Н[иколаевича] М[иллюкова]⁴⁴; и из местных людей желал бы видеть постоянными членами Совета Н[иколая] Е[лпифидоровича] П[арамонова]⁴⁵ и Харламова⁴⁶. Мы бы были рады, если бы с Вашей стороны не встретилось возражений против такого состава, который вскоре будет пополнен. Если осложнение с Савинковым будет устранено, приезд нужных работников на Дон совершится безотлагательно.

Наконец, мы просим Вас покорнейше, многоуважаемый Михаил Васильевич, во-первых, еще раз не притязать на нас за медлительность в работе, которой мы перегружены, и, во-вторых, Нещиков сообщит нам с обратным курьером в самом непродолжительном времени о положении дела на Дону и у Вас, и об исходе дела Савинкова. Было бы правильно поставить дело обмена сведениями более регулярным образом и курьерами назначить лиц достаточно компетентных и серьезных, чтобы доверять им передачу устно. В настоящее же время часто с поручениями с Дона являются молодые люди, противоречиво и явно неправильно освещающие события.

Соглашение о «Верховном Управлении» после нужной редакционной переработки будет в непродолжительном времени доставлено.

Одновременно посылаются две написанные карандашом информации нашего петроградского агента.

Письмо это покорнейше просим довести до сведения генералов и Совета.

С глубочайшим уважением и совершенною преданностью Вам, многоуважаемый Михаил Васильевич, покорнейший слуга; по уполномочию общественных организаций

А. Б[елевский].

№ 11

М. В. Алексеев — А. М. Каледину

Новочеркасскому Войсковому атаману
28 января 1918.

Ознакомившись [с] телеграммой Вам генерала Корнилова⁴⁷ № 66, присоединяюсь [к] основному ее соображениям. Сохранение нашей небольшой живой силы имеет решающее значение для ближайшего будущего. Только сохраняя ее и отводя туда, где мы можем получить пополнение, мы затынем борьбу, а в выигрыше времени вся суть. Факт полного нежелания донских казаков защищать свое достоинство, возлагая на плечи Добровольческой армии непосильное бремя, лишает возможности затяжки борьбы и выигрыша времени, не говоря уже [о] разлагающем непонимании всеми чинами нашей армии причин, по коим они жертвуют собою за интересы Дона, не защищаемого самими казаками.

Принятое нами решение, изложенное [в] телеграмме № 66 считаю поэтому единственным при слагающейся обстановке и поддерживаю решение собрать все к Ростову. Алексеев.

Там же. Карт. 2. Ед. хр. 15. Л. 2.
Машинопись.

№ 12

Телеграмма М. В. Алексеева А. М. Каледину
[Не позднее 5 февраля 1918 г.]

Войсковому атаману

Высказываю свое мнение, что общая обстановка данной минуты стратегическая и особенно моральная требуют удержания Ростова во что бы то ни стало [в] наших руках. Это поддержит на соответствующей высоте замечаемый, но еще не резко высказываемый перелом настроения казачества, даст точку опоры кругу. Словом, выполнение этой задачи представит громадные выгоды, не говоря о том, что [в] нашем распоряжении сохранятся богатые материальные и нравственные ресурсы пробудившегося города. Для достижения задачи нужно сюда из Новочеркасска смело бросить все готовые ополчения [в] числе тысячи пятисот, лучше двух тысяч человек и употребить исключительные меры для подъема гниловчан, александровцев, аксайцев, ольгинцев. О мерах беседовал [с] генералом Богаевским⁴⁸.

Сейчас принимал [в] полном составе комитет общественных деятелей Ростова, заявивший убедительную просьбу объявить общую мобилизацию неказачьего населения Ростова и Нахичевани для усиления боевых сил, для охраны тыла, для тыловых работ. Рабочие фабрик, заводов, торгово-промышленных заведений остаются при своих обычных занятиях. [В] случае Вашего принципиального согласия пятого же февраля приступим [к] подробной разработке оснований этой мобилизации. Свидетельствую [о] высоком подъеме всех общественных кругов Ростова, чем грешно было бы не воспользоваться [в] широкой мере. Дело должно быть выиграно. Жду скорого ответа. Алексеев.

Генералы А. Г. Корнилов и А. М. Каледин (справа).
Москва. 1917 г.

№ 13

М. В. Алексеев — Л. Г. Корнилову

16 февраля 1918

Кагальницкая

М[илостивый] г[осударь] Л[авр] Г[еоргиевич]!

Напряжение среди офицерского состава Добр[овольческой] армии, по имеющимся у меня сведениям, нервное и неуверенное. Главнейшею причиною такого нежеланного состояния является полное отсутствие для всех освещения, во имя чего и как будет в ближайшие дни действовать армия, какую задачу она ставит себе. Проникающие различные слухи, между прочим и об уходе в зимовники⁴⁹, не успокаивают, а напротив усугубляют в связи с событиями 15 февраля нервность и порождают нарекания на лиц, которые взяли на себя нравственную ответственность за дело и за судьбу тех, которые во имя идеи служения родине доверили себя руководству и командованию всей нашей организации.

Утро 15 февраля показало, что искомого покоя на более или менее продолжительное время и главное безопасности не дадут армии зимовники [...]*. Как 12 февраля, так и теперь, я считаю [...]*** себя обязанным высказать, что обстановка в зимовниках грозит армии опасностью и что ко времени возможного выступления из этого района армия окажется окруженной и обреченною на борьбу в условиях исключительно тяжелых, быть может, безвыходных, и несравнимых с обстановкою настоящей минуты.

*«даже на первое время» вымарано М. В. Алексеевым. — Л. П.
 **«долгом» вымарано М. В. Алексеевым. — Л. П.

В районе зимовников мы рассчитываем пополнить и освежить конский состав и обоз. Но зато во всем остальном мы, отрезанные от сколько-нибудь культурного района, будем терпеть недостаток. Даже денежные средства, хранимые в крупных купюрах, негде будет разменять, и мы будем лишены денег на текущую жизнь.

Положение на Кубани рисуется получаемыми сведениями не столь печальным, как на Дону. [...]*** Можно рассчитывать, если не на полную согласованность действий, то хотя бы на некоторое сочувствие и помощь. В Екатеринодаре уже собрана некоторая сумма денег на армию, там есть банки, денежные знаки, материальные запасы. Обозы, вероятно, придется пополнять теперь же путем реквизиций.

*** «Быть может» вымарано М. В. Алексеевым — Л. П.

Идея движения на Кубань понятна массе; она отвечает и той обстановке, в которой армия [...]****

[...]***** Не нам приходится приурочить выбор и направление своих действий к ненадежным ополчениям Донской области, а напротив нужно притянуть их к себе, ибо без нас они никакой ценности не имеют и рассеются в скором времени. Во всяком случае начальники ополчений должны категорически ответить, кто из них связывает бесповоротно свою судьбу с Добр[овольческой] армией и подчиняется безусловно ее командованию.

**** Низ листа раскрошился, утрата текста. — Л. П.

***** «Поэтому» вымарано М. В. Алексеевым — Л. П.

Условия, в которых мы находимся, настоятельно требуют:

1. Немедленно и бесповоротно [...]***** принятия решения. Как и 12 февраля, высказываюсь, что только движение на Кубань — одним из кратчайших путей к Тихорецкой — имеет почву, цель. Всякое отвлечение на зимовники или в район Торговой, имея побочные основания, вредно, ибо отвлекает нас от единственной задачи, к выполнению которой нужно стремиться, невзирая на большие физические трудности.

***** Слово вымарано М. В. Алексеевым. — Л. П.

2. Установив решение, нужно с общей идеей его ознакомить начальников и тем приподнять нравственные силы армии, сделать понятной для массы общую цель, устранить опасные криво-толки и постепенно проникающие в среду исполнителей опасения или беспросветной дальнейшей работы, или возможность оставления армии руководителями, или рассеяния армии ранее, чем не будет обеспечена возможность выполнения этого безболезненно или не будет ясна для каждого причина роспуска армии.

Я прибавляю к этому, что в центрах — Москвы и Петрограда — по-видимому назревают крупные события. [...]***** Вывести на это именно время из строя [...]***** и уставшую Добр[овольческую] армию можно [...]*****

***** «Укрепить», «Снять» — слова вымараны М. В.

Алексеевым. — Л. П.

***** Утрата текста, верх листа раскрошился.

Мих[аил] Алексеев

№ 14

М. В. Алексеев — Л. Г. Корнилову

14 марта 1918

Милостивый государь Лавр Георгиевич!
В общем развитии операции наступила снова минута, когда должно быть совместными усилиями ответственных руководителей выработано основное решение для последующих действий.

На такое совещание просил бы пригласить меня, войскового атамана полк[овника] Филимонова⁵⁰, ген[ерала] Эрдели⁵¹ и полк[овника] Покровского⁵².

Участие представителей Кубанского войска необходимо не только для выработки плана действий, но для заключения письменного договора, определяющего наши взаимные обязательства, основными пунктами коего, по моему мнению, должны быть:

1. Войска Кубани безусловно в оперативном отношении составляют часть Добр[овольческой] армии, сохраняя самостоятельность только по внутреннему направлению.

2. Внутреннее управление областью должно быть подчинено требованиям минуты. Рада временно распускается, власть единоличная, правительство — только исполнительный орган.

3. Атаман объявляет мобилизацию для формирования и пополнения сил, не останавливаясь перед репрессивными мерами за невыполнение приказа.

4. Куб[анское] правительство⁵³ помогает нам в финансовом отношении.

Не затрудняя Вас перечислением многих важных пунктов и в надежде, что моя просьба получит осуществление.

Прошу принять уверение в моем уважении и преданности.

Мих[аил] Алексеев.

Там же. Карт. 2. Ед. хр. 17. Л. 2. Писарской автограф карандашом.

№ 15

М. В. Алексеев — П. Н. Краснову⁵⁴

Войсковому атаману Всевеликого войска Донского.

29 мая 1918

ст. Мечетинская

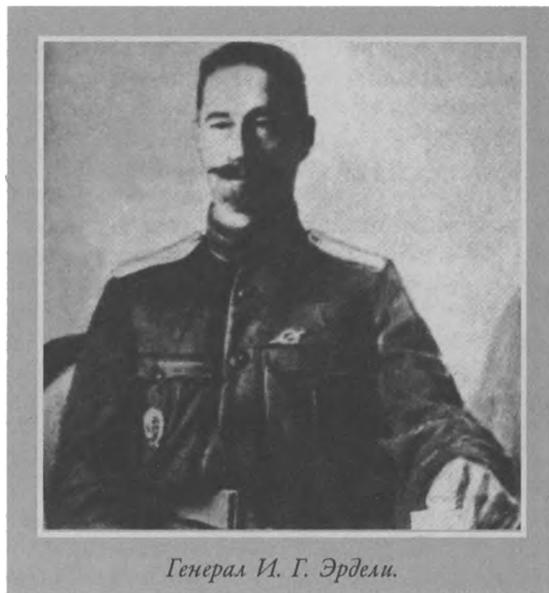
На совещании с В[ременным] [Донским] пр[авительством]⁵⁵ 15 мая в ст[анице] Манычской вопрос о денежных средствах на содержание Добр[овольческой] армии и о необходимости помощи из общегосударственных доходов В[ойска] Донского хотя и был затронут, но не получил какого-либо определенного решения.

Между тем Добр[овольческая] армия растет численно, прилив офицеров увеличивается, а денежные средства иссякают.

Необходимо прочно установить размер средств, на которые может рассчитывать армия, хотя бы на ближайшие два месяца — июнь и июль 1918 года — в предположении, что за этот период более определенно выяснится политическая и военная обстановка, которая окажет влияние на последующую жизнь армии.

Принимая во внимание наличные наши средства данной минуты, Доб[ровольческая] армия будет нуждаться ежемесячно в июне и июле в помощи в размере двух миллионов руб[лей], а всего 4 мил[лионов] рублей.

По соглашению, установленному товар[ищем] мин[истра] фин[ансов] Хрущевым⁵⁶ с покой-

Генерал И. Г. Эрдели.

ным атаманом ген[ералом] Калединым и правительством В[ойска] Донского, из первой ассигновки в 30 мил[лионов] руб[лей] причитающиеся 50% на долю Добр[овольческой] армии почти полностью получены. Из второй же ассигновки в той же сумме, из коей Добр[овольческая] армия должна была получить половину, пока в действительности получено около 5,5 мил[лиона], а около 9,5 мил[лиона] остается в распоряжении Войска.

Из этой суммы я и прошу Вас поддержать жизнь и деятельность Добр[овольческой] армии выдачею по частям в июне и июле части тех мил[лионов] руб[лей].

Судьба связала с 26 ноября 1917 года деятельность Добр[овольческой] армии с жизнью В[ойска] Донского; ближайшее будущее не прервет эту связь, почему я с глубокою верою обращаюсь к Войску с моею просьбою, надеясь, что оно поддержит жизнедеятельность армии за счет указанного мною источника.

Генерал Алексеев.

Там же. Ед. хр. 18. Л. 1—2. Черновой автограф.

№ 16

А. И. Деникин — М. В. Алексееву

24 марта 1918

Белая Глина

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Операция развивается быстро и планомерно. Успокоение на фронте Покровского дает возможность продвигаться к Тихорецкой, не отвлекая сил на север. Одно плохо: еле окупается расход ружейных патронов, которых и у большевиков не слишком много. Силы наши растут, вера и подъем также. Армия всецело в руках начальников.

Почти весь Медвежинский уезд присоедин[ен] к «государству Российскому». Оставляю в нем 3-ю Куб[анскую] кон[ную] бригаду и Глазенапа⁵⁷ в качестве воен[ного] губерн[атора] Ставропольской губ[ернии]. Организую нормальное гражданское управление. По мере развития успеха на Кубани, Глазенап предпримет нажим на Ставрополь...*

*Согласился ли Зеелер⁶⁰ быть Ставропольским губернатором? Предложение это я сделал, полагая воззреть Ваше одобрение. — Прим. А. И. Деникина. — Л. П.

Полезно было бы мне иметь «юрисконсульта» по гражд[анскому] управ[лению]. Хорошо бы Новосельцева⁵⁸.

Слева направо: А. П. Богаевский, А. И. Деникин, П. Н. Краснов, И. П. Романовский.
Новочеркасск. 1919 г.

Но все это детали. Меня крайне озабочивает вопрос о государственном устройстве Юго-Востока. «Юго-Восточный Союз» Вильгельма и Тундутова⁵⁹ — это предательство. Кубань на это не пойдет. Невзирая на 5—6 истерических призывов Краснова, Филимонов не поехал в Новоч[еркасск] и не поедет. Но русский Юго-Восточный Союз — этап, по-видимому, необходимый. Иначе все наши труды, потери, победы пойдут прахом, разбившись о внутреннюю неурядицу и сепаратизм освобожденных областей. Ни тыла, ни базы, ни хлеба не будет. Социальные опыты (повторение пройденного), честолюбие провинциальных самодержцев, немецко-украинское влияние и т. д.

Союз должен быть русско-государственный и, по моему мнению, возглавлять его надлежит Вам. Вначале быть может союз маленький — Кубань и Ставрополь. Потом неизбежно присоединение Дона, Терека и т. д., особенно когда эгоисты и честолюбцы уступят место людям государственным (вместо К.-Б.)*.

*Очевидно, речь идет о П. Н. Краснове и А. П. Богаевском.
— Л. П.

В частности, беспокоит меня и Кубанская область: достаточно ли отрезвели правители и

достаточно ли крепка будет там власть?

Необходимо прислать Ваших доверенных лиц и финансов[ый] отдел. Я совершенно не желаю путаться в это дело, а м[ожет] б[ыть], контрибуция, за вычетом платных реквизиций, доходит до 6 миллионов. Крайне неудобны в хранении и учете. Я разрешил выдать из этих сумм содержание армии за июнь, остальные сдать в Ваш фонд на содерж[ание] Добр[овольческой] ар[мии].

Со вступлением на Куб[анскую] территорию отдал пр[иказ] за все платить наличными. Но гуртовые закупки хлеба, мяса, фуража, а также взимание подвод — относятся за счет Кубан[ского] прав[ительства] (деньги или зачисление квитанцией).

Что касается немцев, полагаю, что пропускают они к нам офицеров, опасаясь организованного восстания у себя в тылу. А не трогают пока армию потому, что, надев личину доброжелательного отношения к России, им неловко выступать активно против единственных носителей государственности. Но отношение к себе великолепно понимают. И потому всякий оппортунизм с нашей стороны бесполезен, и все усилия купленных или одуроченных немецких прихвостней (К. Т. Д. В.⁶¹ и т. д.) бессильны изменить ход событий. Будем сильны и искусны — невзирая ни на какие хитросплетения, выйдем на всероссийскую арену госуд[арственного] строительства. Будем слабы — задохнемся.

А пока работаем на совесть и я рад, что всегда в полном единении с Вами.

Преданный Вам А. Деникин.

Р. С. Правители Всевеликого даже на телеграмму о взятии для них Великокняжеской нашли возможным ответить... просьбой бензина. Затем ряд будирующих телеграмм, чтобы в Новороссийске полка не ставить, Задонские гарнизоны изъять из моего подчинения и т. д. Из прилагаемой копии телегр[аммы] Вы видите, что я с «самодержцем» достаточно сдержан. Корниловскому полку было обещано починиться в Новочеркасске. Да, разочарование. Прошу Вас телеграфировать, можно ли все же его командировать или нет?

А. Деникин.

№ 17 Генералу Алексееву.

Доношу, что попавшим в 7 часов 20 минут в помещение штаба снарядом был смертельно ранен генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут.

Я вступил во временное командование войсками Добровольческой армии 31 марта 7 ч[асов] 40 м[инут].

Генерал-лейтенант Деникин.

№ 18

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Операция развивается планомерно и успешно. Завтра, 18-го, начинаю наступление на Кубань (Развильное, Песчанокопское и т. д.).

Быч⁶² уверяет, что немецкая ориентация совершенно исключена и что опасность заключается лишь в том, что доведенные до отчаяния станицы сами приглашают (Тамань) или пригласят немцев.

Предложил ему послать немедленно в Тамань, чтобы потерпели и ограничились обороной и чтобы общее восстание было согласовано с наступлением Доб[ровольческой] ар[мии].

Пока будем развивать свой план, а там видно будет.

Огромные богатства Задонья освобождены, частью возвращены. Учитывает ли Всевеликое эту услугу Доб[ровольческой] ар[мии] в своих меркантильных расчетах?

В день выхода из Мечетинской от имени партии, возглавляемой Родзянкой⁶³, получил некоторые предложения относительно конструкции власти. Ответил, что конкретизация «платформы» Добр[овольческой] ар[мии] несколько преждевременна и что во главе армии стоят два лица, действующие в полном единении и единомыслии.

Искренне Вам преданный А. Деникин.

А. И. Деникин среди офицеров.

№ 19

4 августа 1918
ст. Тихорецкая

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Настроение в армии несравненно более веселое, чем в Новочеркаске.

Некоторые положения Вашего письма № 65 заставили меня усумниться, получили ли Вы мое письмо (с Вашим посланцем), в котором говорилось о Родзянко, о контрибуции и т. д.?

Дело в том, что материальное положение армии я считаю вполне устойчивым*. Контрибу-

*Полагал бы отнюдь не пользоваться Сав-ми** деньгами.—
Прим. Деникина. — Л. П.

**Очевидно, речь идет о деньгах Б. В. Савинкова. — Л. П.

ция со Ставр[опольской] губ[ернии] и реализация сосредоточенного в Торговой имуществва, взятого у большевиков, должны дать не ме-

нее 10 мил[лионов] руб[лей], что обеспечивает нас более чем на 2 месяца.

В дальнейшем на «исторических путях» будет еще легче. Операция развивается таким быстрым темпом, что много времени не потребуется, даже при условии попутного овладения Ставро-

полем. На Кубани не задержусь ни одного лишнего дня, а против «вторжения» приму меры «разрушением»*.

*Кубань дает бесплатно хлеб, фураж, мясо, подводы, реквизированных лошадей. — Прим. Деникина. — Л. П.

Несомненно, что отношение немцев — фактор необычайно серьезный. Но при всякой политической и стратегической комбинации, при всяком оперативном направлении нам с ними считаться придется и, очевидно, в качестве силы противодействующей. От этого не уйдем.

Отношения с Доном не я создал. Относительно резкости и дерзости Краснов лжет: все сношения с ним делались в строго приличном тоне, вроде того, которое в копии я послал Вам в предыдущем письме. Он же держит себя вызывающе. Недавно я получил крайне резкое письмо его (от 28-го) на тему, что «Задонье стонет от поборов (?) Д[обровольческой] армии». Ясно, что он стремится спровоцировать разрыв, чтобы иметь нравственное оправдание своему отношению к Д[обровольческой] а[рмии]. Но это не удастся. С г[осподином] Красн[овым] почитается лично в свое время А[нтон] И[ванович] Д[еникин], а теперь к[омандующий] Д[обровольческой] а[рмией] сохраняет полную корректность к Дону. Прилагаю офиц[альное] сообщение «от штаба Д[обровольческой] а[рмии]» по этому вопросу.

Отношения к Куб[анскому] пр[авительству] по-прежнему неопределенны, и трудно предсказать, какое разрешение получит вопрос, наиболее для нас интересный, — о выводе части кубанс[ких] сил на исторические пути.

В отношении Куб[анского] ат[амана] и пр[авительства] соблюдаем полную лояльность, но думаю, что необходимо настоять на спешном созыве новой Рады (говорят, технически это возможно в 2-нед[ельный] срок). Как бы все эти вопросы упростились, если бы Вы возглавили Юго-Вост[очный] Союз!

В занятых частях Ставропольской губ[ернии] поставлен воен[ным] губер[натором] Глазенап (оставлена 3-я Куб[анская] кон[ная] бриг[ада]. Создалась власть достаточно крепкая (полевые суды против большевиков) и достаточно либеральная, чтобы не возбуждать население. Местная администрация оплачивается нормальным поступлением податей и налогов. Казначейства оставлены в полной неприкосновенности. Железн[ая] дорога Великокн[язеская] — Тихорецкая функцион[ирует] правильно. Введено и пассаж[ирское] движ[ение]. Топливом пока обеспечены, а паровозами, составами — вполне.

Патронов на операцию хватит, но вообще их мало. Не откажите посодествовать скорейшему отправл[ению] 4 мил[лионов] кубанских патронов. Лебедев⁶⁴ должен был доложить Вам о необходимости перегнать Добр[овольч[ескую] добычу, даже бензин, на донские патроны и снаряды...

По поводу Ряснянского⁶⁵ и Кусонского⁶⁶ и др. я также написал письма к гетману⁶⁷ и митрополиту Антонию.

Мне кажется, что полученное мною письмо Ш[ульгина]⁶⁸ — позднейшее. И в нем говорится о крушении затеи М[илюкова] и о перемене им «ориентации». Прилагаю.

Что касается расходов по организации и вербовке, в связи со сравнительным обеспечением армии, я полагал бы не жалеть расходов (конечно, верными людьми), и не раздробляя, а сосредотачивая суммы в крупных центрах.

Пожелания Ваши в малых письмах исполнены. В частности, Малявину наштарм предлагает должность генкварма.

Радиограмма о предлагаемом Вами кандидате на I дивизию попала к нам лишь в Тихорецкой при посредстве... большевистской газеты (перехвачен[ной] радио). Должность временно замещает Кутепов⁶⁹, т. к. она по праву и по обещанию принадлежит Казановичу, заслуги которого оценены и Вами.

Не откажите

а) приказать полит[ическому] отделу оповестить наши организационные центры, что сестер милосердия не нужно,

Генерал А. П. Кутепов.

б) изъять наши учреждения из «Центральной».

Откуда создалась легенда, удручающая Краснова, что мы на Торговой взяли 35.000 арт[иллерийских] снарядов? Около полутысячи и несколько сот неснаряженных стаканов.

Сепаратизм Дроздовского⁷⁰ не прекратился, но, полагаю, не имеет слишком серьезного значения.

Вообще же в армии настроение отличное, уверенность полная.

А из «внешней напасти» быстротой, маневром, демонстрацией выйдем с Божьей помощью.

Думаю, что появление лица, о котором Вы писали, до выхода на исторические пути преждевременно.

От души желаю Вам сил и здоровья, глубокоуважаемый Михаил Васильевич.

Преданный Вам А. Деникин.

Там же. Карт. 2. Ед. хр. 40. Л. 1—10. Автографы.

№ 20

А. И. Деникин — Е. Ф. Эльснеру⁷¹

4 июня 1918

ст. Мечетинская

С[овершенно] секретно

В собст[венные] руки.

Милостивый государь Евгений Феликсович!

Из Киева в Новочеркасск возвращается часть Кубанской делегации, посланной для заключения соглашения с Украиной, и вызывает в Новочеркасск атамана и Кубанское краевое правительство «для обсуждения чрезвычайно важных вопросов, грозящих Кубанскому краю неисчислимыми последствиями».

Имея в виду, что в этом совещании могут обсуждаться и, наверно, будут обсуждаться вопросы, близко касающиеся интересов Добр[овольческой] армии, я предъявил требование п[олковнику] Филимонову и Бычу, чтобы на предстоящие совещания были приглашены ген[ерал] Алексеев, если он не уехал из Новочеркаска, или Вы в качестве представителя Добр[овольческой] армии. Вы с своей стороны добивайтесь этого представительства самым энергичным образом. Во всяком случае, командование Добр[овольческой] армии должно быть вполне осведомлено обо всех решениях и переговорах, которые будут приняты и вестись на этих совещаниях и независимо от совещаний между делегатами и членами правительства. Употребите все усилия к тому, чтобы быть вполне осведомленным, и в случае особой важности тотчас телеграфируйте по радио.

В этом деле Вам, вероятно, может быть полезен хорунжий Кравченко как кубанский казак, м. б., Вы найдете другое лицо.

Если бы оказалось, что ген[ерал] Алексеев еще не выехал из Новочеркаска и Вам удалось его задержать, то прошу доложить ему содержание этого письма и просить представительство от Добр[овольческой] армии Его Высокопревосходительство; об этом я прошу, придавая чрезвычайно важное значение предстоящим переговорам.

О содержании этого письма ни в коем случае не сообщайте подателю сего.

Уважающий Вас

А. Деникин.

Там же. Карт. 3. Ед. хр. 40. Л. 2. Заверенная машинописная копия.

№ 21

М. В. Алексеев — П. Н. Милюкову

10 мая 1918.

Мечетинская.

Дорогой Павел Николаевич!

Приветствую Вас и крепко благодарю за Ваше доброе и сколько-нибудь ориентируемое письмо, а главное — за слова участия, указывающие, что есть хоть один человек, которому Добр[овольческая] армия близка, который ею интересуется и хочет пытливым взглядом заглянуть в ее туманное будущее. Никаких писем от московских «друзей» я не получал. Трудно чувствовать и со-

завать себя более ненужным, лишним, ни для кого не интересным, как чувствую это я и все мои сотрудники. Есть у нас деньги на хлеб насущный. Мы почему-то босы, оборваны, большинство не имеет смены белья, ибо кто и когда интересовался, на какие средства живет эта маленькая, быть может, донкихотствующая, Добр[овольческая] армия. А армия доживает последние гроши. Столь много обещавший в смысле материальном и столь мало давший (всего 350.000 р.!) Московский Центр, желавший, однако, играть первенствующее значение в жизни армии, а теперь, имея полную возможность установить с нами связь и помочь нам... где он? Мы его послали искать!⁷² Но это не значит, что он нам даст средства на продление нашего существования. В[ойско] Донск[ое], по-видимому, уклоняется от выполнения соглашения Хрущева. Для Московского Центра денежные наши дела всегда были надоедливыми, жужжанием мух. Центр хотел за дешевую плату «руководить».

Резкость моих слов объясняется горечью пережитого и переживаемого. Три месяца трудов и лишений; в результате — неизвестность существования будущего дня (ведь и на ро-спуск нужны деньги, и немалые). Обстановка для Добр[овольческой] а[рмии] тяжела, сложна и туманна.

Первое тяжкое условие я высказал Вам. Нужно сейчас 10 миллионов. Это — гроши, и я не могу поверить, чтобы Москва их не нашла. Без денег я скоро с болью сердца и с опасением за судьбу отпускаемых распушу армию. Срок ожидать это небольшой, если с Дона не удастся получить 6 мил[лионов], на которые у меня есть переводный бланк. При увеличивающейся численности людей, при растущей дороговизне, при необходимости вновь одеть и обуть людей — средний месячный расход достигает 5 мил[лионов] р[ублей].

Второе условие — немцы, их скрытые политические цели и намерения.

Третье условие — личность нового атамана Д[она] ген[ерала] Краснова (его деятельность в октябре 1917⁷³), его отношение к Добровольческой армии.

Четвертое условие — беспомощность Кубани, невозможность и бесцельность повторения туда похода, при данной обстановке, не рискуя погубить армию.

Не перечисляю Вам второстепенных причин, заставляющих мучительно думать над решением вопроса — как вести дальше Добр[овольскую] арм[ию].

Немцы, с которыми играет в дружбу ген[ерал] Краснов, или сознательно, или страха ради иудейска еще не высказались относительно Дона открыто, но косвенно показали уже желания. Каменская и Лихая ими заняты; к Царицыну они продвигаются, чтобы кратчайшим путем стать на Волге. Дон ими будет занят, тем более что и ген[ерал] Краснов заявил, что пора Дону и России не думать, а стать «республикой», которую пока немцы, конечно, возьмут под свое покровительство. Это для них важно прежде всего стратегически, особенно в связи с положением дел на Кавказе.

Итак, на Дону хозяином скоро будет немец, с которым, как врагом России, Добр[овольская] а[рмия] не имеет права и возможности вступать в переговоры, а тем более заключать какой-либо договор, условие.

Сохраняя главную задачу — борьбу с анархией, с большевизмом, Д[обровольческая] а[рмия] не может обратиться в пособников немецких. Она должна сохранить самостоятельность существования или исчезнуть. Выгодно ли немцам терпеть Д[обровольскую] а[рмию], раз она не будет в их руках? Ведь это ядро будущей дисциплинированной русской армии; быть может, средство спасения и возрождения. Мы немцам нежелательны; уже теперь имеются сведения о их намерениях — армию обезоружить, распустить, старших начальников «интернировать».

Куда нам идти? На Кубань — гибель; на Кавказе мало привлекательного и делать нечего.

Ген[ерал] Краснов, беря начальственный тон по отношению армии, указывает ей путь — скорее берите Царицын, но Дроздовского я удержу в Новочеркасске, до «создания регулярной Донской армии». Цель — сунуть нас в непосильное предприятие, на пути к выполнению которого мы можем столкнуться с немцами, избавиться от нас на Дону и доказать немцам, какой он «паичка». Своей армии он не способен создать, ибо он еще временный хозяин, да и подготовки для этого нет. Мы ему нужны, но он балансирует между страшным немцем и пока слабой Д[обровольческой] а[рмией]. Личность Краснова сыграет отрицательную роль и в судьбах Дона, и в наших, нас он просто продаст, как продал Керенского в октябре и ноябре 1917 года, под Петроградом. Мы должны предусматривать это и принимать меры.

О Кубани говорил. Тысячи две с половиной доблестных людей — в составе нашей армии. Остальное безоружно, безынициативно, бессильно.

Только крайность заставит меня распустить войска, ибо каждый в отдельности боец, не включая и кубанцев, обречен на гибель. Но для существования, работы, деятельности необходимо, чтобы:

1) Москва дала деньги, не увлекаясь созданием банков. С химерами этими мы познакомились в декабре 1917 — январе 1918. Без денег вести такое дело нельзя. Пусть Москва снимет

маску и прежде всего откровенно выскажет свое действительное отношение к Д[обровольческой] а[рмии].

2) Мы должны расти в числе за счет центра, а не Дона и Кубани, преследующих свои цели. Было время, когда моск[овские] воен[ные] деятели говорили, что каждого бойца нужно сохранять на месте «для Московского действия». У них гора до сих пор родила мышь, а мы обратились в Доно-Кубанские войска, ибо наши доблестные офицеры и юнкера в большом числе погибли во время незаметного, но эпического похода⁷⁴.

3) Только увеличив наши силы, мы можем вырваться из кольца немцев — Дона — большевизма. С первыми нам непосильно пока вести борьбу, со вторыми — неуместно, с третьими — мы управимся с Божьей помощью, выйдем на более торную дорогу.

Я очень кратко очертил Вам наше тяжелое положение. Боюсь, что не все понятно, но писать больше не могу. И тяжелая мысль о ближайших наших судьбах не покидает нас — руководителей. Дай Бог вывести войска с честью из тупика. Живем надеждою. Глубоко преданный Вам
Мих[аил] Алексеев.

№ 22

**25 мая 1918.
Мечетинская.**

Дорогой Павел Николаевич!

Я получил Ваши письма от 19-го и 21-го мая. Вопросы, поставленные этими письмами, столь существенны и важны для определения нашей дальнейшей деятельности, что ответы должны быть, по возможности, точны и определены. Но обстановка, при которой приходится принимать решения, столь быстро — как Вы сами говорите — изменяется, что без словесной беседы, одними письмами, мы не будем в состоянии установить полное взаимное понимание условий нашего

Слева направо: генерал А. И. Деникин, генерал М. В. Алексеев, адъютант Алексеева полковник Дракке, секретарь Алексеева — Голембьевский, личный врач М. В. Алексеева — Н. Н. Кельин, адъютант генерала Деникина — Петухов (?)

будущего существования. Если бы Вы могли пожертвовать двумя днями, мы прислали бы в Манычскую автомобиль, а до Манычской Вас распоряжением атамана доставил бы пароход, то было бы самым желанным. Мне появиться в Новочеркасске, по некоторым причинам, неудобно.

Трудность принятия для нас решений увеличивается неискренностью и двойной игрою ген[ерала] Краснова. 15 мая в Манычской с ним по самым существенным вопросам договориться не удалось:

а) Средствами он якобы обеспечить нас не может; разве допустить роскошь «вспомоществования» в размере не свыше 1/3 части расходов.

б) По занятии немцами Батайска, готов часть своих сил предоставить временно в распоряжение Д[обровольческой] а[рмии] для выполнения пока частных задач, вытекающих из общей идеи борьбы с большевиками.

в) Атаман отказывается от стремления руководить Д[обровольческой] а[рмией], ставить ей цели, а будет сообразовываться с общею обстановкою и выработать совместно способы действий.

г) Временно, до создания Донской армии, атаман без содействия Д[обровольческой] а[рмии] на Дону, в частности в Новочеркасске, обойтись не может; просит оставить в его распоряжении бригаду Дроздовского, хотя не имеет возражения против замены его другими частями Добр[овольческой] а[рмии].

д) Кубань не может быть предоставлена своим силам, и помощь ей со стороны Дона, по укреплению положения в нем, должна быть оказана.

Но уже 16 мая, т. е. на следующий день после Манычского совещания, атаман отзывался о Добр[овольческой] а[рмии] в резких, мало соответствующих обстановке выражениях, явно подчеркивая, что эта армия служит ему и Дону помехою в отношениях с немцами, что армию нужно разделить «между Доном и Кубанью, ну и некоторым генералам придется поехать за границу...»

20 мая письмом Краснов требует помощи для второстепенного предприятия от нас. 21 мая пишет письмо ультимативного характера, что имеющиеся у него сведения доказывают неизбежность наступления германцев на Тихорецкую. Так как помешать он этому не может, то предлагает Добр[овольческой] а[рмии] 26—29 мая, отпустив кубанцев (куда?) с наличными силами, при содействии некоторых Донских отрядов, идти брать Царицын.

Тут, что ни слово — затаенная мысль, желание и — скажу от себя — готовность продать. Идти на Царицын мы не можем, бросить предательски кубанцев (половину нашей армии) не имеем права, покинуть Донск[ую] обл[асть] — значит отказаться и от тех грошей, которые я по справедливости считаю принадлежащими армии и только находящимися в Донской казне: деньги же общегосударственные.

Общее направление мыслей и желаний в армии — монархическое, претендуют на то, чтобы этот лозунг объявить во всеобщее сведение. Но сломить психологическое настроение и доказать массе необходимость соглашения с немцами невозможно. Мы тоже потеряем большую часть нашего личного состава. Против Ваших выводов логически возразить трудно, но заставить присоединиться к ним наш офицерский состав едва ли возможно без решительных потрясений самого существования армии. Нужна спокойная подготовка, указания опыта, дальнейшее выяснение обстановки в Москве, разъяснение позиций наших союзников.

Вот почему мне так и хотелось повидать Вас. Ни цифровых данных, ни некоторых соображений на бумаге изложить не могу. А между тем теперь установить единство и мысли и решений весьма важно. Если Киев может обождать 2—3 дня, то поговорим. В Киеве призрачная власть гетмана и действительная власть немцев. В Москве все-таки правдами или неправдами советская власть привлекает к себе на службу и наших генералов и офицеров, которые идут в надежде, что большевизм изживет себя и каким-то чудом, сам по себе, переходит в монархию, но помимо немца.

Если нам не удастся повидаться, то прибавляю, что скорый поход на М[оскву] нам непосилен, не говоря про многие нерешенные вопросы, пойдут ли с нами те или другие казаки. Частные, серьезные операции начнутся скоро. Пока численно, духовно и в смысле прочности мы растем, а средства добывать так или иначе нужно. Нельзя умереть от денежной немощи, но мы готовимся и к этому, когда съедим последний кусок и выдадим в содержание последний рубль, но, сделав все, что можем и умеем.

Будьте здоровы. Всегда Ваш и Вам сердечно преданный

Мих[аил] Алексеев.

№ 23

18 июня 1918
Новочеркасск.

Дорогой Павел Николаевич!

Получил Ваше киевское письмо, но сразу ответить не мог: армия начала наступление, втянулась в упорные бои; понесли пока небольшие потери, но одну незаменимую: убит генерал Марков.

Нужно было точнее ориентироваться в общем настроении нашей армии, чтобы ответить Вам. Как общее явление — глубокое сознание, что немец — враг, с которым счеты не покончены, что он является отцом и творцом большевизма, доведшего нашу Родину до гибели. Циркулирующие у нас весьма определенные сведения, что Вильгельм не допускает пока мысли о воссоздании России, что принят план образования 4—5 кусков. Это косвенно подтверждается требованием (кн. Тундутов — дурак; Добрыньский⁷⁵ — пройдоха; кто за ними, пока не знаю) скорейшего создания Юго-Восточного Союза (дается, кажется, наименование какой-то особой республики) из германофильствующих атаманов (Донск[ого], Куб[анского], Астр[аханского]), по германской указке, под скрытым германским управлением и руководством.

Довольно настойчиво предъявлено требование при этом или разоружить Добр[овольческую] а[рмию], или удалить ее руководителей, не идущих к немцам.

Все это создало в армии тяжелую атмосферу яркого недоверия и недоброжелательства к немцам. Мы хорошо ориентированы относительно «самостийного» существования Украины, относительно роли там немцев, настроения украинского крестьянина; неизбежности скорой борьбы партизанского характера за отстаивание мужиком своего хлеба от жадных заgreбистых рук немца (Харьковская, Полтавская, особенно); мы знаем силы немцев. Армия в лице всех своих офицеров так нервно относится ко всем этим вопросам, что малейшее уклонение руководителей в сторону соглашения с немцами поведет за собою фактическое исчезновение основного кадра нашей армии, они разойдутся и будут искать работы там, где не будет участвовать немец. Разоружения можно избежать, и нужно этого достигнуть. Распыления и самоуничтожения армии, при уклоне к немцам, — избежать невозможно.

Не без того, что на настроение нашего офицерства действуют и те мерзости, к которым прибегают возрождающиеся организации, имеющие уже соприкосновение с немцами (Ростов — Всеволожский, Киев — ген[ерал] Веселовский⁷⁶, Бачинский⁷⁷). Делать можно каждому что угодно, но чистоплотно; отсутствие последнего качества — нервирует массу и дает ей основание считать немцев готовыми на каждую гадость. Арест в Киеве полковника Ряснянского — акт прямо враждебный нашей армии.

Вполне понимая, насколько сильно и выгодно положение у нас немцев, зная их умение показывать размер кулака больше, чем он есть на самом деле, сознавая плохую деятельность союзников, мы психологически не можем переменить себя, поступиться общим настроением массы и, уступая немцам, искать пока сомнительного согласия Вильгельма на воссоздание великой неделимой России. Нет веры.

Свято сохраняя свою цель, армия должна, до минуты своей возможной гибели, и будет идти иным путем. Этот вывод неизбежен из совокупности настроений всех составляющих действительную силу и душу армии. Изменить невозможно. Поход на Москву зависит пока от многих чисто местных условий. Лично я считаю, что Д[бровольческой] а[рмии] пора переменить направление операций, хотя бы ради собственного спасения.

Такова наша обстановка, невзирая, что уклон в герм[анскую] сторону со стороны Краснова неизбежен, ибо он находится в тяжелых условиях, а Кубань ждет немцев, как избавителей, в лице своего правительства и Рады (с — р).

Сердечно преданный Вам

Мих[аил] Алексеев.

Там же. Карт. 2. Ед. хр. 19. Л. 10—17 об. Автографы под копировальную бумагу.

№ 24

П. Н. Милюков — М. В. Алексееву

21 июня (5 июля) [1918]

Киев.

Дорогой Михаил Васильевич, спасибо Вам за Ваше прямое и искреннее письмо от 18 июня. Я вижу, что та перемена тактики Д[обровольческой] а[рмии], о которой я мечтал, как об одной из краеугольных основ немедленного приступа к объединению России, для Вас и для всей армии в целом «психологически» невозможна. В том акте освобождения Москвы от большевиков, который я считал возможным и необходимым теперь же, Д[обровольческая] а[рмия] не будет участвовать. Не будет поэтому и самого акта восстановления национального общерусского правительства русскими руками. На этом надо поставить теперь крест — и не только потому, что перемена ориентации Д[обровольческой] а[рмии] оказывается невозможной, но и потому, что, если бы она и свершилась теперь, она бы уже запоздала. Ибо является и другой фактор, выбивающий у меня почву из-под ног: уси-

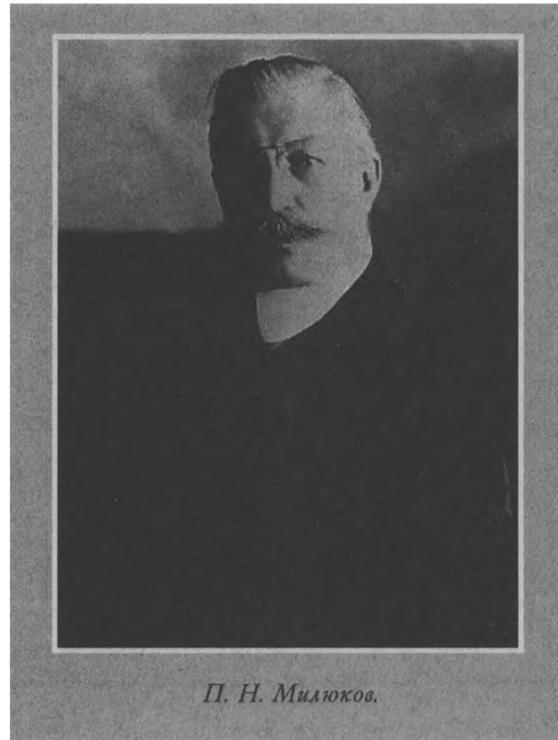
ление опасности для германцев на Востоке вследствие движения чехо-словаков и предстоящего японского десанта. В такой момент германцам, очевидно, некогда думать об объединении России, и то течение, которое эту мысль поддерживает, поневоле теперь отодвигается на второй план. Германцы, видимо, придут в Москву: но придут не как освободители Москвы от большевистского засилья, о чем они подумывали раньше и для чего могла бы пригодиться Д[обровольческая] а[рмия], они придут как союзники большевиков и их защитники от нападения союзников. Можно даже догадываться, что первые их эшелоны уже на Волге и, если верно, что Сызрань отнята у чехо-словаков, то тут уже обнаружилось их присутствие. С другой стороны, в германской печати есть известия, что Иркутск взят австро-германскими военнопленными*, — что, в свою очередь, может явиться сигналом для наступления японцев. Таким образом, то, чего я опасался и что хотел бы предупредить, — борьба союзников с противниками на нашей территории и закрепление разъединения России на две части — грозит сделаться совершившимся фактом. Все это уничтожает мой план в самых основаниях, но не уничтожает той цели, для которой я его составлял, и не исключает необходимости зорко всматриваться в дальнейшие перспективы.

Ближайшая из них — результаты появления германцев в Москве в роли союзников большевиков. Для меня нет сомнения, что германцы эту роль бросят при первой возможности и повторят в Москве то, что сделали здесь: совершат мирный переворот и выдвинут какое-нибудь местное правительство. Возродится ли при этом идея объединения, будет ли у местного правительства возможность поставить немедленно всероссийские задачи, выберут ли германцы этот момент для восстановления монархии, — всего этого я не знаю. Но, кажется, при всем этом они используют более правые политические силы и партии, чем имели в виду до сих пор. Удастся ли при этих условиях добиться такого положения, при котором мои политические друзья могли бы принять активное участие в воссоздании государственности на севере, для меня вопрос. Но, если не это, то какая же другая линия поведения окажется возможной?

Добр[овольческая] а[рмия], по-видимому, выбрала эту линию окончательно. Она ведет на Волгу, в ту туманную даль, которая рассекается далеко не сразу, лишь через несколько месяцев, при такой картине европейского положения, которую сейчас учесть невозможно. Можно лишь сказать, что этот театр войны останется второстепенным и исход борьбы здесь не повлияет, а сам будет находиться в зависимости от общеевропейских комбинаций. Эти комбинации можно учитывать различно. Только что приехал из Петрограда Никанор Васильевич [...]**, который, не

**См. прим. 8. — Л. П.

***Слово вымарано П. Н. Милюковым. — Л. П.

П. Н. Милюков.

осенью развязка получится благоприятная для нашей старой ориентации. Он считает японскую

помощь серьезной, хотя и не верит, что Япония отдаст нам все 25 корпусов (с союзниками 35), о которых говорят в Петрограде. Он считает, что положение германцев очень трудно, и тоже верит в возможность их удаления отсюда под влиянием местных затруднений и необходимости иметь силы в другом месте. Я учитываю положение несколько иначе. По-моему, данный фазис войны на континенте (не говорю, всей войны) — на исходе. Единственная серьезная опасность для Германии — возможный распад Австро-Венгрии, но и это обстоятельство будет в общем ходе войны иметь локальный характер. Тот или другой мирный исход в Европе может застать нас врасплох, в состоянии бессилия и раздробления: к этому и начинает склоняться, по-видимому, германская политика. Но создание таких единиц, как «юго-восточная держава», я не считаю проявлением этой политики: напротив, это есть проявление политики восстановления русской государственности, и как временную ступень я продолжаю это приветствовать. Во всяком случае, дальнейший путь воссоздания государственности всероссийской лежит при этих условиях не в расчетах на победы союзников и на их протекцию на международном конгрессе, а в переговорах и соглашениях, которые должны вестись теперь же и ни на минуту не прекращаться, приспособляясь лишь ко всем изменениям положения. Мой старый план умер: да здравствует новый план, который надо обдумывать немедленно. Добр[овольчская] а[рмия] в этом плане в ближайшее время, вероятно, не будет играть никакой роли, если вся уйдет на Волгу. Но в будущем, — вероятно недалеко, — нам все же придется снова встретиться, — и нужно быть в постоянном контакте, насколько это будет возможно. Я предвижу при этом, что уход Д[обровольческой] а[рмии] на Волгу усилит те отколовшиеся от нее части, которые Вы считаете «нечистоплотными». Я не знаю, в чем тут дело. Всеволодский хотел меня видеть в Ростове, и я его уговаривал не отделяться от Д[обровольческой] а[рмии], не выступать с отдельными воззваниями, а ждать момента, когда [...]*

*Часть слова вымарана П. Н. Милоковым — Л. П.

Д[обровольчская] а[рмия] станет на точку зрения монархии (это, по-моему мнению, было неизбежно). Не знаю, как подействует уход Добр[овольческой] а[рмии] в этом отношении и не перейдет ли она на позицию левого Центра и Савинкова (непредрешение форм правления до Учредительного Собрания). Я эту позицию считаю теперь безнадежно устаревшей. Во всяком случае, по другому принципиальному (по-моему, не принципиальному) вопросу об ориентации во внешней политике — раскола, по-видимому, предупредить не удастся: я хотел бы, однако, чтобы и тут, по возможности, сохранился контакт и чтобы разрыв не принимал острого характера, который сделал бы невозможным дальнейшее сотрудничество. Моя мысль, что все-таки эти расходящиеся теперь части должны потом снова встретиться и работать вместе над осуществлением того, что у них есть общего. Боюсь, что в том случае, если Д[обровольчская] а[рмия] уйдет на Восток, (а м[ожет] б[ыть], уже и ушла к Царицыну), сношения с Киевом будут не так легки, как до сих пор. Во всяком случае, у меня большая к Вам просьба: не пропускать okazji и держать меня в курсе. Я, с своей стороны, обещаю Вам делать то же. Так мало людей, которые могут друг другу верить до конца, что этого круга не надо сужать больше того, чем того требуют непобедимые внешние препятствия.

Я видел здесь Шапрона⁷⁸ и пытался еще раз связно изложить ему для передачи Вам мои мотивы за поход на Москву. Я чувствовал, что это уже поздно: Ваше письмо подтвердило мои предчувствия. Положение полк[овника] Ряснянского, по одним сведениям, очень хорошо: против него ничего не нашли, и он показал, по поводу встречи со мной, что приходил осведомиться, могут ли германцы помочь Добр[овольческой] а[рмии] восстановить монархию. Говорили даже, что предстоит скорое освобождение. Во всяком случае, этого ареста нельзя было понимать как шага против Добр[овольческой] армии, так как в тот момент германцы вовсе еще не ставили над ней креста (быть может, отчасти имея в виду и мою ориентацию). Тогда речь шла скорее о перемене командования, в случае его нежелания переменить ориентацию, и только как о дальнейшей мере говорили о разоружении. Я, конечно, определенно высказывался, где мог, за сохранение командования. Тогда освободили, напр[имер], Лопуховского⁷⁹. Сегодня Ваш офицер, напротив, сообщил мне, что положение Рясн[янского] плохое, что его обвиняют в шпионаже. Если это верно, то боюсь, что это симптом поворота в отношении к Добр[овольческой] а[рмии], — неизбежного при Вашем решении уйти в область союзнической ориентации.

Прежде чем закончить, хочу оговориться. Я совсем не против Вашей оценки лиц, ко многим из которых отношусь так же, как Вы. Но я хотел бы, чтобы лица не смешивались с тенденциями, которым они служат и которые иной раз лучше и защитимее, чем их официальные защитники.

Что Вы хотите? Честные и хорошие люди боятся пойти на авантюру, которой часто представляется начало осуществления всякой тенденции. Сами собой и выдвигаются авантюристы, которым терять нечего, или самолюбивые честолюбцы, которым льстит видное место, выпадающее при этом на их личную долю. Роль авантюристов и честолюбцев все-таки временная, а тенденция, если она правильная, находит свою дорогу сама и впоследствии привлекает к себе дру-

гих людей. Исключения [...] * такие, как Ваше с идеей Добровольческой армии, — когда правое дело сразу попадает в хорошие руки, — редки (я вспоминаю при этом наши беседы в Новочеркасске в ноябре прошлого года). В большинстве случаев примесь «нечистоплотности» вначале почти неизбежное правило: и Вы сами пишете, каких трудов Вам стоило отделаться от этой лигатуры.

Еще два слова: не бойтесь, что я не пойму Ваших хотя и кратких, но всегда точных указаний. Я понимаю и Ваши полуслова, и придаточные предложения, и оговорки: они говорят мне очень многое. Всегда буду страшно рад получить от Вас дальнейшие весточки. Преданный Вам и глубоко уважающий П. Милюков.

Р. С. Уже написав письмо, я только что получил известие, что статс-секретарь Кюльман (недавно поскользнувшийся в рейхстаге на симпатиях к Англии) уходит в отставку и что сюда вместо Мумма (сторонника разделения России) посылается военный человек. (Эта перемена, выгодная для моей ориентации.) Конечно, результаты этой перемены скажутся не сразу, но тем более мне приходится жалеть, что при утилизации ее я уже не могу использовать такого сильного аргумента, как Добр[овольческая] а[рмия].

Там же. Карт. 3. Ед. хр. 7. Л. 1—4. Автограф.

№ 25

Л. Н. Новосильцев — М. В. Алексею

27 мая 1918

Милостивый государь Михаил Васильевич!

В Донском правительстве работа по-прежнему не налаживается. Ваше Высокопревосходительство, вероятно, знает из газет, что Парамонов отказался. Причины точно я пока установить не могу, так как вообще здесь ужасно трудно кому-либо верить. Личные счёты в конце концов имеют наибольшее значение. Напр[имер], Сидорин⁸⁰ теперь сделался ярым поклонником Добровольческой армии — это после того, как он остался не у дел.

Я полагаю, что Парамонов, как умный человек, оценил положение, понял, что оно не прочно, а потому и не стал связывать свою судьбу с Красновым.

Точно так же не идет дело и с формированием. Я даже не понимаю, в чем тут получается такая задержка. Настроение казаков теперь настолько хорошее, что решительные меры дали бы быстро благие результаты. В юнкерском лагере формируют полк, вернее, даже дивизию, но масса дезертиров, нет конского состава, и дело не подвигается. Какая-то команда из Кривянки на приказание ответила, что им еще надо выбрать урядников и посмотреть, какие им назначены офицеры. Правда, это совпало с уходом бригады Дроздовского, но не слышно, чтобы против этого безобразия были приняты меры, и это дает, конечно, печальные результаты.

Ваше Высокопревосходительство, вероятно, обратили внимание на статью в «Донском крае» «Тени и горизонты». Эта статья, конечно, совершенно инспирирована Милюковым. Он делал здесь сообщение, в кадетских кругах склонял на германскую ориентацию. Успеха он здесь не имел, я слышал, что здешние кадеты решили порвать с партией, если в Петрограде ЦК откажется от союзнической ориентации.

Из Москвы приехал Грузинов⁸¹. Я его еще не видел. Не могу никак узнать, где он остановился, т. к. в гостиницах его нет. Надеюсь это сделать в ближайшие дни. Знаю только, что проезд в Москву почти невозможен [...] ** избегнуть расстрела, который ему угрожал.

**Утрата текста. — Л. П.

Если что-либо интересное, мы стараемся направлять к Вам, чтобы Вы получали све-

дения из первоисточника.

Как раз прибыли офицеры из Харькова. Сведения, которые они дают, несколько противоречат друг другу. Один говорит, что немцы требуют прекращения всяких формирований, а другой говорит, что препятствий нет. Не думаю, чтобы немцы в конце концов не обратили на нас внимание. Нет сомнения, что за ними зорко следят.

В Новочеркасске много офицеров ходят с романовскими значками*** Полагаю, что, кроме

***Командование Добровольческой армии, поставив целью спасение России от большевиков, по вопросу о политическом устройстве государства заняло позицию «не предрешения». Форму правления должно было определить Учредительное собрание. В мае—июне 1918 г. очень многие офицеры считали необходимым признание в армии монархического лозунга. Это настроение проявлялось в ношении романовских медалей, пении гимна и проч.

значков, ничего серьезного нет.

В Новочеркасске организуется Союз офицеров. Полагаю, что никакие союзы офицеров теперь несвоевременны, кроме экономических. Кроме того, считаю, что это даст дурной пример казакам и дает почву для агитации про-

тив офицеров. Трудно удержать теперь офицеров от политики, а всякие союзы упорно на это толкаются.

Сегодня доклады в кадетской партии, я буду делать доклад о походе Добровольческой армии. Сидорин будет докладывать о Киеве, а Парамонов — о Москве. В газетах отчета не будет, я подробно сообщу Вашему Высокопревосходительству.

Беспокоит вопрос о деньгах. Пока у нас не будет своей территории — денег, по моему мнению, не будет. Как теперь существовать на добровольные пожертвования, когда почти вся Россия приняла немецкую ориентацию и не желает ничего видеть, кроме завтрашнего дня.

Прошу принять уверения в совершенном к Вашему Высокопревосходительству уважении.

Новосильцев.

Там же. Карт. 3. Ер. хр. 10. Л. 1—2. Автограф.

№ 26

Доклад о поездке в Москву [Л. Н. Новосильцева].

[Не ранее сентября 1918 г.]

Получив три задачи, а именно переговоры с союзниками о средствах, получение сведений о политической ориентировке и, наконец, возможность переправки большого количества офицеров в армию, я их выполнил следующим образом. Переговоры с союзниками уже велись до меня ротмистром Шапроном при участии только что образовавшегося Национального союза, а потому прекратить эти переговоры, которые уже пришли к желанному результату, было невозможно, тем более что при условии слежки в Москве за представителями союзников часто их видеть затруднительно. Союзники вошли в соглашение с Национальным центром⁸² и обещали крупную поддержку. Кредит предположен до 100 000 000, и деньги начали передаваться. По Москве уже ходили слухи о возможном аресте представителей союзников, и надо было скорее позаботиться о передаче денег. 10 000 000 уже переданы Национальному центру. Национальный центр полагает, что союзники помимо его денег давать никому не будут, но я позволю себе в этом сомневаться и думаю, что союзники будут продолжать в этом свою неразумную политику, разбрасывая деньги мелкими суммами разным лицам и организациям. Может быть, это исправится, когда сюда придет представитель союзников, который уже в Киеве, и я ожидаю его прибытия на днях.

Союзники не ставят себе задачей установление какого-либо строя в России, но, видимо, из политических группировок им наиболее симпатичен Национальный центр, с которым они все время в политическом контакте.

В связи с появлением статей о Керенском я счел нужным поставить их в известность о взгляде на него и передал им номер «Вечернего времени», где было напечатано заявление генерала Деникина.

Поступление денег должно идти непрерывно, и уже отправлены следующие суммы. Полковник Стадецкий должен был доставить 300 000 рублей. Одна барыня — 1 200 000 рублей⁸³. На днях должно быть доставлено 3 000 000 рублей. Командирован на Юг служащий Городского союза для сбора денег в учреждениях союза для передачи нам, а соответствующая сумма будет внесена Национальным центром в Москве. Затем имелись в виду другие способы переотправки сюда денег. Мне было передано 600 000, которые благодаря помощи бывшего прокурора палаты Каринского удалось провезти удачно через границу, что представляет очень большие затруднения ввиду тщательных обысков и грабежа красноармейцев. Но на станции Шахтиной у меня украли саквояж с моими вещами и деньгами. В извинение своей небрежности могу только указать на большую усталость, так как я уже ехал семь суток из Москвы, притом иногда в товарных вагонах.

Политическое положение

Все партии, кроме большевиков, ушли в подполье, так как даже левые социал-революционеры объявлены контрреволюционной партией. Под влиянием этого во всех политических партиях замечается большой сдвиг вправо, и не только правые социал-революционеры, но даже социал-демократы меньшевики уже начинают соглашаться на восстановление монархического строя в России. Беспартийная масса вся настроена монархически. Представляющие интерес политические группировки следующие: 1. Группа Правого центра, ее состав главным образом из бывших сановников, союза землевладельцев и отчасти промышленных кругов. Идейным руководителем является А. В. Кривошеин⁸⁴, но официально в состав правления он не входит. В связи с

успехами Германии в апреле и мае Правый центр принял немецкую ориентацию. Немцы хотели, чтобы Правый центр создал русскую силу, которая, имея в резерве немцев, произвела бы переворот в Москве. Я думаю, что затруднение встретилось именно в создании такой русской силы. Не могу при этом не указать, что участие в правлении таких лиц, как Владимир Иосифович Гурко⁸⁵, делает то, что центр иногда прибегает к некрасивым средствам. Это было обнаружено еще и генералом Казановичем, а теперь и мною. Создавая офицерские организации, стараются скрыть от них немецкую ориентацию. Так, например, мною установлен такой случай в городе Калуге, откуда приезжал офицер в Москву для переговоров со мною. Точно так же я установил такой случай в Москве в организации, начальником штаба коей был полковник Киселев, тем не менее должен признать, что офицерская организация с немецкой ориентацией в Москве существует. Организаторами являются поручик Толоконников и начальник штаба полковник Золотарев.

Возможность соглашения с немцами Правый центр ставил на почве пересмотра Брестского мира, но в связи с возрастающим шовинизмом в Германии этот пересмотр, видимо, становится невозможным, что вызывает большие колебания в Правом центре. Убийство Мирбаха⁸⁶ и расстрел б[ывшего] Государя создавали наиболее благоприятный момент для занятия немцами Москвы, и продвижения войск у Белгорода и Орши как будто бы подтверждали такую возможность. Занятие не состоялось, а экономическая политика Германии на Украине еще более внесла раскол в Правый центр, и промышленные круги уже начали откатываться. Кривошеин признает необходимость пересмотра вопроса об ориентации. В настоящее время он бежал в Киев, успев скрыться от ареста большевиков. Особенно вредным, с моей точки зрения, является то течение в Правом центре, которое ведет пропаганду мира во что бы то ни стало и ведет в этом направлении агитацию. Представителями этого течения являются Гурко, кн[язь] Оболенский⁸⁷ и Шлиппе. В Москве издается газета «Мир» с соответствующим направлением.

Национальный центр

Национальный центр состоит из промышленников, кадетов и до правых эсеров включительно. Председателем Правления состоит М. М. Федоров. Национальный центр стоит на точке зрения союзнической ориентации. Установление порядка в России видит в военной диктатуре и затем монархии. Имея довольно значительные силы, в виде специалистов, Национальный центр ведет разработку вопросов как политического, так и экономического характера, дабы будущая власть имела готовые законопроекты для претворения их в жизнь. Национальный центр считает необходимым к моменту провозглашения монархии созыв представительного учреждения от организованных уже местностей России. Национальный центр желает работать в полном единении с командным составом Добр[овольческой] армии, и прежнего стремления стать руководящим органом, по крайней мере во внешних проявлениях, не замечается.

Отрицательным, с моей точки зрения, является участие Савинкова, так как ему, несомненно, желательно личное выдвижение. Кроме того, Савинков не стесняется в вопросе о средствах и позволил себе сделать несколько объявлений по поводу выступления в Ярославле, правда не совсем от имени генерала Алексеева, но таким образом, что у читающего не остается никаких сомнений в том, что выступление в Ярославле совершено не только с ведома, но даже скорее по приказанию генерала Алексеева. Это вынудило меня и Ладыженского⁸⁸ составить опровержение, которое оставлено в Москве и по просьбе Национального центра, чуть не считавшего себя обиженным этим опровержением, вопрос об его распространении отложен до личного распоряжения генерала Алексеева. Черновик везет с собой Ладыженский.

Левый центр. Состав Левого центра таков: левые кадеты, кооператоры, социал-революционеры и социал-демократы меньшевики. Там еще не прошел угар от комитетов, и вместо диктатуры выдвигается вопрос о Директории. Участие социал-революционеров, конечно, делает то, что в центре не забыто об Учредительном собрании. Левый центр поддерживает связь с Национальным центром, и я полагаю, что соглашение между ними не будет нарушено. Национальный центр старается привить мысль о необходимости диктатуры, но возможно, что в предотвращении будущих вредных последствий желательно было бы уже теперь привлечь сюда тех лиц, коих выдвигают в состав Директории, дабы заранее приучить их к подчинению, тем более что кандидаты центров весьма приемлемы. А именно: от Национального центра — Ник[олай] Ив[анович] Астров⁸⁹ и от левого — Чайковский. Астров не страдает властолюбием, а Чайковский мог бы установить постоянную связь с кооперациями, что дало бы большие экономические выгоды Добровольческой армии.

Офицерство: часть служит у большевиков, но уже желает страховаться на будущее, и, узнав о моем приезде, генералы Стогов⁹⁰ и Архангельский⁹¹ непременно желали видеть меня

и просили указаний, как им помочь нам в нашей задаче. Я ответил, что всякая работа к упорядочению Красной армии будет только вредной, и от них получено много сведений, которые везет Ладыженский.

Много офицеров участвуют в организации, и, к сожалению, борьба против этого немыслима, так как участие в организации идет навстречу малодушному желанию офицеров оставаться на месте, защищая якобы свою семью и родину. К сожалению, политические центры поддерживают эти центры, чем задерживают отправку офицеров в армию. Между тем при существующем терроре всякая организация неизбежно будет открыта или вынуждена к преждевременному выступлению. Ярким примером может служить выступление в Ярославле, которое имело бы теперь в связи с высадкой союзников в Архангельске большое значение, но выступление было преждевременным и имело только отрицательное значение. Я принял все меры к тому, чтобы уговорить офицеров к отправке из Москвы. Считаю долгом указать, что в настоящее время необходим КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ПРИКАЗ С УГРОЗОЙ, дабы подвинуть инертную офицерскую массу и лишить их права выбора — уезжать или оставаться. В настоящее время бояться репрессий уже не приходится, аресты и расстрелы идут ежедневно, а пробраться из Совдепии всегда возможно. Я позволил себе очень резко ответить представителю одной организации на его вопрос о возможности зачета службы и о материальной поддержке при условии оставления офицеров в Москве. Я сказал, что нам нужны те офицеры, которые идут туда, куда им прикажут.

К сожалению, должен указать, что выбор генерала Казановича представителем в Москве крайне неудачен. Генерал Хростицкий⁹² — азартный игрок, целые ночи проводит за картами, так что внушает опасения в правильном расходовании денег. Сведения эти мною были проверены и оказались верными. Малинин⁹³ — энергичный человек, но у него рогатые отношения с Национальным центром. Ввиду этого вопрос о представительстве в Москве надо перерешить. Я на себя не взял смелость отменять распоряжения генерала Казановича, но деньги будут передаваться помимо Хростицкого.

Чрезвычайно важно было бы установить возможность уплаты содержания семьям в Москве. Я думаю, это было бы легко сделать при посредстве Национального центра, который хочет организовать военный штаб в г. Москве, пригласив для этого генерала Юденича, от которого будто бы получено согласие.

Силы Красной армии — 180 000 на всех фронтах, кроме Кавказского. Латышей в Москве 3165 человек. Спешно формируются китайцы, численность которых была невелика (до 1500 человек), но теперь, может быть, возросла. К латышам большая зависть, так как они получают больше содержания и больший паек. Говорят, что латыши не только охраняют Совнарком, но и сторожат их, так как думают выдачей его купить себе жизнь. Вопрос с продовольствием в Москве стоит крайне остро. Очень часто ничего не выдают. Цена на черную муку — около 400 рублей пуд. Урожай в России прекрасный, но деревня, за изобилием денег, хлеба не повезет, и во время отбора хлеба вспыхнет междуусобная война. Единичные вспышки бывают и теперь, ввиду чего издан декрет, воспрещающий набатные тревоги под страхом смертной казни. Из последних мероприятий правительства надо отметить призыв унтер-офицеров для обучения на предмет занятия впоследствии высших командных должностей, сборы офицеров и, по слухам, заключение их под стражу, выселение паразитирующего населения из Москвы в трехдневный срок. Декрет был о том, чтоб к этому буржуазия была готова, но самого декрета о выселении еще не было. Интереснее декрет о высшей школе. Всякий, кто достигнет 18-летнего возраста, может поступить, куда хочет, и профессорской коллегии угрожается судом революционного трибунала за требование аттестата об окончании среднего учебного заведения.

Продовольственные обыски и реквизиционные отряды сделали то, что деревня вся против большевиков и власть держится только организацией. Не менее способствует изменению настроения деревни борьба с «мешочниками». Обыски в поездах доходят до того, что отбирают даже провизию, взятую с собою для еды. Чем ближе к Москве, тем строже обыски. Объясняется это тем, что этими продуктами питаются реквизиционные отряды.

Имея в виду, что о Сибири и о Волге есть более подробные сведения, я свои сведения в доклад не помещаю. Могу только указать на крайне вредную деятельность Чернова⁹⁴ на Волге. Считаю долгом указать, что с Черновым так или иначе надо покончить. В более спокойное время против него были бы ценные улики в измене, еще при министре Зарудном⁹⁵ Керенский хотел арестовать Чернова, теперь же, думаю, более применим самый решительный способ к устранению этого вредного человека, от которого отрекаются даже его видные товарищи по партии (Аргунов, Огановский⁹⁷).

Из сведений о Сибири отмечу только то, что все слухи о великом князе Михаиле Александровиче и о его манифестах не соответствуют действительности. Источником этих слухов является Москва. Великого князя нет ни на Волге, ни в Сибири. Точно так же сомнительно, чтобы он

был в Англии. По слухам, он сделал попытку к бегству и был убит, но большевики не знают, что убит именно великий князь, но это только слухи.

Из доклада вытекают следующие вопросы, кои следует разрешить немедленно:

1. Вопрос о представительстве армии в г. Москве.
2. Вопрос о приказе для офицеров.
3. Вопрос о содержании — уплата семьям на месте.
4. В связи с проездом офицеров возникает вопрос о пропуске на Дон.

В мою задачу не входил город Харьков, но совершенно случайно мне указали, что генерал Семенов в Харькове повернул определенно на немецкую ориентацию, вошел в связь с существующим правительством и формирует офицерские отряды для охраны имений. Необходимы срочные меры, а также необходимо поставить об этом в известность Москву.

Там же. Карт. 4. Ед. хр. 16. Л. 1—4.

№ 27

М. В. Алексеев — начальникам военных миссий союзников в России.

23 мая — 11 июня 1918 г.

Донская область.

Дорогой генерал, я командирую к Вам состоящего при мне рот[мистра] Шапрон де Ларре. Я уполномочиваю его на словах подробно доложить Вам о жизни и деятельности Добр[овольческой] армии, о ее боевой работе после выхода из Ростова в ночь на 10 февраля 1918 г[ода], о ее настоящих задачах и идеях, которыми она живет.

Два главных, основных врага имеем мы перед собою:

1) Большевизм. Это он уничтожил Рос[сию], расколол ее на куски, разрушил ее государственность, лишил армии как вооруженной силы для борьбы с внешним врагом, поверг в ужас гражданской войны. Создан большевизм гл[авным] обр[азом] германизмом. Но — будем откровенны — разве диплом[атические] канц[елярии] союзников не должны взять на себя известную долю вины в исчезновении из числа деятельных членов союза — Рос[сии]? Разве не эти канц[елярии] переоценили значение наших беспомощных, недалеких ле[вых] партий, не умевших справиться за неимением опыта и искусных работников с грандиозною задачею управления государством? Разве не эти канц[елярии] усиленно поддерживали эти партии, невзирая на то, что они беспомощно катились вниз к власти большевизма? Разве большевизм не получал авторитетных поддерживающих телеграмм от высоких союзных сфер? Разве в украинск[ом] вопр[осе] диплом[атические] миссии наших союзников не помогли затаенным целям наших врагов?

До той минуты, пока большевистское правительство не сойдет со сцены, невозможно рассчитывать на прекращение гражд[анской] войны, на восстановление порядка, на возрождение загубленной государственности, на создание способной к борьбе армии. Советские войска — кто бы ни стоял во главе их, какое бы наименование они ни получили — всегда останутся орудием большевизма. Отсюда вывод, что, как для нас, русских, не уклоняющихся к германской ориентации, так и для вас всех наших союзников, большевизм и советское прав[ительство] исконный, опасный и ближайший враг, без полной победы над которым невозможна постановка следующей военно-политической задачи.

2) Германизм. Нужно сказать, что, по-видимому, русское общество, в значительных кругах, склоняется в сторону германизма. Это особенно чувствуется здесь на Дону, куда стекаются сведения из разных центров Рос[сии]. Некоторые круги, измученные длительностью беспорядка, бесправия, гражд[анской] войны, ждут всех благ «от немца». И тут союзная наша диплом[атия] упустила время и возможность поддержать наиболее прочные консервативные круги нашего общества, продолжая свою игру с нашими левыми течениями, невзирая на то, что эти течения не выдержали госуд[арственного] экзамена.

Итак, масса, б[ыть] м[ожет], и сознает, что немец — враг, но во многих влиятельных кругах совершается какой-то процесс и перемена отношения к немцу. От него ждут спасения на сегодня, забывая, что это может привести к немецкому рабству завтра.

Добровольческая армия стоит твердо на принципе верности союзникам, но потому постепенно отклоняется от тех рус[ских] кругов, кот[орые] должны поддерживать ее материально и обеспечивать ее существование. Армию (собственно, дивизию), б[ыть] м[ожет], придется распустить из-за недостатка средств в ущерб как интересам Рос[сии], так и всего союзного дела.

Обещание мощной субсидии, которую я получил через ген[ерала] Бартело от франц[узского] правит[ельства] на создание и содержание Добр[овольческой] армии, не могло быть осуществлено вследствие вынужденного отхода наших войск из Ростова на Кубань.

В данную минуту добр[овольческие] части растут численно, крепко сплотились нравственно, представляют серьезную боевую силу, прилив в которую офицеров и казаков принимает планомерный и усиленный характер.

Из прилагаемого проекта соглашения с командованием разоруженных польских войск Вы узнаете, что в скором времени, надо надеяться, под знаменем Добр[овольческой] а[рмии] будут собираться и польские корпуса. Но мои денежные средства иссякают, я ниоткуда не получаю помощи на содержание, а тем более на развитие и увеличение своих войск. А увеличение настоятельно требуется обстановкою и условиями упорной борьбы.

При таких условиях я могу рассчитывать только на помощь союзников, если они признают, что Д[обровольческая] а[рмия] является существенным фактором ведущейся борьбы.

На ближайшие два-три месяца мне нужны 15 миллионов рублей (не считая потребностей польских войск). Но эта помощь нужна скоро, иначе Д[обровольческая] а[рмия] растает вследствие неимения денег.

С аналогичным письмом я обращаюсь к начальникам французской и английской военных миссий. Но думаю, что Д[обровольческая] а[рмия] заслуживает общего внимания наших союзников. Б[ыть] м[ожет], Вы признаете нужным ознакомить с моею просьбой представителей прочих армий и просимую мною, скромную по размерам, помощь разделите между всеми союзниками.

Я надеюсь, что работа моя, моих сотрудников и соратников принесет пользу не только моей многострадальной, искалеченной родине, но и всему делу союза. Поэтому, скрепя сердце, я протягиваю к Вам руку за помощью.

Примите и т. д.

Там же. Карт 2. Ед. хр. 20. Л. 1—2 об. Черновой автограф карандашом.

№ 28

С. А. Шидловский — М. В. Алексею

30 июля 1918

Киев

Ваше Высокопревосходительство милостливый государь, Михаил Васильевич, хотя мы случайно только познакомились с Вами в Москве на государственном совещании, но я решаюсь обратиться к Вам лично с предложением: не будет ли полезен Вашему делу мой административный опыт?

Я последовательно занимал следующие должности: предводителя дворянства, Могилевского и Воронежского вице-губернатора, а в последнее время, до переворота, — Лифляндского губернатора. В настоящее время я скрываюсь от преследования большевиков, которые предали меня суду революционного трибунала и разграбили имения, сначала в Воронежской губернии, а затем и в Могилевской, так что я с семьею успел спасти только то, что на нас надето.

Здесь на Украине мне предлагают высокий административный пост, но не лежит мое сердце служить исключительно делу Украины (которая к тому же подпала под влияние немцев), а не Родине, России. А т. к. последнюю цель преследует Ваше Высокопревосходительство, то я с величайшей готовностью отдам все свои силы на служение этой идее.

Сын мой Борис, с самого начала действий армии, находится в рядах бригады ген[ерала] Маркова.

Я прошу ответить мне в возможно непродолжительном времени, чтобы в зависимости от Вашего ответа я мог принять меры, чтобы вырвать жену и детей, скрывающихся в Могилевской губ[ернии], из власти большевиков и поселить их поблизости места, которые Вы назначите мне для работы.

Административные и организационные способности мои и 32-летний служебный опыт всегда ценились Министерством внутренних дел, доказательством чему служит и назначение меня губернатором в Ригу.

Адрес мой известен подателю сего штабс-капитану Риснану. С величайшим нетерпением буду ожидать Вашего ответа.

Прошу принять уверения в глубочайшем уважении и искренней преданности Вашего покорного слуги Сергея Алексеевича Шидловского.

№ 29

30 июля 1918 г.
Киев

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич, в дополнение к прежде отправленным Вам письмам спешу сообщить следующие сведения: в то время когда я получил Ваше письмо, замечалось недоброжелательное отношение немцев к офицерам Добр[овольческой] армии, так что было время, когда во избежание неприятностей офицеры армии принуждены были снять погоны и по возможности даже не показываться на улицах; некоторые офицеры были арестованы, фамилии их не называю, так как они Вам известны. Затем, по непонятным для меня причинам, был замечен крутой поворот, и немцы стали не только корректными, но начали принимать все меры завязать с ними дружеские отношения — зазывали к себе, приглашали ужинать и т. п., очевидно, рассчитывая склонить их на свою сторону. Такое настроение продолжалось более двух недель, и многим из офицеров за это время удалось воспользоваться их любезностью, так, напр[имер], полковник Трескин⁹⁹ получил право на купе 1-го класса в немецком поезде, отправлявшемся в Крым, капитан Запольский заручился обещанием получить место 1-го класса для проезда в Ростов и т. п. Но дня три тому назад распространился слух, который упорно поддерживается и сегодня, что офицеры, едущие к Вам, на дороге задерживаются, арестовываются и неизвестно куда препровождаются, и, как подтверждение этих слухов, я слышал заявления некоторых лиц, что родственники их на этих днях выехали в армию и бесследно пропали и все справки в немецкой комендатуре не привели ни к чему, а получились лишь ответы: «Нам ничего не известно». Весьма возможно, что слухи эти распространяются злонамеренно для той цели, чтобы устранить офицеров, желавших отправиться на пополнение Вашей армии и заставить их поступать в ряды организуемых ныне отрядов Астраханской армии¹⁰⁰, которую немцы поддерживают, несмотря на то, что они выбросили лозунг: восстановление единой нераздельной России, провозглашение монархии и упразднение всех прав, приобретенных офицерами за время правления Керенского. Организация эта, насколько мне удалось выяснить, поддерживается оружием и деньгами немецкого правительства, и хотя есть основания предполагать, что эта новая армия будет стремиться соединиться с Вами, но в настоящее время озабочена комплектованием возможно большего числа сил, чтобы при переговорах о слиянии с Вами иметь больше прав предъявлять те или иные требования. Удивительно, что во главе этой организации есть офицеры, бывшие в Добр[овольческой] а[рмии], как например, капитан 1-го ранга (к сожалению, фамилии его я не узнал), служивший в ударном Корниловском полку, которые не только не оказывают содействия офицерам Вашей армии, но усиленно поддерживают слух об аресте немцами в пути (на 2-й — 3-й станции от г. Киева) офицеров, едущих к Вам. Был случай, что одному из офицеров, обратившемуся в бюро записей Астр[аханской] армии с просьбой провезти его в эшелоне, отправляющемся на этих днях с добровольцами Астр[аханской] армии в Новочеркасск, — было категорически в этом отказано.

Считаю своим долгом уведомить Вас, что высшие слои общества не только Украины, но и Великороссии относятся с величайшим уважением к стремлениям и деятельности Добр[овольческой] армии, видят единственное спасение России в том, чтобы (воспользовавшись исключительно тяжелым положением немцев к искреннему их желанию заключить союз с Россией, а впоследствии привлечь к этому союзу и Японию) теперь же объявить себя временно нейтральными, воспользоваться этим временем — восстановить внутренний порядок, воссоздать оторвавшиеся области и провозгласить Монарха при условии, если России будут возвращены все завоеванные и оккупированные местности, за исключением Приб[алтийского] края, взамен которого нам будут уступлены Червонная Русь и Дарданеллы.

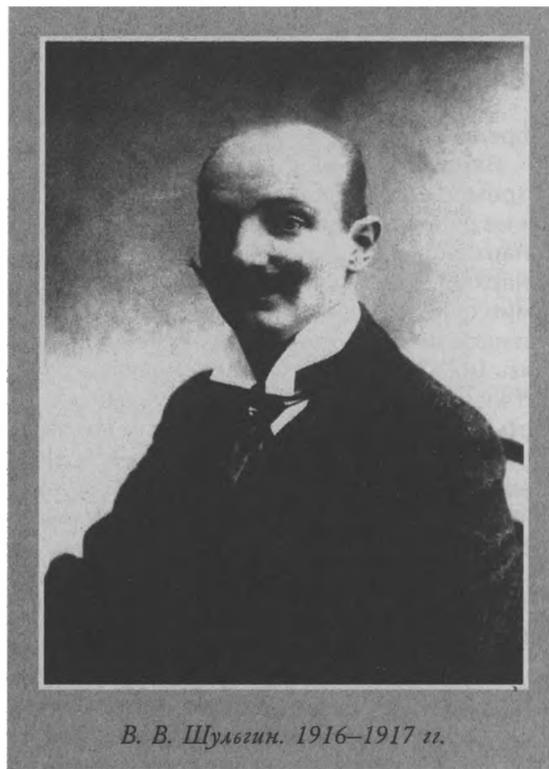
С этой целью в Берлин, для переговоров с императором Вильгельмом, около 2/15 июля уехал офицер Преображ[енского] полка герцог Лейхтенбергский¹⁰¹, возвращение которого ожидается со дня на день. О результатах этих переговоров я хотел сообщить Вам в этом письме, но сын, выздоровев, так стремится возвратиться в армию, что я решил его больше не задерживать и уведомить Вас об этом в следующем письме. Группа, настаивающая на такой ориентации, состоит из лиц главным образом кадетской партии, по своим воззрениям группирующаяся вокруг Милюкова, союза земельных собственников и дворян. Что же касается хлеборобов, то они с ненавистью относятся к теперешнему владычеству немцев и не допускают мысли каких-либо соглашений с ними. На этой почве в Звенигородском и других соседних уездах вспыхнули крупные беспорядки, подавленные немецкими штыками.

Общество возлагает все свои надежды на Добр[овольческую] армию, которая, укрепляясь и разрастаясь с каждым днем, представляет уже грозную силу, почему и полагает, что Ваше Высо-

копревосходительство, хотя, может быть, в душе считает правильным настоящую ориентировку, но, нося имя Алексеева, не может изменить союзникам — находит выход из этого тяжелого нравственного положения? Вы, оставаясь Главнокомандующим и Верховным руководителем всех действий армии, не признали бы возможным предложить ей провозгласить Диктатора, который должен удовлетворять следующим условиям:

во-первых, не принадлежать к особам императорского Дома, чтобы не подвергнуть кого-либо из них опасности и гонениям;

во-вторых, чтобы это лицо не принадлежало к числу выдвинутых до настоящего времени политических деятелей вроде князей Долгоруких¹⁰² (претендентов на Российский престол), Родзянок, Милюковых, Гучковых¹⁰³,

Шульгиных и т. д., доказавших уже свою несостоятельность и неспособность вести государственное дело, ибо даже упоминание одного из этих имен вызывает теперь отвращение во всех слоях общества;

в-третьих, это лицо, руководясь вполне Вашими указаниями, должно принимать на себя все пререкания и упреки, как союзников, так и немцев, оставляя Ваше имя таким же кристаллически чистым, каким оно было до настоящего времени;

в-четвертых, чтобы это лицо, несмотря на то, что судьба его предрешена, без колебаний принял бы это опасное звание и, по мере движения к Москве, не останавливаясь ни перед какими мерами, устанавливал бы сильную административно-государственную власть, а с помощью ее и внутренний порядок. По вступлении же в Москву и провозглашении Импера-

тора торжественно и коленопреклоненно передал бы Ему всю власть, а затем от соизволения Императора зависело бы: заключить мир или объявить войну тому или иному государству, провозгласить тот или иной порядок государственного управления, созвать Учредительное ли собрание, или Земский собор, или Государственную думу...

Считаю долгом сообщить Вам к сведению, что гетман (к стыду сказать, быв[ший] к[омандир] одного из гвардейских кавалерийских полков), очевидно, мнит себя в будущем Царем, в настоящее время разыгрывает глупую роль лакея германских властей, составил левый кабинет не только из лиц кадетской, но и социалистических партий. К счастью, все они с первых же шагов своей деятельности провалились и показали себя совершенно несостоятельными вести государственное дело и поэтому на этих днях, благодаря решительным действиям правых организаций и принятым мною мерам, заменяются людьми более правыми. Особенно приветствовать нужно назначение м[инистром] в[нутренних] дел Игоря Александр[овича] Кистяковского¹⁰⁴ — человека русского и, несомненно, монархиста, а через него мне удалось провести на ответственный пост Директора Департамента Общих Дел МВД Алек-

сандра Ивановича Пильца¹⁰⁵, образ мыслей которого Вам известен, и я надеюсь, что в недалеком будущем и украинское правительство будет благожелательно относиться к Добр[овольческой] армии.

В настоящее время я завязал сношения с особами императорской фамилии, чтобы узнать их предположения.

Ввиду в высшей степени доброжелательного отношения правящего духовенства к целям и стремлениям Добр[овольческой] армии, я находил бы необходимым теперь же войти в сношения с некоторыми из них, так как они ведут усиленную пропаганду и агитацию к развитию монархических организаций в целях скорейшего восстановления порядка и провозглашения монарха и многие из них несомненно могли бы оказать громадные услуги Добр[овольческой] армии снабжением ее не только продовольствием и материальными средствами, но и нравственной поддержкой (архиепископ Астраханский Митрофан), пополнением людьми. Вот эту связь мог бы с успехом завязать диктатор, так как мысль о диктатуре в настоящее время решительно проводится высшим духовенством. В этих видах я уже и теперь с некоторыми архипастырями вошел в соглашение по некоторым вопросам, причем они находят, что деятельность диктатора была бы наиболее успешной, если бы армией был выдвинут человек до сего времени неизвестный, политической роли не игравший, но удовлетворяющий вышеперечисленным условиям и обладающий железным характером, опытом и административными способностями.

В то время когда я пишу это письмо, раздался взрыв, и сейчас мне донесли, что какой-то негодяй бросил бомбу, смертельно ранил фельдмаршала Эйхгорна¹⁰⁶ и убил двух его адъютантов, — событие, чреватое важными последствиями.

Принимая во внимание, что для того, чтобы быть в курсе всех дел, а также иметь влияние на некоторых членов правительства, в желательном для нас смысле, я должен отдавать все время на то, чтобы быть в возможно большем числе заседаний и совещаний, и поэтому я не в состоянии проследить и направить в желательном смысле те хотя и более мелкие, но имеющие в будущем большое значение события, я прошу Ваше Высокопревосходительство, если Вы одобряете выше сказанные мною предположения, командировать в мое распоряжение одного или двух заслуживающих полное доверие молодых офицеров как для постоянной связи с Вами, так и для исполнения тех поручений, которые я признаю необходимым на них возложить и которые я лично по тем или иным соображениям не могу выполнить.

Если условия соглашения герцога Лейхтенбергского будут особенно приемлемыми, я постараюсь лично приехать к Вам, хотя бы это мне и очень трудно было сделать.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности остаюсь Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

С. Шидловский

Письмо это прошу уничтожить, так как, если меня заподозрят или арестуют, я не в состоянии буду следить за развитием политических событий.

Там же. Карт. 3. Ед. хр. 27. Л. 1—8. Автографы.

№ 30

М. В. Алексеев — Н. Е. Парамонову

1 июня 1918

Новочеркасск

Милостивый государь Николай Ельпидифорович, усердно прошу Вашего согласия и распоряжения об отпуске для нужд Добр[овольческой] армии из запасов Военно-промышленного комитета одну тысячу брезентов лучшего качества со всеми принадлежностями по установленной цене 80 руб[лей] за экземпляр.

Деньги будут уплачены мною непосредственно по Вашему указанию.

Прошу принять уверения в моем глубоком уважении и преданности.

Мих[аил] Алексеев

Там же. Карт. 2. Ед. хр. 14. Л. 1. Машинописная копия.

№ 31**М. В. Алексеев — М. К. Иванову****1 июля 1918
Новочеркасск**

Милостивый государь Мефодий Ксенофонович!*

*Личность не установлена.

Доверяю Вам изыскать способы и приобрести, по Вашему усмотрению, для Добровольческой армии следующие предметы в количестве не менее обозначенных в настоящем моем письме-доверенности:

1. Парусина 1800 ар[шин] по 6 руб[лей] (шесть) примерно, за аршин.
2. Фуражек сколько возможно по цене не свыше 4 руб[лей] 80 — 5 руб[лей] за штуку. Вполне возможен заказ на ближайшие две недели.
3. Белье пар до 1000 комплектов по цене 18 руб[ей] пара.
4. Летних защитных рубах и шаровар до 1000 экземпляров по цене до 40 руб[лей].
5. Старых шинелей на выбор до 1000—1500 штук по цене до 30—35 руб[лей] за экземпляр.
6. Старых суконных шаровар, но хорошего качества, стоимостью до 20—25 руб[лей] за экземпляр.
7. Старых сапог, поддающихся починке, до 500 пар, стоимостью 180—200 руб[лей] за пару.
8. Ниток, пряжек, крючков сколько окажется возможным.

Доверяю Вам:

1. Организовать в Ростове склад для сбора всего покупаемого для Добров[ольческой] армии.
2. Организовать мастерскую для приведения в готовый вид приобретаемого имущества.
3. Организовать отправку всего приобретаемого в Новочеркасск, сообразуясь с обстоятельствами.
4. Деньги Вы будете непосредственно получать от меня по Вашим счетам и удостоверениям.

Представителем интендантства Добр[овольческой] армии для совместных работ и разрешения второстепенных вопросов на месте назначается прапорщик Строгов.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Мих[аил] Алексеев

Там же. Карт. 2. Ед. хр. 14. Л. 1 об. — 2. Машинописная копия.

№ 32**М. К. Иванов — М. В. Алексею****27 июня 1918
Ростов-на-Дону**

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Сегодня был у ген[ерал] Грекова, передал Ваше письмо и лично рассказал все подробности с сахаром, т. е. как мне его предложили, и Греков очень недоволен, что я не обратился сначала к нему, а поехал к Вам, я же объяснил ему, что не считал это сделать возможным, не имея от Вас официальных полномочий. Он мне сообщил, что на этот сахар претендуют коннозаводчики и что сахар реквизирован за спекуляцию, и лица те будут им привлечены к ответственности суровыми мерами. Что он готов сделать все от него зависящее, чтобы сахар получили Вы, но едва ли сможет, я лично думаю, что сможет, если захочет. Пусть реквизирует, сажает их в тюрьму и пр., а сахар передает Вам. Он сказал мне, что будет у Вас лично и переговорит по этому делу, сегодня или завтра.

Ремни по образцам взял 1000 шт. по цене рубль, менее не взяли, белье, предлагаемое на портянки, вчера продано, но, думаю, нужное нам количество получу, с парусиной у Союза Союзов получу завтра ответ, т. к. главный член правления сегодня в отъезде. Все, что мною будет сделано этими днями, будет немедленно Вам сообщено, что куплено, почем и какие предметы снаряжения. Из Киева нет ни ответа, ни моего посланца. Будет очень неприятно, если сахар не получим, а зависит это от них всевеликих. Желаю Вам здоровья и счастья. Готовый к услугам Вашим.
Иванов.

Там же. Ед. хр. 45. Л. 1. Машинопись.

№ 33

М. В. Алексеев — А. К. Грекову*

1 июля 1918
Новочеркасск

Милостивый государь Алексей Кириллович!

Меня очень огорчает, что встретились какие-то препятствия к передаче 162 пуд[ов] сахару для нужд Добров[ольческой] армии. Обеспечить 12 000 чел[овек] необходимыми предметами питания, по доступной цене, при нашем трудном финансовом положении, дело важное. Ради него можно и должно поступаться некоторыми формальностями, о чем я усердно прошу. Сахар нужен для Добров[ольческой] армии. Смею надеяться, что общегосударственная задача, которую взяла на себя Добр[овольческая] армия, даст ей преимущественное право на удовлетворение ее насущных нужд. Я Вам откровенно через г. Иванова изложил историю вопроса в глубокой надежде, что мое ходатайство не останется гласом вопиющего в пустыне во имя потребности 12 000 ртов, которые ждут от меня удовлетворения их насущных и справедливых нужд. Или коннозаводчики, или Добр[овольческая] армия.

Прошу принять уверения в моем глубоком уважении и преданности.
Мих[аил] Алексеев.

Там же. Карт. 2. Ед. хр. 14. Л. 1—1 об. Машинописная копия.

*Греков Алексей Кириллович в августе 1915 г. команд.
I Кавказской дивизией.

№ 34

М. В. Алексеев — Э. Ф. Эльснеру

1918 июля 5
Новочеркасск

Милостивый государь Евгений Феликсович!

Считаю нужным, чтобы Вы точно были осведомлены о ходе работы в Ростове по заготовке вещей для армии М[ефодием] К[сенофоновичем] Ивановым.

По 3 июля включительно принято:

- 1) 700 шинелей.
 - 2) 4 июля должно быть принято еще 800 шинелей. Цена по 20 руб[лей]. Переделка, починка, мытье потребуют еще в среднем по 10 руб[лей] на экземпляр; итого стоимостью до 30 руб[лей], вполне доступная.
 - 3) Заказано 1000 комплектов белья.
 - 4) Заказано 1000 комплектов защитных рубах и шаровар.
 - 5) Принято 3000 летних фуражек (наиболее дешевых — 4 руб. 80 — 5 руб[лей]).
 - 6) Принято 2000 аршин парусины для плащей.
- Сапог пока нет.

4 июля я перевел Иванову аванс в сто тысяч рублей. Склады и примитивные мастерские учреждения — в Ростове, нужно подумать об организации перевозки.

Объявление всей Донской области на осадном положении угрожает нам большими затруднениями:

- а) в 3-дневный срок все наши штабы и учреждения хотят выселить из Новочеркаска. Сделаю все, что можно, чтобы оттянуть срок до моего возвращения из армии,
- б) нашею базой, вместо Новочеркаска, назначают станицу Константиновскую,
- в) особых неудобств это, конечно, не создало бы, если бы не усложнило до крайности вопрос об укомплектовании и перевозке из Ростова приобретаемого имущества.

Нужно сговориться с атаманом и получить его разрешение сохранить в Новочеркасске бюро записи и запасную команду для приема прибывающих организаций, продовольствия.

Нужно обдумать — как удобнее — отправлять ли в запасной бат[альон] в Константиновскую (пароходом) для движения правильно организованными маршевыми командами по подготовленной коммуникационной линии или наспех составленными командами из Новочеркаска. Ожидаю Ваших соображений.

Утром 6 июля я по спешным делам отправляюсь в армию, где пробуду не менее недели, судя по накопившимся важным вопросам. Весьма важно задержать наше выселение до моего возвращения.

Эту деликатную миссию я просил бы Вас взять лично на себя.

Прошу принять уверения в моем глубоком уважении и преданности.

Мих[аил] Алексеев.

Там же. Ед. хр. 23. Л. 1—2. Писарской автограф под копирку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дитерихс Михаил Константинович (1874—1937) — генерал-лейтенант (1919), окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генштаба, участник русско-японской и первой мировой войн. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего с сентября 1917, начальник штаба Главнокомандующего с ноября 1917, начальник штаба Чехословацкого армейского корпуса до января 1919 г. По поручению А. В. Колчака возглавлял следственную комиссию по делу о расстреле царской семьи. С июня 1919 командовал Сибирской армией, затем войсками Восточного фронта, одновременно с августа до декабря 1919 являлся военным министром Омского правительства. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой земской рати. В октябре эмигрировал. С 1924 начальник дальневосточного отдела «Русского общевосточного союза» (РОВС). Умер в Шанхае.
2. Очевидно, Борисов Михаил Константинович (1876—1936?) — генерал-майор. Окончил Донской кадетский корпус и Михайловскую артиллерийскую академию. В первую мировую войну — полковник.
3. Видимо, речь идет о Муравьеве Михаиле Артемьевиче (1880—1918) — выходец из крестьян, который окончил пехотное юнкерское училище (1899), участвовал в первой мировой войне, в 1917 г. полковник. Член партии левых эсеров с 1917 г. С 28 октября 1917 начальник обороны Петрограда, с 30 октября командовал революционными частями, разгромившими казаков П. Н. Краснова, наступавших на Петроград по приказу А. Ф. Керенского. С декабря начальник штаба Южного революционного фронта, в январе 1918 г. приказом Антонова-Овсеенко был назначен главнокомандующим всеми советскими войсками, действующими против Центральной Рады. 26 января, разбив войска Рады, овладел Киевом. С 13 июня 1918 г. — командующий Восточным фронтом. После левозероцкого мятежа в Москве 10 июля поднял мятеж в Симбирске, 11 июля при аресте был убит.
4. Терещенко Михаил Иванович (1866—1956) — русский капиталист, сахарозаводчик, финансист. Был близок к партии прогрессистов. В 1917 году министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства. Белоземigrant. Умер в Лондоне.
5. Вырубов Василий Васильевич (1879—1963) — видный земский деятель, руководитель комитета Всероссийского Земского союза при ставке Главнокомандующего (М. В. Алексеева). После «дела Корнилова» помощник начальника штаба по гражданской части Верховного Главнокомандующего при генерале Алексееве. Мемуарист.
6. Керенский Александр Федорович (1881—1970) — политический деятель, эсер. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Во время Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, затем товарищ председателя Петроградского Совета. Министр юстиции во Временном правительстве. В 1-м и 2-м коалиционном Временном правительстве (май—сентябрь) военный и морской министр, а с 8 мая также министр-председатель, с 30 августа Верховный Главнокомандующий. В сентябре возглавил «Директорию». Возглавил антибольшевистский мятеж в октябре 1917 г. С 1918 эмигрант, один из лидеров «Внепартийного демократического объединения».
7. Духонин Николай Николаевич (1876—1917) — генерал-лейтенант. Окончил Владимирский — Киевский кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. До первой мировой войны служил в Киевском военном округе. Принимал участие в войне 1914—1917 гг. на Западном и Юго-Западном фронтах. После бегства А. Ф. Керенского с фронта 1 ноября принял на себя обязанности главноверха, за отказ вступить с немцами в переговоры о перемирии 9 ноября был отстранен Советом Народных Комиссаров от должности. 19 ноября приказал освободить из тюрьмы г. Быхова участников корниловского движения, за что 20 ноября был убит толпой матросов и солдат на вокзале в Могилеве.
8. Савич Никанор Васильевич (1869—1942) — земский деятель, один из лидеров фракции октябристов в III и IV Государственных думах. Монархист. Намечался М. В. Алексеевым в состав Особого совещания в Екатеринодаре. Член правительства генералов Деникина и Врангеля. Мемуарист.
9. Верховский Александр Иванович (1886—1938) — из дворян. За либерально-конституционные взгляды исключен из Пажеского корпуса и отправлен солдатом в Маньчжурию (1906). В 1911 окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в первой мировой войне. Предпринимал активное

- участие в реформировании армии после февраля 1917 г. В апреле участвовал в работе Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле под его руководством с помощью репрессивных мер были подавлены солдатские выступления в Нижнем Новгороде, Твери, Владимире и других городах. Выступил против Корнилова. Под его руководством производились обыски и аресты в Московском отделе Союза офицеров среди сочувствовавших Корнилову. С 30 августа военный министр А. Ф. Керенского, который введен в «Директорию» и возведен в генерал-майоры. Затем служил в Красной Армии. Репрессирован.
10. Черемисов Владимир Андреевич — генерал от инфантерии Генерального штаба. С 9 сентября 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом. В конце октября отменил приказ Керенского об отправке войск на Петроград для защиты Временного правительства.
 11. Юго-Восточный Союз был создан 20 октября 1917 г. в Екатеринодаре на конференции представителей Донского, Кубанского, Терского, Астраханского казачьих войск, к Союзу присоединились горцы и калмыки. Союз создателями мыслился не как суверенное государственное объединение с целью совместного противодействия большевикам и анархистам, а для сохранения порядка и законности до начала работы Учредительного собрания. Члены Союза оставались самостоятельными без каких-либо ограничений в пользу союзной власти. В ноябре было сформировано Объединенное правительство на паритетных началах во главе с В. А. Харламовым. Члены правительства были подотчетны своим краевым властям. Союз прекратил существование в феврале 1918 г.
 12. Преданные генералу М. В. Алексееву офицеры 25 октября (7 ноября) 1917 г., в числе которых был его личный адъютант ротмистр Шапрон дю Ларре, организовали переезд генерала на квартиру члена подпольной военной организации, так называемой Алексеевской организации, инженера С. С. Щетинина. Щетинин вместе со своей супругой Натальей Павловной, сестрой милосердия Кауфманской общины Красного Креста, устроили отъезд генерала Алексеева по паспорту отца Н. П. Щетининой в Новочеркасск.
 13. 26 октября (8 ноября) 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире. Правительство большевиков предложило всем воюющим государствам немедленно заключить перемирие и начать мирные переговоры. Отказ Англии и Франции от этого предложения вынудили большевиков 20 ноября (3 декабря) пойти на отдельные переговоры с Германией.
 14. Центральная Рада — контрреволюционный объединенный орган буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и организаций на Украине. Создана 4 (17) марта 1917 в Киеве. Рада заняла враждебную позицию по отношению к октябрьскому перевороту большевиков и в основном поддерживала Временное правительство. В январе 1918 г. объявила Украину «независимой» республикой. Под ударами Красной гвардии 26 января (8 февраля) 1918 Центральная Рада с остатками своих войск бежала из Киева на Волынь. 1 марта Центральная Рада вернулась в Киев вместе с австро-германскими войсками, которые оккупировали почти всю Украину. Центральная Рада стала марионеткой в руках интервентов. 29 апреля германское командование, стремившееся к установлению на территории Украины режима военной диктатуры, разогнало Центральную Раду и заменило ее «правительством» гетмана П. П. Скоропадского.
 15. Рязцев Константин Иванович (1879—1919) — русский военный деятель, полковник (1917), эсер. С июля 1917 начальник штаба Московского военного округа. Выступил против Корнилова. С сентября командующий войсками Московского ВО. Участвовал в переговорах со штабом большевиков по руководству боевыми действиями в Москве о мирном переходе власти Моссовету. Вечером 27 октября предъявил ультиматум большевикам, после чего начался артиллерийский обстрел Кремля. 2 (15) ноября смещен с должности Московским ВРК. Арестован в Харькове белогвардейцами по обвинению в выступлении против Корнилова и в недостаточно активной борьбе с большевиками в октябре.
 16. Большая часть чехословацких добровольцев Добровольческой армии прибыла в Новочеркасск из 8-й армии Юго-Западного фронта, которой с апреля 1917 г. командовал генерал Л. Г. Корнилов. Чехословацкий стрелковый корпус был сформирован из военнопленных чехов и словаков, бывших офицеров и солдат австрийской армии в сентябре 1917 г. В апреле 1918 советские власти по требованию стран Антанты начали переброску корпуса по Сибирской железной дороге во Владивосток. 25 мая части корпуса подняли антибольшевистское восстание по всем пунктам прохождения эшелонов от Пензы до Владивостока. В сентябре 1920 г. последние части чехословаков были вывезены из Владивостока.
 17. Георгиевский полк начал формироваться из Георгиевских кавалеров весной 1917 г. в Киеве по инициативе полковника А. К. Кириенко с одобрения Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова. В начале ноября по предложению генерала М. В. Алексеева полк был переведен в Новочеркасск, а в конце декабря — в Ростов. В январе—феврале 1918 г. полк, вошедший в состав 1-й Добровольческой дивизии, непрерывно участвовал в боях и понес большие потери. 12 (25) февраля, в начале 1-го Кубанского («Ледяного») похода, остатки полка Особым Георгиевским батальоном были влиты в Корниловский ударный полк. После смерти генерала М. В. Алексеева формирование полка было приостановлено, поскольку А. И. Деникин отрицательно относился к выделению из строевых частей Георгиевских кавалеров.
 18. ГАУ — Главное артиллерийское управление.
 19. ГВТУ — Главное военно-техническое управление.
 20. Речь идет об упорном сопротивлении большевикам в Москве, где оплотом сопротивления были Александровское (в котором собрались созданные полковником Дорофеевым несколько десятков офицеров) и Алексеевское военные училища, три Московских и Суворовский кадетские корпуса. Среди наиболее активных руководителей были полковники Л. Н. Трескин, В. Ф. Рар, Дорофеев,

- Матвеев. Большевицкая артиллерия под руководством революционера и астронома П. Штеренберга 30 октября (12 ноября) в полдень начала обстрел Кремля из тяжелых орудий, который продолжался два дня и три ночи. В эти дни в Кремле проходили заседания Всероссийского Поместного Собора. 15 ноября Собор обратился к обеим сражающимся сторонам с просьбой о прекращении кровопролития, недопущения расправы с побежденными и сохранения святынь Кремля. Защитники Кремля сложили оружие. По условиям капитуляции, подписанной нерешительным и склонным к соглашательству полковником Рябцевым, офицерам оставалось оружие и обеспечивалась безопасность. Но выполнены они не были: сдавшиеся офицеры были переписаны (некоторые сразу отправлены в тюрьму, аресты других начались на следующий день), многие расстреляны и похоронены на Братском городском кладбище.
21. Информация к М. В. Алексею о событиях на Украине поступала через «Осваг» и разведовательно-осведомительную организацию «Азбука», созданную В. В. Шульгиным (см.: Источник. 1997. № 3.).
 22. Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — руководитель казачьего антибольшевистского движения на Дону в 1917—1918 гг., генерал от кавалерии. Из дворян. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1889). Участник первой мировой войны, командующий армией. В июне 1917 г. на Большом войсковом круге избран атаманом Донского казачества. После октябрьского переворота не признал власть большевиков и провозгласил Донскую область независимой. Когда Красная Армия подошла к Новочеркаску, Каледин 29 января сложил свои полномочия и в тот же день застрелился.
 23. Учредительное собрание — представительное учреждение, предназначалось для установления формы правления. В ноябре—декабре 1917 г. состоялись выборы, в результате которых большевики оказались в меньшинстве. В ночь на 7 (20) января 1918 г. ВЦИК по докладу Ленина принял решение о роспуске Учредительного собрания.
 24. Правый центр (Московский центр) — создан в марте 1918 г. представителями партии кадетов, групп монархистов, «Совета общественных деятелей», «Союза земских собственников», торгово-промышленного комитета. Его основателями были кадеты Н. И. Астров, В. А. Степанов, П. Б. Струве и др. Руководитель центра П. И. Новгородцев. Руководители центра считали единственно приемлемой формой правления для России конституционную монархию и ставили своей задачей сплочение всех несоциалистических организаций и элементов для борьбы против большевиков и недопущение прихода к власти демократических партий — меньшевиков и эсеров. Осенью 1918 г. распался. Большая часть членов Правого центра ориентировалась на Германию, надеясь при поддержке германских войск добиться свержения советского строя и захвата власти. Национально настроенные члены центра в мае — июне 1918 г. выступили организаторами Национального центра.
 25. Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939) — генерал-лейтенант Генерального штаба. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. После академии служил в Киевском военном округе. В 1914 г. подготовил и провел общую мобилизацию. С 1915 помощник военного министра. Принимал участие в первой мировой войне на Юго-Западном фронте. В 1917 начальник штаба Верховного Главнокомандующего при генерале Корнилове. В начале сентября арестован вместе с Корниловым и заключен в Быховскую тюрьму. Из Быхова бежал на Дон, участвовал в организации Добровольческой армии. В декабре 1917 г. назначен начальником штаба армии. С начала февраля 1918 г. был представителем Добровольческой армии при Донском атамане. 9 февраля 1918 г., накануне выхода Добровольческой армии в 1-й Кубанский поход, генерал Лукомский был тайно послан Корниловым в Екатеринодар в качестве его представителя при Кубанском правительстве. Был арестован большевиками. Чудом спасся, выехал в Царицын, затем в Киев, Одессу, где устанавливал связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. вернулся в штаб Добровольческой армии. Был назначен заместителем председателя Особого совещания при Верховном руководителе Добровольческой армии генерале Алексееве. С октября по декабрь 1919 председатель Особого совещания при Главкомандующем. В феврале 1920 г. «уволен от службы» за поддержку генерала Врангеля на место командовавшего в Крыму генерала Шиллинга. В конце марта 1920 г. генерал Врангель назначил Лукомского представителем при союзном командовании в Константинополе. Эмигрант.
 26. Деникин Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант Генштаба. Окончил Ловичское реальное училище, военно-училищные курсы при Киевском пехотном юнкерском училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участвовал в русско-японской и первой мировой войнах. В марте 1917 помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего, затем командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. За активную поддержку генерала Корнилова в августе 1917 г. отрешен от должности Временным правительством и заключен в Быховскую тюрьму. В ноябре 1917 прибыл на Дон в Новочеркасск, где принял участие в организации и формировании Добровольческой армии. Участвовал в 1-м и 2-м Кубанских походах. После смерти генерала М. В. Алексеева стал Главнокомандующим Добровольческой армией. 26 декабря 1918 г. после встречи с Донским атаманом генералом Красновым, признавшим необходимость единого командования и согласившимся подчинить Донскую армию генералу Деникину, стал Главкомандующим Вооруженными силами Юга России. После отступления войск ВСЮР осенью 1919 — зимой 1920 генерал Деникин, потрясенный катастрофой во время эвакуации Новороссийска, принял решение созвать Военный совет для того, чтобы был избран новый Главнокомандующий. 22 марта 1920 г. передал командование армией генералу Врангелю. С марта 1920 г. с семьей жил в Англии, Бельгии. В 1926 г. переехал во Францию. В годы второй мировой войны

- оказался на оккупированной немцами территории, отказался от сотрудничества с ними. В декабре 1945 г., будучи в США, выступал с призывами остановить насильственную выдачу русских военнопленных советским властям. Скончался в США от сердечного приступа.
27. Романовский Иван Павлович (1877—1920) — генерал-лейтенант, участник «корниловского дела» в августе 1917 г., участник создания Добровольческой армии. Начальник штаба при Л. Г. Корнилове, затем при А. И. Деникине. После Новороссийской катастрофы эвакуировался в Константинополь, где 5 апреля 1920 г. был убит одним из сотрудников деникинской контрразведки.
28. Марков Сергей Леонидович (1878—1918) — генерал-лейтенант Генштаба. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1915 г. начальник штаба 4-й («Железной») дивизии генерала Деникина на Австрийском фронте. Георгиевский кавалер. Вместе с генералом Деникиным был арестован по «делу Корнилова» и заключен в Быховскую тюрьму. 19 ноября 1917 г. прибыл на Дон и принял участие в создании Добровольческой армии. В 1-м Кубанском походе командовал 1-м офицерским полком, затем 1-й бригадой и 1-й дивизией. Убит в бою у станции Шаблиевка 25 июня, в самом начале 2-го Кубанского похода. Его именем был назван 1-й офицерский полк, развернутый потом в Марковскую дивизию.
29. С первых дней появления на Дону Корнилов требовал полной власти над армией. Алексееву было трудно отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Возникали конфликты. Корнилов обратился к московской делегации Правого центра с требованием письменно заверить, что Совет является только совещательным органом при триумvirате. Требование генерала Корнилова получило подтверждение в этом письме. Обращение Корнилова к Московскому центру объясняется тем обстоятельством, что в то время центр пользовался известным авторитетом. Однако вскоре выяснилось, что это было добросовестным заблуждением. За Московским центром не было ничего.
30. Федоров Михаил Михайлович (1858—1949) — финансист, член партии кадетов. В 1907—1908 гг. редактор газеты «Слово». Товарищ министра торговли и промышленности в правительстве С. Ю. Витте. В период первой мировой войны возглавлял областной комитет Всероссийского союза городов и Земско-городского союза, был членом Центрального Военно-промышленного комитета. В ноябре 1917 г. как представитель московской организации кадетов направлен в Новочеркасск для оказания помощи Добровольческой армии, способствовал ее созданию. Вернувшись в Москву, участвовал в Правом центре и формировании Национального центра, где был председателем. Входил в состав Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР генерале Деникине. Эмигрант. Был одним из организаторов и вице-председателем (1921) Национального комитета. Входил в редакцию издававшегося в Париже журнала «Борьба за Россию». Умер во Франции.
31. Трубецкой Григорий Николаевич — князь, брат С. Н. и Е. Н. Трубецких, дипломат. Долгое время служил начальником Ближневосточного департамента Министерства иностранных дел, был посланником России в Сербии, начальником дипломатической канцелярии Ставки. После Февральской революции помощник П. Н. Милюкова в бытность его министром иностранных дел Временного правительства. После октябрьского переворота участвовал в Белом движении, при А. И. Деникине начальник Управления вероисповеданий, ведавший всеми конфессиями. Входил в состав Особого совещания при Главкоме ВСЮР. В 1920 г. замещал П. Б. Струве в должности начальника Управления иностранных сношений.
32. Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — русский политический деятель, экономист, философ. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 90-е гг. главный представитель российского «легального марксизма». В 1905—1915 член ЦК партии кадетов, лидер ее правого крыла. Депутат II Государственной думы. С августа 1917 член Совета общественных деятелей. Один из идеологов Белого движения. В декабре 1917 избран в Донской гражданский совет. С марта 1918 член Правого центра, с января 1919 — Национального русского комитета, в 1919 г. представлял в Лондоне и Париже интересы Юденича, был связан с Русским политическим совещанием. С сентября 1919 член Совета государственного объединения России. Активно участвовал в «Осваге», редактор белогвардейской газеты «Великая Россия». С апреля 1920 начальник управления иностранных сношений Правительстве Юга России. Эмигрант.
33. Белевский А. С. (псевдоним Белоусов) (1859—1919) — сотрудник «Русских ведомостей», член кадетской партии, член Правого и Национального центров, в Екатеринбурге издавал газету «Отечественные ведомости», председатель комиссии по выборам в Учредительное собрание колчаковского правительства.
34. См. прим. 24.
35. Савинков Борис Викторович (1879—1925) — видный деятель партии эсеров (член с 1903), до 1906 г. один из лидеров ее боевой организации. После Февральской революции товарищ военного министра, затем генерал-губернатор Петрограда. Был комиссаром Юго-Западного фронта. Принимал участие в мятеже Керенского — Краснова. Член Русского политического совещания в Париже, вел в 1919 г. переговоры с правительствами стран Антанты о помощи Добровольческой армии. В 1924 г. после нелегального приезда в СССР арестован, 7 мая 1925 г. в тюрьме покончил жизнь самоубийством (по официальной версии).
36. Мазуренко Николай Николаевич (1838 (1843? — 1918 ?) — журналист, критик. Политический эмигрант с 1860-х гг., постоянный сотрудник изданий А. И. Герцена. Мемуарист. После революции 1905—1907 гг. сторонник манифеста Николая II. В 1918 г. жил в Керчи.
37. Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, член I Государственной думы, председатель Земского союза, член партии кадетов, глава Временного правительства с марта по июль 1917 г. После октябрьского

- переворота переехал в Тюмень, где 28 февраля 1918 г. арестован большевиками и заключен в тюрьму. Бежав из тюрьмы, переехал в Омск. В октябре Временным Сибирским правительством направлен в Америку, затем в Европу, где пытался получить помощь для белых армий. В конце 1918 г. создал в Париже Русское политическое совещание, рабочая группа которого безуспешно претендовала на представительство от имени России на Версальской мирной конференции. В апреле 1920 г. при его участии было открыто Бюро труда в Париже, помогавшее русским беженцам. Умер в Париже.
38. Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — русский публицист, идеолог «экономизма», автор «Кредо». Деятель Союза освобождения. После октябрьского переворота работала в Помголе, поддерживала связи с контрреволюционным подпольем. В 1922 г. выслана за границу.
39. Чайковский Николай Васильевич (1850—1926) — эсер (1904), участник народнического движения 1870-х гг. (кружок «чайковцев»). В 1874 г. уехал в США, в 1879 вернулся в Европу, проживал в Англии. В 1907 г. вернулся в Россию, где был арестован. Через год освобожден под залог. Во время первой мировой войны один из руководителей Всероссийского союза городов. После Февральской революции член партии народных социалистов. После октябрьского переворота член Союза возрождения России. Со 2 августа 1918 г. председатель и управляющий отделом иностранных дел Верховного управления Северной области, в сентябре заочно избран в состав Уфимской Директории. С 28 сентября 1918 председатель и заведующий отделом иностранных дел Временного правительства Северной области. После ликвидации Северного фронта переехал на юг России, где вошел в состав южно-русского правительства. С 1920 г. эмигрант.
40. Муравьев Николай Константинович (1870—1936) — присяжный поверенный, защитник на политических процессах. После Февральской революции председатель «Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий царских должностных лиц». В 1918—1922 председатель Комитета Красного Креста.
41. «Девятка» — одна из первых подпольных буржуазных антибольшевистских организаций в Москве. Один из организаторов — Н. Н. Щепкин.
42. Личность не установлена.
43. Донской гражданский Совет — так называемое Всероссийское правительство, созданное в ноябре 1917 года в Новочеркасске (с конца января 1917 г. находилось в Ростове). Возглавлялся «триумвиратом» — генералами М. В. Алексеевым, А. М. Калединым и Л. Г. Корниловым. Объединял представителей Добровольческой армии и политических партий (кадетов, эсеров и др.). С переездом штаба Добровольческой армии в Ростов в январе 1918 г. фактически прекратил существование.
44. Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — видный политический деятель, историк. Окончил Московский университет (1882). С 1907 г. председатель кадетской партии. Редактор газеты «Речь». Депутат III и IV Государственных дум. Министр иностранных дел в 1-м составе Временного правительства. После октябрьского переворота уехал на Дон, участник Русского совещания 1918 г. С 1920 г. эмигрант, проживал во Франции. Редактор газеты «Последние новости». Лидер Парижской группы партии кадетов (республиканско-демократического объединения).
45. Парамонов Николай Елпифидорович (1878? — 1952) — казак станицы Нижнечирской, окончил университет, крупный ростовский промышленник, миллионер, поддерживал социал-демократическую печать, основал издательство «Донская речь», во время первой мировой войны возглавлял Ростовский военно-промышленный комитет, весной 1918 г. — управляющий Отделом торговли и промышленности Всевеликого войска Донского, с августа 1918 заведовал «Освагом», в январе — феврале 1919 занимал должность управляющего Отделом пропаганды. В 1920 эмигрировал, жил в Германии.
46. Харламов Василий Акимович (1875—1957) — казак станицы Усть-Бысырянской Области войска Донского. Окончил Новочеркасское духовное училище, Донскую духовную семинарию. Московскую духовную академию и историко-филологический факультет Московского университета. С 1904 года работал преподавателем истории на Дону. В 1905 вступил в конституционно-демократическую партию. Избирался депутатом I, II, III, IV Государственных дум, в годы первой мировой войны возглавил Доно-Кубанский комитет Всероссийского земского союза, с февраля по октябрь 1917 комиссар Временного правительства в Закавказье. В 1919—1920 председатель Донского войскового круга. В 1920 эмигрировал, жил в Югославии, затем в Чехословакии, редактировал журнал «Казачий путь», возглавлял Донскую историческую комиссию, в 1944 переехал в Германию, затем в Аргентину.
47. Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии (1917). Из семьи казачьего офицера. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Участник русско-японской и первой мировой войн. В марте—апреле 1917 командовал войсками Петроградского ВО, а в мае—июле — 8-й армией Юго-Западного фронта. С 19 июля по 27 августа Верховный Главнокомандующий Русской армией. Добился введения смертной казни на фронте, полного ограничения деятельности солдатских комитетов. 25 августа по договоренности с Керенским, крупными промышленниками России повел войска на Петроград с целью установления в стране твердой власти. Керенский его предал. Арестован Временным правительством и заключен в тюрьму в г. Быхове. При содействии генерала Н. Н. Духонина 19 ноября выехал на Дон, где вместе с генералом Алексеевым возглавил Добровольческую армию. 13 апреля 1918 убит при штурме Екатеринодара.
48. Богаевский Африкан Петрович (1872—1934) — генерал-лейтенант. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Проходил службу в Петербургском военном округе. Участник первой мировой войны. С октября 1915 до апреля 1917

- начальник штаба Походного атамана всех казачьих войск великого князя Бориса Владимировича. С апреля 1917 начальник Забайкальской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В январе 1918 назначен генералом Калединым командующим войсками Ростовского района. В Добровольческой армии с самого начала. Участник 1-го Кубанского похода, командир партизанского полка, затем 2-й бригады. С мая 1918 председатель Донского правительства. С февраля 1919 избран последним Войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского, вместо Краснова; в январе 1920 назначен генералом Деникиным председателем Южно-Русского правительства. С марта 1920 г. в Крыму. Во время пребывания в Константинополе генерал Богаевский создал Объединенный совет Дона, Кубани и Терека. В октябре 1922 переехал в Белград, а 1923 — в Париж, где активно сотрудничал с руководством РОВСа.
49. От решения вопроса, куда пойдет армия — в Екатеринодар или зимовники, решалась судьба армии. После нескольких совещаний было принято решение идти на Кубань. (Зимовник — становище донских табунов.)
50. Филимонов Александр Петрович (1866—1948) — генерал-лейтенант, с 12 октября 1917 по 10(23) ноября 1919 г. войсковой атаман Кубанского казачьего войска.
51. Эрдели Иван Георгиевич (1870—1939) — генерал от кавалерии, из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в Киевском военном округе. Участник первой мировой войны, участвовал в «корниловском деле». В ноябре 1917 уехал на Дон и принял участие в формировании Добровольческой армии. В «Ледяном» походе командовал Отдельной конной бригадой. С января по март 1918 представитель Добровольческой армии при Кубанском краевом правительстве. В 1920 г. эмигрировал, жил в Париже.
52. Покровский Виктор Леонидович (1889—1922) — генерал-лейтенант, окончил Одесский кадетский корпус и Павловское военное училище. В 1912—1913 гг. учился в Петербургском политехническом институте в классе авиации, в ноябре 1914 окончил Офицерскую воздухоплавательную школу. Участвовал в первой мировой войне. После октябрьского переворота сформировал на Кубани 2-й Добровольческий отряд. После первоначальных успехов был вынужден оставить Екатеринодар 1 марта 1918 г. Кубанской Радой назначен командующим войсками Кубанской области. В Добровольческой армии командовал конной бригадой и дивизией. С ноября 1919 по февраль 1920 командующий Кавказской армией. В апреле 1920 г. эмигрировал в Болгарию. 9 ноября убит террористами в Кюстендиле (Болгария).
53. После октябрьского переворота на Кубани противостояли два центра: Совет, руководимый большевиками, и Временное войсковое правительство, которое ввело в области военное положение и приступило к формированию Добровольческих дружин. В ноябре 1917 г. на сессии Кубанской законодательной Рады вместо Временного войскового правительства было сформировано Кубанское краевое правительство (председатель Л. Л. Быч).
54. Краснов Петр Николаевич (1869—1947) — генерал-лейтенант. Окончил Александровский кадетский корпус и Павловское военное училище. Проявил себя как военный журналист. Сотрудничал в журналах «Военный инвалид», «Разведчик» и др. В русско-японской войне был корреспондентом, однако участвовал в военных действиях и заслужил боевые награды. Участник первой мировой войны. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, командир 3-го Конного корпуса, с которым в конце октября 1917 г. выступил на Петроград. Войска Керенского — Краснова были разбиты, Краснов арестован (затем отпущен). Бежал на Дон, где в мае 1918 г. избран атаманом Войска Донского в разгар общедонского восстания. Генерал Краснов восстановил Донскую армию и к 27 июля 1918 г. освободил от большевиков почти всю Область Войска Донского. Из-за оккупации немцами соседней Украины прогермански настроенный генерал Краснов и назначенный им командующий Донской армией генерал Денисов выступали против единого командования Белыми армиями на Юге России. После событий в Верхне-Донском округе, где в январе 1919 г. несколько казачьих полков отказались сражаться, Большой Войсковой круг на заседании 2 февраля потребовал отставки генерала Денисова и его начальника штаба генерала Полякова. Генерал Краснов расценил это как недоверие и ему и подал в отставку. 6 февраля 1919 г. Краснов выехал в Батум, оттуда в конце года прибыл в Эстонию, чтобы возглавить пропагандистский отдел в армии Юденича. В эмиграции проживал во Франции, где занимался литературным трудом. Во время второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами. 28 мая 1945 г. в городе Лиенце (Австрия) вместе с тысячами казаков и двумя тысячами казачьих офицеров был выдан английским командованием советским оккупационным властям. 16 января 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР казнен.
55. Временное Донское правительство преобразовалось из Совета обороны 21 апреля 1918 г. Общее собрание членов Временного Донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей являлось Кругом спасения Дона, которое собралось в Новочеркасске 28 апреля 1918 г. Войсковым атаманом был избран генерал-майор П. Н. Краснов. С мая 1918 г. председатель правительства — А. П. Богаевский.
56. Хрущев Михаил Филиппович — донской казак, кадет, товарищ министра финансов Временного Донского правительства.
57. Глазенап Петр Владимирович — генерал-майор, из дворян, участвовал в первой мировой войне. В декабре 1917 вступил в Добровольческую армию. В Первом Кубанском («Ледяном») походе командовал конным партизанским отрядом, сформированным из местных донских казаков. С июля 1918 губернатор Ставрополя. Летом 1919 г. был направлен с миссией на северо-запад России к генералу Н. Н. Юденичу, где занял пост генерал-губернатора Северо-Западной области. С 28 ноября 1919 по 22 января 1920 командующий Северо-Западной армией, отошедшей на территорию Эстонии. Затем

- переехал в Польшу и осенью 1920 г. командовал 3-й Русской армией, сформированной из отрядов армии Юденича, а также из казаков и солдат, перешедших из Красной Армии.
58. Новосильцев Леонид Николаевич (1872—1934) — потомственный дворянин, землевладелец. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Александровскую военно-юридическую академию. Служил во 2-й гренадерской и 3-й полевой артиллерийской бригадах, в Московском военно-окружном суде. Был уездным и губернским земским гласным, почетным мировым судьей, одним из организаторов Калужского отделения конституционно-демократической партии, депутат Государственной думы 1-го и 4-го созывов. В период первой мировой войны подполковник, командир 19-й запасной ополченческой батареи. В апреле 1917 г. на I Всероссийском съезде офицеров избран председателем Главного комитета «Союза офицеров армии и флота». Поддержал Корнилова, за что был арестован, содержался в Быховской тюрьме. Впоследствии участник Белого движения. Связной штаба Добровольческой армии с Национальным центром.
59. После октябрьского переворота 1917 г. Астраханский казачий атаман был посажен в тюрьму, где и умер. Князь Тундутов — ротмистр, помощник атамана, бежал на Дон. Деникин писал: «Князь Тундутов — определенный авантюрист, хотя и обладавший весьма посредственным умственным развитием, объявив себя, как известно, астраханским атаманом и стал формировать армию, не без успеха мистифицируя Берлин и Новочеркасск. С падением Краснова и упразднением Астраханского корпуса, части которого пошли на пополнение Вооруженных сил Юга, Тундутов временно остался не у дел. Особым постановлением астраханских казаков князь Тундутов был лишен атаманского звания и, получив 20 тысяч рублей «отступного», вначале примирился с фактом своего низложения. Но вскоре расторг договор с казаками и калмыками и вновь назвался атаманом. Затем пробрался в Баку, спекулируя калмыцким народом в сношениях с азербайджанским правительством и даже Кемаль-паши, добывая себе деньги. В сентябре вернулся в калмыцкие степи и стал поднимать калмыков против вновь избранного атамана Ляхова» (см.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. М. Голос. 1996. С. 100—101). В октябре 1919 г. Деникин выслал Тундутова с Северного Кавказа. После падения Юга Тундутов в качестве «светского и духовного главы калмыцкого народа» мистифицировал Константинополь и Будапешт, окончив свою карьеру переходом в Советскую Россию.
60. Зеелер Владимир Феофилович (1874—1954) — адвокат, председатель Донской организации партии кадетов, с марта по октябрь 1917 назначенный Временным правительством градоначальник Ростова-на-Дону, в 1920 эмигрировал, жил в Париже, был генеральным секретарем Союза русских писателей и журналистов.
61. К.Т.Д.В.: К. — Краснов П. Н., Т. — Тундутов, Д. — личность не установлена, В. — либо а) Веселовский Павел Николаевич (1880? — 1942?) — генерал майор (в 1918 генерал для поручений при военном министерстве гетмана Скоропадского, затем денкинец), либо б) Всеволожский — врач, руководитель прусской военной организации. Член этой организации И. В. Добровольский состоял агентом немецкой контрразведки в отделе разведки в штабе Добровольческой армии в Ростове. После эвакуации добровольцев из Новороссии перешел к большевикам и был в 1923 г. членом дипломатической советской миссии, участвовавшей в разборе дела об убийстве Воровского.
62. Быч Лука Лаврентьевич (1870—1945) — родился в ст. Павловской Кубанской области, окончил юридический факультет Московского университета. С 1900 служил в «Восточном обществе транспорта по Волге и Каспийскому морю», вскоре стал директором Бакинского отделения. В 1912 г. избран бакинским городским главою. После Февральской революции начальник снабжения Кавказской армии. В октябре 1917 вернулся на Кубань и избран первым председателем Кубанского краевого правительства, участвовал в Первом Кубанском («Ледяном») походе Добровольческой армии. В ноябре 1918 г. оставил свой пост из-за разногласий с командованием Добровольческой армии. В начале 1919 г. Краевая Рада назначила его главой делегации на Версальских мирных переговорах. В Россию не вернулся. С 1922 г. жил в Чехословакии.
63. Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — крупный помещик, один из лидеров октябристов, член Государственного совета. В 1911—1917 гг. председатель III и IV Государственных дум. 27 февраля 1917 г. возглавил Временный комитет Государственной думы. В августе поддерживал Корнилова, а затем отрекся от его «дела». В дни октябрьского переворота пытался организовать защиту Временного правительства, затем перебрался на Дон, пытался оказывать политическое влияние на командование Добровольческой армии, однако успеха не имел. В 1920 г. эмигрировал. Жил в Югославии.
64. Видимо, речь идет о В. А. Лебедеве — министре торговли и промышленности Добровольческой армии.
65. Ряснянский Сергей Николаевич (1886—1976) — полковник Генштаба. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус и Елизаветградское кавалерийское училище. В 1912 г. поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но через два года, в связи с началом первой мировой войны, вернулся в свой Гусарский Ингерманландский полк. В 1915 г. переведен в Генеральный штаб. В 1917 в разведывательном отделе штаба генерал-квартирмейстера Верховного Главнокомандующего. Остался верным генералу Корнилову в августе 1917 и вместе с ним был заключен в Быховскую тюрьму. В ноябре 1917 г. прибыл на Дон. Участвовал в формировании Добровольческой армии и ее 1-м и 2-м Кубанских походах. В конце 1918 г. полковник в разведывательном отделе штаба Добровольческой армии. В Крыму в армии генерала Врангеля командовал бригадой во время боев в Северной Таврии. После

- эвакуации Русской армии из Крыма был назначен в Галлиполи командиром 4-го кавалерийского полка. Переехав в Королевство сербов, хорватов и словенцев, служил в пограничной страже, а затем был преподавателем военных наук в Николаевском кавалерийском училище (1922—1923). После второй мировой войны переехал в Бельгию. Был помощником руководителя РОВСа генерала Архангельского. Будучи в США, издавал «Вестник российского зарубежного воинства». Скончался в Нью-Йорке.
66. Кусонский Павел Алексеевич (1880—1941) — генерал-лейтенант Генштаба. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник первой мировой войны. В ноябре 1917 полковник Кусонский был послан генералом Духониним в Быхов, с тем чтобы предупредить генерала Корнилова и его сторонников о приближении большевиков. Вслед за Корниловым уехал в Добровольческую армию. В июне 1918 назначен генералом для поручений при командующем Добровольческой армией. В армии генерала Врангеля и. д. начальника гарнизона Симферополя. После эвакуации из Крыма назначен помощником начальника штаба Главнокомандующего Русской армией. В 1922 г. переехал в Париж, где находился в распоряжении начальника РОВСа генерала Кутепова, а затем Миллера. В 1938 г. переехал в Бельгию, где работал переводчиком, одновременно помогая руководителю РОВСа генералу Архангельскому. В июне 1941 г. был арестован гестапо и интернирован в концлагерь Брейндонк, в августе скончался от жестоких побоев. Похоронен в Брюсселе.
67. Речь идет о Скоропадском Павле Петровиче (1873—1945) — генерал-лейтенанте (1916). Из дворян, крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний. Окончил Пажеский корпус (1893). Участник первой мировой войны. В октябре 1917 года на съезде «вольного казачества» в Чигирине назначен главой военных формирований Центральной Рады. В ходе австро-германской оккупации Украины 29 апреля 1918 г. на «съезде хлеборобов» в Киеве избран гетманом Украины, провозгласил создание «Украинской державы». После падения своего режима 14 декабря 1918 г. бежал в Германию.
68. Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) — русский политический деятель, монархист. Один из лидеров правого крыла II—IV Государственных дум, член Временного комитета Государственной думы. Один из организаторов борьбы против советской власти. Создатель и руководитель информационно-разведывательной организации «Азбука». Белоэмигрант. В 1944 г. был арестован советской контрразведкой в Югославии и до 1956 г. находился во Владимирской тюрьме. После освобождения — жил во Владимирской области.
69. Кутепов Александр Павлович (1882—1930) — генерал от инфантерии, родился в Череповце Новгородской губернии в семье лесничего, окончил гимназию в Архангельске и С.-Петербургское пехотное юнкерское училище. Участвовал в русско-японской войне. За боевые отличия был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, в котором в чине капитана начал первую мировую войну, был трижды ранен. С 1917 г. командир лейб-гвардии Преображенского полка. С декабря 1917 в Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в ходе которого командовал Корниловским полком. С января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса Кавказской Добровольческой армии, в июле произведен в генерал-лейтенанты. После эвакуации из Новороссийска в Крым командовал 1-м армейским корпусом, затем армией. В ноябре эвакуировался в Турцию, организовал жизнь Русской армии в Галлиполи. Затем жил в Болгарии. В 1922 г. был из нее выслан. В РОВСе руководил разведывательно-диверсионной деятельностью против СССР. После смерти Врангеля стал председателем РОВСа. 26 января 1930 г. похищен агентами ОГПУ в Париже. Обстоятельства смерти не выяснены.
70. Дроздовский Михаил Гордеевич (1881—1919) — генерал-майор Генштаба. Окончил Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Участник русско-японской и первой мировой войн. В конце декабря 1917 г. в Яссах, на Румынском фронте, по его инициативе началось формирование 1-й отдельной бригады русских добровольцев. Вопреки приказу штаба Румынского фронта о прекращении подобных формирований, отряд русских добровольцев в составе около 1 тысячи человек под командованием полковника Дроздовского выступил 26 февраля 1918 г. из Ясс на Дон для соединения с Добровольческой армией генерала Корнилова. Пройдя походным порядком из Румынии до Ростова, отряд Дроздовского 21 апреля помог казакам, восставшим против красных, удержать Новочеркасск. Отряд Дроздовского, переименованный в 3-ю пехотную дивизию, участвовал в боях 2-го Кубанского похода, в результате которого Кубань и весь Северный Кавказ были освобождены от большевиков. 31 октября 1918 генерал Дроздовский в Ставрополе был ранен ружейной пулей и 1 января 1919 умер в госпитале от заражения крови.
71. Эльснер Евгений Феликсович (1867—1930) — генерал-лейтенант Генштаба. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в первой мировой войне — начальник снабжения Юго-Западного фронта. Поддержал генерала Корнилова. Был в Быховской тюрьме. В декабре 1917 г. бежал на Дон, где стал одним из организаторов Добровольческой армии. В январе 1918 г. назначен начальником снабжения Добровольческой армии. В этом качестве выступил в «Ледяной» поход, где был также начальником обоза — боеприпасами и санитарного транспорта с ранеными. С июня 1918 по февраль 1919 полномочный представитель Добровольческой армии при Донском атамане генерале Краснове. После избрания атаманом генерала Богаевского вернулся в отдел снабжения штаба ВСЮР. Тяжело заболел в марте 1920 г., эвакуировался в Сербию.
72. Речь идет о Казановиче Борисе Ильиче (1871—1943) — генерал-лейтенанте Генштаба. Окончил Московскую классическую гимназию,

- Московское юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участник русско-японской и первой мировой войн. В Добровольческой армии с самого начала (близкий друг генерала Корнилова, вместе служили в Туркестане). В 1-й Кубанский поход пошел рядовым, участвовал во всех атаках Партизанского полка. Участвовал с полком в штурме Екатеринодара в конце марта 1918. С мая 1918 до конца июня в секретной миссии в Москве по поручению генералов Алексеева и Деникина. После возвращения из Москвы назначен начальником 1-й пехотной дивизии, с которой участвовал во всех боях во время 2-го Кубанского похода. После поражения Белого движения эмигрировал, жил в Югославии, занимался изучением истории гражданской войны. Кроме Казановича, за деньгами были посланы в Вологду, где в это время находились дипломатические представительства союзников, А. А. Ладыженский, полковник Новосильцев, ротмистр Шапрон. В итоге «Национальный центр» передал генералу Алексееву около 10 млн рублей, т. е. полутора-двухмесячное содержание армии. Это была первая и единственная денежная помощь союзников Добровольческой армии в 1918 г.
73. В конце августа 1917 г. генерал М. В. Алексеев получил от Верховного Главнокомандующего Керенского предложение принять пост начальника штаба главковерха, т. е. занять ту должность, которую генерал Алексеев исполнял при Николае II. Эта роль для генерала Алексеева была унижительна и мучительна, но в целях бескровного разрешения конфликта между Корниловым и Керенским он принял этот пост. Генерал Алексеев немедленно остановил направленные Керенским войска для ареста Корнилова и его сторонников. Поместил Корнилова в Быховскую тюрьму под охрану текинцев, которые боготворили Лавра Георгиевича (он был текинец по матери). И другое важное решение принял генерал Алексеев в эти дни. Он пытался завершить главную часть корниловского плана, а именно ввести в столицу надежные не распропагандированные казачьи полки в качестве опоры правительства. Во исполнение приказа генерала Алексеева генерал Краснов, командир 3-го казачьего корпуса, выдвинул его к Петербургу. Петросовет опротестовал это выдвигание, его поддержал штаб Северного фронта (главнокомандующий В. А. Черемисов, начальник штаба М. Д. Бонч-Бруевич), и казаки были отведены из пригородов Петрограда. Уже к началу октября у Краснова осталось всего около 700 сабель. Именно эти казаки в октябре 1917 г. дошли до Пулковских высот.
74. Эпический поход — речь идет о Первом Кубанском («Ледяном») походе, длившемся 80 дней, в течение которых было проведено 44 дня в тяжелых боях с большевиками. Этот поход показал поучительные примеры тактических действий небольшого числа войск в районах с разветвленной сетью железных дорог и с многочисленными бронепоездами на этих дорогах. И только высокая организованность, дисциплина личного состава Добровольческой армии, умелое руководство ею со стороны командования позволили совершить ей трудный поход с Дона на Кубань и обратно, где к этому времени создалась благоприятная обстановка для Добровольческого движения в связи с волной казачьих волнений против большевиков.
75. Добрыньский — личность не установлена.
76. Всеволожский, Веселовский — см. прим. 61.
77. Бачинский — личность не установлена.
78. Шапрон дю Ларре Алексей Генрихович (1883—1947) — генерал-майор. Окончил Симбирский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В составе лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка вышел на фронт первой мировой войны. Осенью 1917 г. сблизился с М. В. Алексеевым, который весной приступил к созданию «Алексеевской организации» — предшественницы Добровольческой армии. Став, добровольно, адъютантом бывшего Верховного Главнокомандующего, ротмистр Шапрон дю Ларре вечером 25 октября (7 ноября) устроил рискованный отъезд генерала Алексеева на Дон. Участвовал в 1-м и 2-м Кубанских походах, выполнял самые ответственные поручения. С сентября 1918 г. адъютант Главнокомандующего Добровольческой армии, а затем ВСЮР генерала Деникина. 22 марта (4 апреля) 1920 г. выехал из Феодосии в Константинополь с генералом Деникиным, сдавшим командование армией генералу Врангелю. Вместе с женой (дочерью генерала Л. Г. Корнилова) проживал сначала в Англии, затем в Бельгии.
79. Лопуховской — личность не установлена.
80. Сидорин Владимир Ильич (1882—1939) — генерал-лейтенант, из потомственных дворян, казак ст. Есауловской Области Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в русско-японской, первой мировой войнах. Окончил офицерскую школу воздухоплателей, где получил летную подготовку. В декабре 1917 — январе 1918 начальник штаба командующего войсками Северного фронта походного атамана Донского казачьего войска генерала А. М. Назарова. Участвовал в «Степном походе» по Сальским степям, с апреля начальник штаба Донской армии. В мае отказался служить под началом атамана П. Н. Краснова, вышел в отставку. В феврале 1919 г. назначен Деникиным командующим Донской армией и произведен в генерал-лейтенанты. В Крыму был назначен командиром Донского корпуса, формировавшегося из остатков Донской армии, эвакуировавшейся из Новороссийска. В апреле смещен с этой должности генералом Врангелем под надуманным предлогом пропаганды среди казаков «соглашательства с большевиками» и вместе с начальником штаба генералом А. К. Кельчевским отдан под суд. В мае 1920 г. приговоренный судом к разжалованию и каторжным работам, но помилованный Врангелем выехал за границу.
81. Грузинов А. Е. — подполковник (затем полковник), с 10 марта по 1 мая 1917 г. был командующим войсками Московского военного округа.
82. Национальный центр — нелегально создан в мае—июне 1918 г. в Москве. Объединял вышедших из Правого центра просоюзнически настроенных лидеров и активистов конституционно-демократической партии, представителей торгово-промышленных кругов

- и православной церкви. В сентябре правление переехало в Киев, затем в Одессу, а в ноябре в Екатеринодар. Местные организации существовали во многих городах, как на территории, занятой большевиками, так и на территориях белых. Национальный центр стремился играть руководящую роль в организации борьбы против большевиков, ориентировался на помощь стран Антанты и США. Считал долгом выполнить союзнические договоры. На юге России члены Национального центра вошли в Особое совещание, составив его левое, либеральное крыло. С окончанием гражданской войны Национальный центр прекратил существование.
83. Речь идет о дочери Бориса Ильича Казановича — Е. Б. Ковернской, которая несколько раз ездила в Москву и привозила деньги.
84. Кривошеин Александр Васильевич (1857—1921) — русский государственный и политический деятель. Ближайший сотрудник П. А. Столыпина по осуществлению аграрной реформы. Член Государственного совета с 1906 г. Один из организаторов Московского центра. В октябре 1918 г. бежал в Киев, выступил одним из создателей монархического «Совета государственного объединения России». Член русской делегации на совещании в Яссах. С конца 1919 главный начальник управления снабжением Правительства при Главнокомандующем ВСЮР Деникине. В апреле 1920 назначен помощником правителя и главнокомандующим ВСЮР Врангеля. Эмигрант.
85. Гурко Василий Иосифович (1864—1937) — генерал-лейтенант, сын генерал-фельдмаршала И. В. Гурко (Ромейко-Гурко). Окончил классическую гимназию, Пажеский корпус. Николаевскую академию Генерального штаба. В 1899—1900 гг., во время англо-бурской войны, состоял военным агентом при войсках буров. Участвовал в русско-японской войне. В 1906—1911 председатель военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Участвовал в первой мировой войне, командовал дивизией, корпусом, армией. С октября 1916 по февраль 1917 исполнял обязанности начальника штаба Верховного Главнокомандующего. После Февральской революции Главнокомандующий армиями Западного фронта. В конце мая 1917 г. понижен в должности до начальника дивизии (за несогласие с военной политикой Временного правительства). В сентябре 1917 г. по распоряжению Временного правительства выслан через Архангельск за границу. В 1919 не принял предложение представителей английского военного командования возглавить Белое движение на Севере и Северо-Западе России, считая условия неприемлемыми, ставившими его в слишком большую зависимость от Великобритании. Жил в Италии, занимался организацией помощи военным инвалидам. Скончался в Риме. Автор воспоминаний, опубликованных в Лондоне.
86. Мирбах Вильгельм (1871—1918) — граф, германский дипломат, с апреля 1918 г. посол в Москве при правительстве РСФСР. Убит левым эсером Я. Г. Блюмкиным 6 июля 1918 г.
87. Оболенский Владимир Андреевич (1869—1950) — князь, окончил Петербургский университет. Был дружен с А. Н. Потресовым, П. Б. Струве. Продолжил образование в Берлинском университете. Земский статистик в Смоленске, Пскове, Орле. Член партии кадетов со времени ее образования. Член I Государственной думы, подписал Выборгское воззвание, призывавшее к гражданскому неповиновению. С 1910 г. член ЦК партии кадетов, принадлежал к радикальному ее крылу. В 1916—1917 председатель Петроградского комитета Союза городов. К Февральской революции отнесся настороженно. Решительный и принципиальный противник октябрьского переворота. Осуществлял связь партии кадетов с партией эсеров. 15 декабря уехал в Крым, где продолжил борьбу против советской власти. Председатель Земской управы Таврической губернии при правительстве Деникина. С ноября 1920 в эмиграции.
88. Видимо, речь идет о Ладыженском А. А. (1886—1976), бывшем в августе 1917 г. доверенным лицом Л. Г. Корнилова и А. С. Лукомского, в годы гражданской войны — связным Добровольческой армии и Национального центра, сыне Ладыженского А. А., октябриста, депутата Государственной думы 3-го и 4-го созывов от Тверской губернии, члена Продовольственной комиссии.
89. Астров Николай Иванович (1868—1934) — окончил юридический факультет Московского университета. В 1894 г. был избран Московским столичным мировым судьей. Член ЦК партии кадетов. Был одним из организаторов Всероссийского союза городов. В 1916 г. избран на должность московского городского головы, в 1917 член Учредительного собрания. Член «Союза возрождения». По соглашению Национального центра с «Союзом возрождения» назначен кандидатом в члены «Директории», от вступления в «Директорию» отказался. Член Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. В марте 1920 эвакуировался из Новоросийска, жил в Праге.
90. Стогов Николай Николаевич (1873—1959) — генерал-лейтенант Генштаба. Окончил Николаевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Из училища вышел в лейб-гвардии Волынский полк. По Генеральному штабу служил в Варшавском военном округе. Участвовал в первой мировой войне. В конце 1917 г. начальник штаба, затем командующий Юго-Западным фронтом. В январе 1918 г. вернулся с фронта в Москву, поступил в Красную Армию и с мая по август 1918 г. был начальником Всероссийского главного штаба. В то же время с ведома генерала Алексеева активно участвовал в подпольной деятельности Национального центра под общим руководством Н. Н. Щепкина (внука знаменитого артиста). Руководил военной организацией Национального центра и вместе с полковником В. В. Ступиным возглавлял Добровольческую армию Московского района. В начале осени 1919 г. во время ареста руководителей Национального центра покинул Москву и в ноябре 1919 с большим риском перешел линию фронта и явился к генералу Деникину. В Ростове был назначен начальником по созданию укреплённой позиции в районе Ростова. В 1920 г. эмигрировал с армией Врангеля. За границей жил в Сербии, затем в Париже. Сотрудничал с великим князем Николаем Николаевичем. После смерти

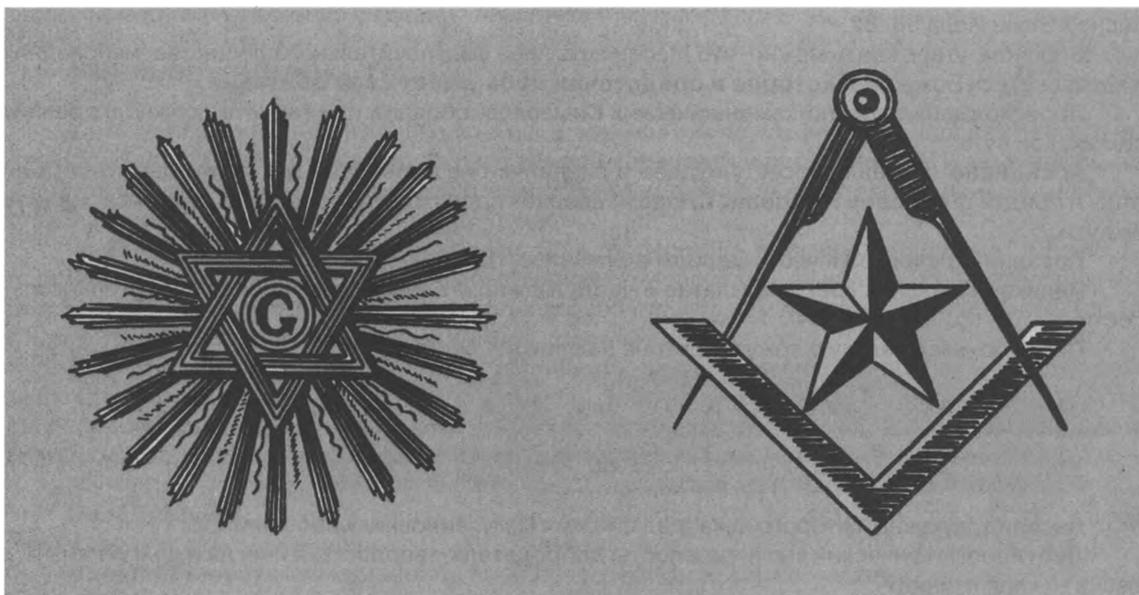
- Врангеля стал председателем РОВСа.
91. Архангельский Алексей Петрович (1872—1959) — генерал-лейтенант Генштаба. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1898). После академии служил в Варшавском военном округе. С 1901 служил в Генеральном штабе. В мае 1917 назначен начальником Главного штаба, на этой должности был и после прихода большевиков к власти. В то же время возглавлял Управление по командному составу в Главном штабе, который в мае 1918 был переименован во Всероссийский Главный штаб. Занимая эти ответственные должности, поддерживал подпольные связи с Национальным центром в Москве, всемерно способствуя отправлению многочисленных партий офицеров в Добровольческую армию. Спас многих офицеров и генералов от арестов ЧК. После ареста, а затем бегства своего ближайшего сотрудника начальника Всероссийского главштаба генерала Н. Н. Стогова генерал Архангельский, воспользовавшись фальшивыми документами, бежал на юг. В феврале 1919 прибыл в Екатеринодар в штаб Добровольческой армии. По своему собственному настоянию генерал Архангельский был предан военно-полевому суду, который не только оправдал его, но и высоко оценил его заслуги перед Белым движением. После эвакуации из Крыма генерал Архангельский был назначен начальником отделения личного состава штаба Главнокомандующего и оставался на этой должности в Константинополе, в Сербии до 1926 г. В 1927 с генералом Врангелем переехал в Бельгию, где много лет работал служащим в транспортной конторе. После похищения генерала Е. К. Миллера принял пост начальника РОВСа, ему удалось восстановить духовное и организационное состояние РОВСа после измены генерала Скоблина. Автор ряда статей в журналах «Часовой», «Русский инвалид» и др.
92. Хростицкий Анатолий Владимирович — генерал-лейтенант Генерального штаба, начальник штаба гренадерского корпуса. За отличие награжден орденом Станислава 1-й ст. и св. Георгия 4-й ст. Участник первой мировой войны.
93. Малинин Владимир Федорович — московский домовладелец, бывший член Московской городской управы, заместитель Казановича в Москве. Хростицкий и Малинин работали на Добровольческую армию — посылали донесения о всем происходящем в городе на Дон, отправляли офицеров в армию и т. д.
94. Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров, член ЦК. После Февральской революции вошел в состав Петроградского Совета, министр земледелия во Временном правительстве (май — август 1917). 5 января 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. С 1920 эмигрант. В годы второй мировой войны принимал участие во французском движении Сопротивления.
95. Зарудный Александр Сергеевич (1863—1934) — окончил Училище правоведения, в 1901 перешел в адвокатуру, выступал в ряде крупных политических процессов: «ЦК Крестьянского союза», «Лейтенанта Шмидта», Бейлиса. В 1905 судим по делу о забастовках. После февраля 1917 от Партии народных социалистов вошел во Временное правительство в качестве товарища министра юстиции. С 24 июля министр юстиции. Поддерживал дружеские отношения со многими кадетами и непримиримо относился к большевикам. После октябрьских событий отошел от партии народных социалистов, работал в советских организациях.
96. Аргунов Андрей Александрович (1866—1939) — принимал активное участие в деятельности партии эсеров, начал издание «Революционной России». В Учредительное собрание избран по соединенному списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов Смоленской губернии. Один из инициаторов «Союза возрождения». В Самарский Комуч не вступил. Во время Омского переворота был арестован и выслан из Сибири, находился на территории Вооруженных сил Юга России, оттуда был выслан генералом Деникиным. В эмиграции жил в Праге.
97. Огановский Николай Петрович (1874—1938?) — родился в семье офицера Генерального штаба. Учился в Киевском кадетском корпусе, окончил Петербургский университет. В 1906 г. в Саратове редактор-издатель газет народнического направления «Голос деревни» и «Народный листок», дважды привлекался к суду. Выступал с критикой реформ П. А. Столыпина. В годы первой мировой войны «оборонец». Приветствовал Февральскую революцию 1917 г. С апреля занимался подготовкой земельной реформы и разработкой неотложных мер для разрешения земельного вопроса Учредительным собранием. На I съезде Трудовой народно-социалистической партии выступил с проектом аграрной программы. Октябрьскую революцию не принял. С декабря работал в аграрной комиссии фракции эсеров по выработке основных положений земельного законопроекта. Весной 1918 работал в Московском органе эсеров — газете «Земля и Воля», читал лекции по аграрным проблемам в Московском университете. Летом перебрался в Поволжье, где сотрудничал с Комучем. После колчаковского переворота отошел от политической деятельности. С 1921 г. сотрудничал с большевиками в решении аграрного вопроса, преподавал в МГУ. В марте 1931 г. Коллегией ОГПУ приговорен к 5 годам лишения свободы, в 1933 на оставшийся срок выслан в Башкирию.
98. Михаил Александрович, великий князь (1878—1918) — младший сын императора Александра III, брат императора Николая II. В 1899—1904 наследник престола. Свиты Его Императорского Величества генерал-майор, член Государственного совета. В 1912—1915 гг. личность, дела и имущество Михаила Александровича находились под опекой ввиду того, что он тайно обвенчался с Натальей Сергеевной Вульферт (впоследствии Брасовой). В годы первой мировой войны командовал Кавказской туземной («дикой») дивизией, 2-м кавалерийским корпусом. После отречения Николая II от престола великий князь Михаил Александрович также отказался быть российским императором, о чем объявил в манифесте. Расстрелян большевиками в Перми.
99. Трескин Л. Н. — один из активных организаторов сопротивления большевикам в октябрьские дни 1917 г. в Москве.

100. Астраханская армия, сформированная с июня 1918 г. на Дону правительством Астраханского казачьего войска из астраханских казаков и калмыков, позже была переименована в Астраханский корпус, который действовал к востоку от реки Маныч и на царицынском направлении. 30 сентября (13 октября) был включен генералом П. Н. Красновым в состав Особой Южной армии.
101. Лейхтенбергский Н. Н. (?—1937) — герцог, атаман Зимовой станицы Войска Донского при Дворе императора Вильгельма. 5 июля 1918 г. поехал в Берлин с письмом от атамана Краснова, в котором были выражены взгляды Краснова на отношения с Германией. (Зимовая станица — посольство атамана Донского казачьего войска при главе иностранного государства.)
102. Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927) — князь, из дворянской, семьи, восходящей к Рюриковичам. Окончил 1-ю Московскую гимназию и физико-математический факультет Московского университета. Один из основателей «Союза Освобождения» (1904) и кадетской партии. После февраля 1917 сближается с Союзом офицеров армии и флота в целях установления военной диктатуры. В дни июльского кризиса настаивал на уходе кадетов из правительства и требовал установления твердой власти. Во время октябрьских событий в Москве все дни проводил в штабе Московского ВО, участвуя в организации борьбы против установления советской власти. С февраля 1918 г. целиком отдался белой идее, находился на нелегальном положении. Весной стал членом, а позже председателем Национального центра. 10 октября перебрался на юг, работал в «Осваге». С 1920 г. в эмиграции. Тяготился оторванностью от родины. Дважды переходил границу, желая лично убедиться, могут ли эмигранты рассчитывать на поддержку на родине. Во второй раз был арестован, пробыв в России 40 дней, сидел в Харьковской тюрьме, «в ответ на убийство П. Л. Войкова в Варшаве» расстрелян. Его называли «рыцарем без страха и упрека», а сам он обладал силой морального влияния своей личности. Милуков называл его «кристально чистым человеком».
103. Гучков Александр Иванович (1862—1936) — крупный капиталист, организатор и лидер партии октябристов. С марта 1910 по март 1911 председатель III Государственной думы. Во время первой мировой войны председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. После февраля военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Участвовал в организации корниловского «дела» в августе 1917. После октябрьского переворота — противник советской власти. В 1919 г. был отправлен командованием ВСЮР во главе специальной миссии в Париж для военных переговоров об оказании помощи белым армиям. В эмиграции жил в Германии, Франции.
104. Кистяковский Игорь Александрович (1876—1940) — юрист, присяжный поверенный. В феврале 1918 возглавлял конспиративную связь с военными кругами в подполье, представитель Добровольческой армии в Москве. После перехода некоторых агентов М. В. Алексеева на сторону большевиков был вынужден бежать на Украину. С конца 1918 министр внутренних дел в правительстве П. П. Скоропадского, уволившего его в отставку. С 1921 жил в эмиграции в Париже.
105. Пильц Александр Иванович (1870—?) — землевладелец, действительный статский советник. С 1910 моголевский губернатор, с 14 февраля 1916 товарищ министра внутренних дел в правительстве генерал-губернатора. Участник Белого движения. В 1918 гражданский губернатор Одессы. Член Особого совещания при А. И. Деникине. Входил в состав правительства при П. Н. Врангеле, председатель комитета государственного призрения.
106. Эйхгорн фон Герман (1848—1918) — германский генерал-фельдмаршал (1917). В 1917 — начале 1918 командующий группой германской армии в Прибалтике и Белоруссии, с конца марта 1918 — группой армий «Киев», оккупировавшей Украину и Юг России. Один из наиболее жестоких военачальников германских интервентов. 30 июля убит в Киеве Б. Донским по решению партии левых эсеров.

Публикация кандидата исторических наук Любови ПАВЛИКОВОЙ

«Ложка показывает изображение мира...»

Из мифологии и ритуала вольных каменщиков

Для ордена вольных каменщиков всегда имели огромное значение традиции, предание, преемственность, определение собственных исторических и идейных корней. В масонских «зашифрованных» идеях и ритуалах видно слияние строгих правил тайного политического общества и эзотерических учений религиозной секты. И в то же время предания ордена легендарны, очень литературны, поэтичны, это именно **художественные** произведения, целая мифология, требующая немалых познаний и строго исторического, научного подхода. За ними ощутимы образы Библии, античного неоплатонизма, гностических книг, древнеиудейской Каббалы, восточных эзотерических учений, средневековой алхимии и мистики. Масонская тайная «архива», собиравшаяся и хранившаяся столетиями, состоит из множества рукописных копий нескольких основных орденовских документов с

описаниями ритуалов (устав, правила ученической и мастерской ложи, степени и градусы, траурная ложка, гимны, трактаты, оды, речи мастеров и риторов, алхимические рецепты и т. п.). В сущности, все эти тексты известны в тех или иных редакциях и вариантах и давно опубликованы. Но есть рукописи уникальные, очень редко встречающиеся. Мы впервые публикуем здесь один такой документ XVIII столетия, содержащий масонские предания о происхождении ордена вольных каменщиков и интересные описания и толкования символов, «сокровищ» и ритуалов ложи. Это именно поэтическая легенда, самобытное художественное произведение с богатой и сложной символикой и образностью, характерный образец мифологии ордена. Автограф хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (Ф. 5. Т. 134. Л. 1—19).

ИЗЪЯСНЕНИЕ

при учреждении вольнокаменщического общества, которое купно есть духовно и светско, взирали наипаче на первое познание БОГА, Естества и на благоудное ему служение

Сие то была **первая степень**, на которой вольнокаменщичество основано. Наши мастера возмнили за благо. Чего ради и положили краеугольный камень в лоне Богопочитанию или религии.

Вторая степень вольно-каменщичества основывается на сем периоде **Храм Иерусалимский**, показывает принятие в **товарищи**.

В то время как Моисей приказал сделать сень законную и Соломон предпринял соиздание храма во Иерусалиме, избрали они из народа мужей, истинною верою просвещенных, исполненных мудрости и благочестивого ревнования и способных совершить сии дела Богоудные. Оные избранные наши предки явились тогда свету аки архитекторы или каменщики.

Имя «Масон» происходит от... Масонство происходит от... есть в середине неба, или от... небесной Знак. Иова 38. 32.

Впрочем, утверждать можно, что Масон есть член Богопочительного общества, исповедник и чествователь Божества, **которое в средоточии неба имеет свое обитание**.

Происхождение вольно-каменщических Символов, обрядов или таинств должно в древних сектах, кои суть:

Ассидиане составляли секту иудеев и разделяли на праведных и милосердых. Они были отцы и предки **фарисеев** и **ессеан**. Слово «Ессеане» происходит от сирского слова Asa, **цель** недуги.

Праздник греческой в честь Цереры в Елевзисе, городе аттическом.

Великой Праздник греков в Платее в честь Юпитеру Елевфериусу, или покровителю вольности.

Пифагор имел великую ложу в Кротоне в великой Греции.

А	В	Р	А	=	А	Σ
1	2	100	1	60	1	200

Василид, духовный второго века, дал сие имя Богу, виновнику 365 дней.

Дуб гиероглифический значит крепость, добродетель, твердость, а иногда и долгую жизнь... viscus — клей птичий.

Ложа, открываемая ново принимаемому, показывает **изображение мира**, в котором мы чудесами Естества влечемся к рассуждению о Его великом начале и к почитанию сего начала ради его великих дел. Чрез сие же самое преклоняемся и к деланию нравственных и общественных добродетелей, кои человеческому роду, яко служителям великого строителя мира, приличествуют, по образу которого мы в начале сотворены были.

Всякая часть сделанных богослужительных учреждений Моисеем доказывала подражание и изображение системы Мира. Он, разделя на 3 части... имевшую 30 локот величины, из коих в две части позволил он входить всем священникам, означил чрез то МОРЕ и ЗЕМЛЮ: ибо по ним вся ходить может. Но третью часть назначил он токмо Богу; ибо человеки на небо взойти не могут. Оно им не есть приступно.

Солнце в ложе значит силу, Благодать, всеприсутствие и вечность Божию.

Солнце и Луна принимаются в ложе за эмблемы великого Света истины, который первым человеком открыт был. Совокупно вольно-каменщики чрез то означают, что они освобождены суть от тьмы, сделались сынами света и обожателями подавшего свет делам своим.

Каменщики полагают свою духовную Ложу в долине Иосафата и означают чрез то: главные положения Каменщичества производятся от познания Бога и основываются на суде Господнем. Слово ИОСАФАТ сие значит.

В древние времена для богослужения избирались места уединенные, яко: священные рощи и холмы, и принимаемы были вещи, яснее прочих Бытие Бога доказующие.

В повреждении же и невежестве последовавших времен осквернены сии священные места идолопоклонством. Непросвещенный разум принял образ за существо самое и не мог различать света от тьмы. Священные рощи и холмы сделались предметами изумленного благочестия и суеверия; благочестующие и молящиеся поклонялись дубовому дереву и начертанному образу Солнца, почитая их божественными. Некоторые сохранились целы от повреждения времен. Сих муд-

рых и избранных мужей, коим свет разума и истины дан был и кои соблюли его не оскверненна грехами мира, находим мы под именем **волхвов** у персов, под именем мудрых **прорекателей** и **Астрологов** у халдеев; под именем **философов** у греков и римлян, **Браминов** у Индиан; **Друидов** и **Бардов** у Бриттян. А у избранного народа Божия просиял СОЛОМОН в полности человеческой премудрости.

Мастер всякой ложи должен основывать свое правление на согласии и всеобщей любви. Ибо как великий Архитектор руководствует перстом своим систему миров и касается сфер гармонически, так и мы должны быть исполнены радости и руководствоваться от Гармонии <i>и</i> от Закона по непреложной системе.

Каменщик, сидящий в ложе и присвояющий себе символы яко знаки своего состояния, должен тотчас мысли свои возвышать к высочайшему явлению, кое в подражание токмо есть в ложе. Он должен памятовать, что он является аки сочлен великого храма мира, дабы повиноваться законам Могушественного ГОСПОДА всех вещей.

Истинно верующие, дабы отличиться от прочих человек, а особливо от идолопоклонников, приняли эмблемы и таинственные знаки с некоторыми отличительными положениями, чрез что они друг друга познавали и показывали, что они суть служители Бога. Сим образом защитили они свою веру от поношения и гонения неверных.

Украшения Ложи

Как Соломон в Иерусалиме все сосуды и орудия, кои по законам его народа требовались для служения ЖЕНОВА, в иудейский храм приказал принести и поставить, так и каменщики, аки работники нравственных должностей и аки служители великого Архитектора вселенныя, представили очам.

ФРОНЕСИС есть образ благоразумия. Он есть первый и высочайший предмет в Ложе. Он поставлен в средоточие, дабы всегда был присутствующим оку каменщика; ибо благоразумие есть правило добродетелей. Оно нас ведет к достойным делам и просвещает, подобно **БЛИСТАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЕ**, во всех печальных и темных ходах сея жизни.

ДОБРОДЕТЕЛЬ от нравоучителей определяется чрез постоянное намерение и твердую волю делать то, что яко наилучшее и спасительнейшее, от Естества нам повелевается; чрез навык, или способность души, чрез который человеки склонны суть делать то, что справедливо и добро есть: кратко сказать, добродетель состоит в нравственной правости и в добрых основаниях.

Мужество полагает человека в состояние, посреде самых зол, делать то, что...

Воздержание состоит в умеренности и обуздании наших страстей и склонностей, а особливо в трезвости и целомудрии.

Справедливость научает делать всем право и отдавать каждому свое.

ФРОНЕСИС представляет еще ту звезду, которая волхвов вела в Иерусалим, провозвещающая рождение **СЫНА БОЖИЯ**; здесь же она направляет наше духовное шествие к виновнику избавления и спасения.

Поелику ступания или ступени человек, бываю и производятся в разных и неизвестных случаях и приключениях жизни; поелику наши дни смешаны с особливым противоречием приключений; поелику наше прохождение чрез сию бытность хотя иногда сопровождается счастливыми обстоятельствами, однако часто удерживается множеством зол: для того ложа украшена **мозаическим полом**, дабы нам напоминать о известности нашего состояния на земле. Сегодня идут наши ноги по счастью, завтра идем мы, колебаясь на неровных стезях слабости, искушения и противности. Сия Эмблема научает нас ничем не величаться, соблезновать тем, кои суть несчастны, помогать им и шествовать прямо и в смиреннии; ибо сие наше бытие не имеет никакого места, где б гордость могла ступить надежно: в рождении и во гробе все человеки суть подобны.

Как непосредственного вождя для каменщика имеет ложа непрменные правила, по коим он свое поведение учреждать должен. КНИГА его закона лежит пред ним, дабы он не сказал, что заблуждает<ся> по неведению. Что великий Архитектор мира повелел человекам: напри<м>, образ, как ЕМУ служить человек должен, и путь, по коему надлежит шествовать, дабы снискать Божие благоволение; какие он древле дал заповеди, какие открыл законы мудрым: все сие верно заключается в книге закона вольнокаменничества. Сия книга, никогда в ложе не закровенна пребывающая, открывает должности, требуемые от нас Великим Мастером. Она всякому оку открыта, всякому разуму понятна.

Поелику же погрешность и удобосокрушенность человеческого естества всегда спорит с истиною, и слабости человека противоборствуют его добродетелям, то мастер держит **циркуль**, дабы помогать каждому каменщику в его шествии или житии, и начертывает им и означает отдаление, поступление и окружие работы. Он предписывает образ и способ, показывает путь к первому

изображению, предначертывает каждую часть работы и определяет каждому свой округ действий и свое состояние. Его Мастерство есть таково, что каждая часть, порознь рассуждаемая, кажется беспорядочна и безобразна, но все вместе взятые и сложенные связуются и зависят одна от другой так, как здание храма во Иерусалиме, и соделаны в истинной соразмерности, красоте и порядке.

Нравственное значение есть Циркуль, Вел<икий> Мастер сидит в своей ложе и предписывает для ее правильности спасительные законы, которые вдыхает ему его благоразумие, он назначает каждому брату собственное ему окружение, ограничивает скорость и быстроту некоторых, воспрещает и удерживает неосторожность других; угнетает все неистовства, устранения от пути, пианство, несогласие, злость, ненависть и ссору и производит братскую любовь, нравственность, соболезнование, благотворение, бодрость и невинную радость, дабы собрание братии было порядочно, было гармония и любовь.

Для испытания работ каждого каменщика находится ПРЯМОУГОЛЬНИК, аки искус жизни. Он показывает правильным и единообразным его нравы. Ибо каменщики должны быть единого чина и единого основания, без отличия, делаемого гордостью и великолепием, в знак, что мысли каменщиков от нижнего до высшего должны клониться к делам добрым и что никакой человек своим счастьем не возвышен над другим.

Как златые светильники в моисеевой представляли совокупно эмблематически ДУХ БОЖИЙ, которым просвещался его избранный народ, и пророчески, Церковь; или, по Иосифу, оные светильники изображали планеты и могущественные слова Божии, так и наши три свечи показывают три великие степени каменщичествова: Познание и почитание БОГА Естества в чистоте Едема, службу под Моисеевым законом, не причастную идолопоклонства, — и христианское откровение; или, иным образом, наши свечи суть эмблемы свят<ой> ТРОИЦЫ.

Огонь был всеобщая Эмблема Божества у восточных народов.

Ефирный огонь с великим благоговением сохранился во храме иудейском и в скинии свидения.

Драгоценности каменщик<ов>

Каменщики носят белое платье, яко образ, означающий чистоту душевную, невинность и невредимость.

Древние надевали обыкновенно на крестившегося белое платье, означая, что он прихоти плотские отложил, очистился от прежних своих грехов и обязался вести жизнь непорочную, чего ради крещенные и назывались от греческих церковных Отцов просвещенными.

Запон значит склонность к невинности и одежду добродетели.

Каждая степень греха действует на разумную душу человека некоторыми чувствованиями собственного своего о грехе неблаговоления и неудовольствия. Кто может при таком чувствовании призывать присутствие Божества, которое открывается во благих делах токмо? Чего ради естественно человек приводится на мысли, что таковому Божеству благоугодны суть единственно дела добрые. Тако обязались служители первого явившего БОГА учениями чистоты и добродетели, желая благоволения небесного. Мы же яко каменщики наблюдаем основания сих первых чествователей истинного БОГА, подражаем их платью и носим на себе знак НЕВИННОСТИ.

Наши ДРАГОЦЕННОСТИ или украшения знаменуют, что мы испытываем наши склонности справедливостию и наши деяния истинною, яко прямоугольник испытывает работу художника, что мы наше смертное состояние, почтенно ли оно или не почтено титлами, бедно ли оно или богато, почитаем за равноестественное в его начале и за равночинное при конце его. В чувствованиях, страстях, приятностях, слабостях, болезнях и нуждах все человеки суть равны и подобны между собою. Естество не дало нам высшего чину, его подает токмо премудрость и добродетель. По сим-то положениям ценим мы нашего Брата, когда его несчастья и злоключения требуют нашего совета или помощи. Дела любви проистекают от сострастных чувствований, и благотворение деет по правилу. — Эмблема сих чувствований есть вторая драгоценность нашего общества.

Каменщик совершает свою должность к БОГУ, к обществу, и к частной жизни, и к свету так, как Архитектор созидает свои столпы по отвесу и оскордом.

Храм Иерусалимский

Первые почитатели БОГА Естества на востоке представляли Божество под образом Солнца и Луны, ради влияния сих небесных сил на землю. Они научили, что вселенная есть Храм, где Божество всегда и всюду есть присутствующе. — Сии Символы приняли они яко осторожный образ сохранять или изъяснять познание о Боге. После око незнающего и суеверного мечтателя возвысилось к сим предметам, но возвысилось без света разума. Отсюда вы<ве>дено образо-

служение, и кумиры обожаться стали от почитателей их, которые притом не возводили мыслей своих к самому первоначальному существу или к подлиннику.

Моисей, стяжавший познание Египтян, вывел истинны учения из справедливых оснований восточных народов. Он одарен был божественным влиянием и чрез то постиг самый свет из тьмы. Он учил народ Израильский служить истинному БОГУ без гаданий и пороков идолопоклонного народа.

Сия была вторая Эпоха почитания БОГА Естества.

В последовании времен создал Соломон храм во Иерусалиме. Сей храм восприял второй род служителей истинного БОГА, и в нем были искушаемы в своих работах истинные **ТОВАРИЩИ**.

В предхрамии храма Соломонова поставлены были два столпа. Один из них на правой руке назывался **Jachin**, а другой на левой — **Boas**.

Столпы иobelisks воздвигать было обыкновение страны восточныя, а особливо в Египте. Они служили памятниками достоприлагательных приключений. Соломон последовал сему обыкновению и поставил столпы. Они должныствовали быть памятником Иудеям при входе в святое место, дабы сердца свои распалить надеянием и верою, вспоминая обещания, которые БОГ изрек Давиду: **Я утвержду Престол твоего Царства над Израилем вечно**. 1. Кн. Царст. IX.

БОАС значит: **в тебе моя крепость**; ИАКИН: **он будет стоять**. Чрез естественное предложение отсюда выходит: **О ГОСПОДИ! Ты еси могуществен, и твое могущество продолжится от века до века**. Или оное значит, поелику **Боас был отец Давиду: дом Давидов пребудет вечно**.

В память сего великого обещания верным каменщики украшают вход в их ложи сими эмблематическими столпами; ибо знают они, что сие святое изречение исполнилось пришествием СПАСИТЕЛЯ.

Г показывает Геометрию. Она есть для художников такая наука, по которой все их работы исчисляемы и образуемы бывают; для каменщиков же содержит она определение, изъяснение и доказательство порядка, красоты и чудныя премудрости Божественного могущества при сотворении.

Степень Мастеров

Чрез степень **учеников** означается первое познание Бога Естества. Чрез **Товарищей** показывает послание Моисея и храм Иерусалимский Иудеев купно со светом, который человеки из откровения Божественной премудрости, чрез Геометрические решения получили.

Под Иудейским законом служба БОГУ церемониями и употреблением, кои посредством подражания соседственным язычникам ежедневно вкрадывались, потемнена и помрачена соделалась. Как нравы Иудейского народа повредились, то и гражданское правосудие поколебалось на своем престоле. — Возобновления подкопали святыя предписания, и последовало оттуда безначалие. Тотчас престала сила Иудеев, и язычники восторжествовали в ИЕРУСАЛИМЕ.

Бог, видя повреждение, коему человеческий род подвергся, подвижен был своею благостию спасти нас. Он узрел, что сделанное им откровение своего Божества, могущества, величества и премудрости Иудейским коленам не довольно было удержать их в должности. Он положил слабость человеков на весы, держимые его правосудием, и наполнил их недостатки и погрешности благодатию своею. Египтяне употребили во зло ученость и премудрость; Иудеи осквернили Божественные повеления и законы; и грех воздвигл свое господство в городах земли всяя.

Благочестие, воздвигнувши Храм Иерусалимский, прогнано. Должное подобострастие и поклонение Божеству в грязь света было попрано. Гонение рассеяло тех немногих, кои сохранили свою покорность, и имя истинного БОГА было почти между человеками потеряно и забыто. Религия сидела во Израили, печалаяся в полотне и пепеле, и нравственность была разнесена четьрьма ветрами воздуха.

В сем состоянии можно было сказать, что вождь к небу потерян и наказатель к делам правды умерщвлен. Народы предались грубому идолопоклонству. Соломон упал, и служба истинного БОГА исчезла из памяти тех, кои отдалися господству греха.

Дабы человек спасти от сего жалостного состояния тьмы и повреждения и поелику ветхий Закон мертв соделался и истлел, то нужны были новые предписания, новое учение, чтоб подать ключ к спасению, дабы мы посредством их ухо оскорбленного Божества тронули и надежду к вечности возымели. Истинная религия устранилась. Искавшие ее в премудрости древних не могли оную воздвигнуть; она уходила от их искания. Их нечистые руки напрасно распростирились к восстановлению оныя. Искавшие ее посредством ветхого Закона нашлись обмануты; ибо смерть к

тому привнишла и повреждение обезобразило объятие. Грех стопы их оградил, и пороки мира их поглотили.

Великий Отец всех вещей, сожалея о бедности мира, послал своего едиnorodного Сына, который был самая невинность, дабы проповедывать учение спасения. Сим образом человек возвышался от смерти греха к жизни правды, от гроба тления к храминам надежды, от мрака отчаяния к небесным лучам веры. И не токмо произвел он сие [спасение] избавление, но издал с нами союз возрождения, чрез которое мы есмь чада Божества и наследники небесного царствия.

Мы, каменщики, описуем жалостное состояние религии под Иудейским Законом фигурными выражениями: «Она лежала погребенна под развалинами и нечистотою, которые из храма извержены были; и ветвь акации была на ея гробе». Акация значит незлобие, или удаление от греха, и показывает, что грехи и повреждение древнего Закона и служителей Иудейского жертвенника сокрывали религию от тех, кои ея искали, что она находится, где НЕЗЛОБИЕ или НЕВИННОСТЬ сохраняется, и что может обрестися под знамением Божественного Агнца. Наше исповедание действует, что мы нашею Акакиєю должствуем отличать себя, и в нашей благочестивой вере и основаниях.

Получение учения о избавлении изображает в типических письменах Hiramem (...мы нашли). И чрез отношение сего слова каменщикам показывается, что мы обрели познание БОГА и Его спасения и что избавление от смерти греха и от гроба [Воскресения] осквернения и неправды получимо.

Каменщик, вступающий в сию степень Каменщичества, произносит собственный свой приговор, яко признание о несовершенстве вторья степени и яко доказательство высокого степени, на который он взойти тщится, в сем слове <...> я уготовляю мое погребение: я делаю мой гроб в нечистотах земли; я есмь под тению смерти.

Итак каменщицьи Мастер представляет мужа, находящегося в христианском учении, избавленного от гроба неправды и возвышенного к вере спасения.

В свидетельстве, что мы от состояния поврежденного востали, но сим емблему святяя ТРОИЦЫ, аки знак нашего обета и происхождения Мастерской степени. Сия емблема объявляется от Геометров яко доказательство ТРОИЦЫ в ЕДИНСТВЕ.

При получении сего знака делает каменщик признание в кратком изречении на греческом языке, коего литерально значение есть: ЧРЕЗМЕРНО ЖЕЛАЮ ЖИЗНИ. То есть вечная жизни избавления и возрождения.

Мастер каменщик возлагает на себя должность, исполненную нравственных добродетели и христианския любви, делая себе правилом Братскую любовь, которую всяк своему Ближнему оказывать должен.

Тайна каменщиков

Многие собрания каменщиков несумнительно были прежде Христианской Эпохи. 1-я степень каменщичества сделалась в преранние времена, имела свой источник в духе Адамовом, нисходила чиста чрез времена пред потопом, преподаема потом была Хамом, истекла от него под повреждением человеков, не осквернена и не растленна от идолопоклонства, на времена наши, каналом некоторых немногих СЫНОВ ИСТИНЫ, кои пребыли неприкосновенны грехам народов, и сохранила нам чистые и ясные основания купно с первоначальными Символами. Сии древние, просвещенные первобытною истиною, рассеялись по многим государствам и областям, они приглашены к Иудейскому народу, и некоторые из них сопряглись с сим народом. МУДРЫЕ служили в созидании Моисеевой скинии Завета, сделали взаимные обязательства при сооружении Иерусалимского храма и оттуда чаятельно предприяли странствие в дальние земли, дабы там иметь смотрение над благочестивыми делами. Нынешние каменщикам известные церемонии доказывают, что знаки и приметы Мастерской степени уже во время христианства сделались.

Как же 2-я степень и ея обряды, по создании храма во Иерусалиме, известна зделалась, о том нет показаний.

Наше нравоучение вышло из Пифагорова училища, и система религии Василида снабдила нас положениями, основаниями и гиероглифами.

Каменщичество ныне состоит в том, чтоб питать человеческую и братскую любовь.

Об оклеветании стихотворец его Шакеспар говорит тако.

Человек, похищающий мои деньги, похищает малость, они были мои, теперь они суть его и будут служить еще премногим. Но тот, кто похищает у меня доброе имя, похищает у меня то, что его не обогащает и делает подлинно бедным.

Наши употребления относят не к Архитектуре, но суть Емблематические и обозначают моральные, духовные и богопочитательные употребления.

Наша древность состоит в наших основаниях, правилах, языке, учености и религии. Мы все сие производим из рая, от Патриархов и от мудрых земли восточныя. Все сие получает большее совершенство под христианским руководством. Наш свет и наши учения проистекают от начала времени, но наши нравы и употребления получают свое происхождение от разных времен рая, строения Храма Иерусалимского и христианского откровения.

Образ, по коему ложа наша построена, есть образ вселенныя. Первый в нея вход каменщика показывает первое почитание истинного БОГА. Принятые [паки] нами Египетские Емблемы Солнца и Луны изображают всемогущество Божие, вечность, всеприсутствие и всеблагость.

Мы чрез то показываем, что есмы чада света и что первое основание нашея системы есть познание и почитание ВСЕМОГУЩЕГО, который престол свой имеет посреде небес.

Наш великий праздник совершаем мы в день святого ИОАННА, посреде лета. Мы, следственно, празднуем в то время года, когда солнце стоит на величайшей своей высоте и в середине произрастительной своей силы. Солнце есть великая Емблема всемогущества Божественного.

Украшение ложи суть такие Емблемы, кои возбуждают нас к добродетели и благим делам. **БЛАГОРАЗУМИЕ** блистает в средоточии, или, принимая сию Емблему относительно к святейшим основаниям, оно представляет блистающую звезду, которая волхвов привела в Вифлием и провозвестила присутствие сына Божия. Она стоит пред нашими очами для того, дабы мы помнили совершать дела блаженства, кое близ есть.

Дабы же в делах наших поступать должным образом и с величайшею бодростию, то **Мозаический пол** показывает нам разнородную различность и непостоянство вещей человеческих; ибо не должны мы пригвождать своего сердца к вещам сего мира, но собирать наши сокровища там, где ржа не повреждает их сияния, ни тля тлит их.

Чтоб нас защитить и подкрепить в естественных слабостях и привести на стезю должности; то лежит в ложе **КНИГА ИСТИННОГО ПОЗНАНИЯ**.

ПРЯМОУГОЛЬНИКОМ должны мы измерять честность и согласие нашего поведения.

Наши драгоценности суть емблемы доброго поведения, добродетельного нрава, который украшает жизнь человеческую.

Различие второго рода Богопочитателей ответствует второму степени каменщичества. Оно сделалось **под Моисеевым законом**, когда истина обнажалась и свободилась <от> заблуждений идолопоклонства.

Геометрия в нашей ложе есть знание, чрез которое человеческому роду открыты и показаны великие силы Божия.

Наша ложа посвящена молчанию; чего ради можем мы в фигурном смысле сказать: «Она лежит в тайных местах, где петел не держит стражи, куда не досязает голос распри, где не слышится вопль и неукротимый гнев жен».

Состояние Богослужения, когда повредился дом Израилев и явились недостатки в ветхом Законе, требовало примирителя или ходатая за человека на Земли. В падении, суеверии <в> обрядовом законе Иудейского Храма лежало сокровенно истинное Богослужение, и невинность была токмо украшением его памятника. Бог возрел благоутробным оком на жалкое состояние человека, послал к нам вождя и посредника, который принес нам учение возрождения и воздвиг нас от гроба греха. Он научил нас Богоугодному служению, чрез которое бы мы ЕГО ОТЦУ приятны были. Он совершил примирительную жертву и показал человекам воскресение тела и жизнь вечную.

Мастерской степень изображает все сие учение, и христианская жизнь представляется нам чрез Емблемы.

Мы, каменщики, исповедуем, что есмы странствователи и путешественники от востока.

Бог насадил рай на востоке и положил в нем совершенство человеческого Естества, первого человека, исполненного невинности и божественного познания, чести и украшенного Божиим образом.

Ученость возымела по потопе первое свое шествие от востока. Египтяне изобразили сперва Еклиптику, открыли первые премудрость строителя вселенныя в обращении небес, научили первее Знанию Геометрии.

Учение нашего СПАСИТЕЛЯ и христианское откровение проистекло от востока.

Звезда, провозвестившая сына Божия, явилась на востоке.

Слово **восток** употребляли пророки, показуя чрез то СПАСИТЕЛЯ.

«Помогите дочери поэта»

При просмотре документов генерала П. Н. Врангеля, поступивших в Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ныне Центральный государственный архив Российской Федерации) в 1938 г. из Института литературы АН СССР, обратило на себя внимание небольшое письмо, в конце которого были строки: «Если есть возможность — помогите последней в живых дочери бессмертного поэта». Письмо датировано 23/10 июня 1918 г. и адресовано матери генерала баронессе Марии Дмитриевне Врангель. Его автор — Александра Арапова. Трудно представить, но речь шла о старшей из детей А. С. Пушкина, его дочери Марии Александровне (по мужу Гартунг), той самой Марии Александровне, которая запомнилась изысканной красавицей, чью внешность запечатлел Л. Н. Толстой в облике Анны Карениной. Теперь ей было 87 лет. Она пережила обоих братьев Александра и Григория и младшую

сестру Наталью. Как известно, детей у нее не было.

В конце 1917 г. М. А. Гартунг приехала из Москвы в Петроград к своей сводной сестре Александре Петровне Араповой, дочери Н. Н. Пушкиной и генерала П. П. Ланского, с которой она была особенно дружна. В этот период жизнь М. А. Гартунг предельно осложнилась. Она оказалась без средств к существованию, фактически без крыши над головой. Состояние ее здоровья резко ухудшилось. А. П. Арапова была лишена возможности оказать ей скорейшую и серьезную помощь. Полная искренней и неподдельной тревоги за судьбу сестры, А. П. Арапова написала письмо М. Д. Врангель. Обращение за помощью к баронессе Врангель не было случайным. А. П. Арапова, как и многие другие, знала о знакомстве Марии Дмитриевны с неперменным секретарем императорской Академии наук Сергеем Федоровичем Ольденбургом, о ее тесных связях с Пушкинским домом, куда М. Д. Врангель после смерти в 1915 г. старшего сына Николая Николаевича, известного литератора и коллекционера, сдала его собрание документов.

Без сомнения, М. Д. Врангель передала просьбу А. П. Араповой С. Ф. Ольденбургу. Помощь М. А. Гартунг была оказана. Уже в Москве М. А. Гартунг, как известно, обратилась к А. В. Луначарскому. Вскоре правительством ей была назначена персональная пенсия и единовременное пособие в 2400 рублей. Думается, свою роль в этом деле сыграло личное вмешательство С. Ф. Ольденбурга, но дни М. А. Гартунг были уже сочтены. Первая выплата пенсии не застала ее в живых. 7 марта 1919 г. М. А. Гартунг умерла. Деньги были истрачены на похороны, которые состоялись на кладбище Донского монастыря.

Хотя публикуемый документ не дает исчерпывающих ответов на многие вопросы о последнем периоде жизни старшей дочери А. С. Пушкина, тем не менее он, несомненно, добавляет новые сведения к уже известным, знакомящим нас с судьбой одного из потомков великого русского поэта.

*Александра Арапова,
в девичестве Ланская.*

Дорогая баронесса!

Простите великодушно что, так мало знакомая с Вами, я решаюсь прибегнуть к Вашему посредничеству, по чувству утопающего, ищущего кругом себя спасательную соломинку. Сын мой, который передаст Вам эти строки, объяснит все обстоятельно.

Меня угнетает внезапное горе и непосильная забота о моей несчастной сестре. С моего отъезда в Гатчину, когда мы расстались, у нее объявилось нервное расстройство, порожденное волнениями и переживаемыми страхами на 87-м году. В меблированных комнатах «Continental» ее больше не хотят держать. В моей новой квартире такой хаос, что постель негде поставить и положение ее может только ухудшиться. На предложение сына переехать сюда к нам, она упорно отказывается, заявляя, что требует, чтобы семья ее оставила в покое жить по-своему. Вы хороши с администрацией Пушкинского дома. Может быть у кого-нибудь есть связи с правительством, и Вы с Вашей энергией и отзывчивым сердцем уговорите их принять участие в горькой судьбе ее и хоть временно найти ей приют в каком-либо санатории. Они так переполнены, что частным лицам этого невозможно достичь. Сама я не в силах приехать в город, так как после этих тревожных известий у меня возобновились сердечные припадки и я чувствую себя очень нехорошо.

Если есть возможность — помогите последней в живых дочери бессмертного поэта.

Еще раз извиняюсь за дерзновенный призыв и прошу верить моему глубокому искреннему уважению.

Преданная Вам Александра Арапова

Гатчина 23 июня 1918.

Проспект Павла I, 34.

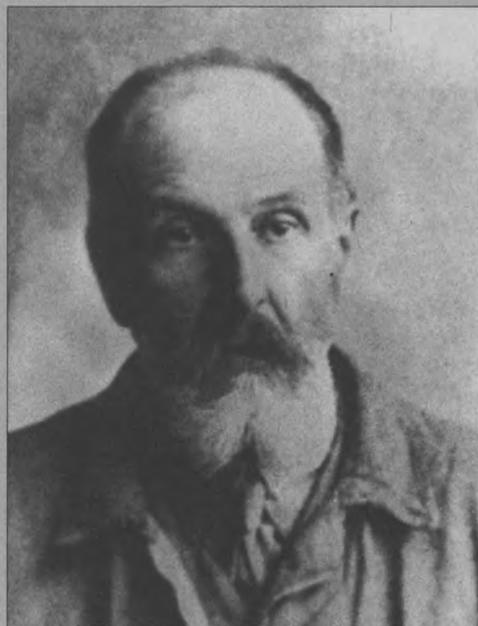
ГАРФ. Ф. 9431. Оп. 1. Д. 317. Л. 39—40.

«Не будет уклоняться от ответственности»

Письма в защиту репрессированных

Журнал «Источник» продолжает традиционную рубрику — письма в защиту репрессированных.

Предлагаем вниманию читателей новые материалы из Центрального архива ФСБ.

Марк Маркович Любоцинский.

Наталья Марковна Любоцинская.

№ 1

А. Е. Любоцинская¹ — в ОГПУ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Муж мой Марк Маркович Любоцинский², арестованный орденом ОГПУ 5 апреля за № 2818 и ныне содержащийся за ОГПУ в Бутырской тюрьме, имеет от роду 59 лет и перенес ряд тяжелых болезней (нервный удар, ишиас и т. д.), от которых лечился у многих пользующихся выдающейся известностью врачей; медицинским осмотром и прилагаемым медицинским свидетельством может быть установлено, что ввиду преклонного возраста и сильно расстроенного здоровья он нуждается в самом заботливом специальном уходе и внимательном лечении на дому. Отсутствие этих условий пагубно отражается на его здоровье и продолжение содержания его под стражей разрушит его здоровье окончательно. Поэтому прошу изменить принятую против него меру пресечения, заменив содержание под стражей поручительством. По первому требованию власти муж мой всегда явится и ни в малейшей степени не будет уклоняться от ответственности, если за что-

либо должен отвечать. Поручительство в явке его по первому требованию могут представить следующие ответственные советские работники.

А. Любощинская

Удостоверяю готовность мою отвечать за явку Марка Марковича Любощинского по первому требованию.

Председатель Техн[ического] Эконом[ического] Совещ[ания]
«ГОМЗы» [Государственное объединение машиностроительных заводов]
Павел Егорович Старицкий³

Подпись руки граждан А. Е. Любощинской и П. Е. Старицкого удостоверяю
Заведующий домом № 15 по Zubовскому бульвару

Д. Коновалов

1924 года, 3 мая.

Удостоверяю готовность мою отвечать за явку Марка Марковича Любощинского по первому требованию.

Сотрудник Гос[ударственного] Института Муз[ыкальной] Науки (ГИМНа) и Академии Худож[ественных] наук, член «Кубу» [Комиссии по улучшению быта ученых]
Сергей Львович Толстой⁴, адр[ес] Б. Левшинский, 15.

Подпись руки гражданина С. Л. Толстого удостоверяю.
Заведующий домом [подпись неразборчива].

1924 г. 5 мая.

ЦА ФСБ РФ. Следственное дело № Р-45510. Л. 36.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Любощинская (урожд. Старицкая) Анна Егоровна (1865—1930) — сестра жены В. И. Вернадского — Наталии Егоровны.
2. Любощинский Марк Маркович (1864—1945) — внук Н. И. Пирогова. Окончил юридический факультет Петербургского университета, сельскохозяйственные курсы И. А. Стебута (1894), слушал курс в Институте практического семеноводства и полеводства И. Шмидта в Эрфурте (1895—1896). Служил в 1-м департаменте Сената, после выхода в отставку в 1893 жил в имении сына в Тамбовской губернии. В течение 12 лет возглавлял Козловское общество сельского хозяйства. На протяжении 15 лет научный сотрудник Козловской опытной станции. В 1912 переселился в Москву, занимался управлением делами частных лиц и организаций административно-хозяйственного надзора за постройкой жилых домов. После 1917 неоднократно арестовывался и высылался (Тобольск, Пермь). 4 апреля 1924 г. арестован вместе с дочерью Наталией Марковной. Обвинялся в причастности к «контрреволюционной организации», возглавляемой музейным работником А. М. Фокиным, сношении с иностранными миссиями и участия в нелегальных кружках контрреволюционного характера. Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 6 июня 1924 года на основании ст. 61 УК РСФСР Любощинский выслан через

- ПП ОГПУ на Урал сроком на 2 года. Постановлением того же органа от 11 декабря 1925 г. лишен права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, означенных губерниях и пограничных губерниях, сроком на 2 года. С 1926 завхоз Сапропелевой станции Комиссии по изучению естественных производительных сил АН СССР в Залучье (бывшее имение Н. С. Таганцева). В 1930-е гг. жил у детей в Чехословакии. Вернулся в СССР. Похоронен на Введенском кладбище. Любощинским принадлежали в Москве два дома, в одном из которых в течение многих лет жили Шаховские, Кокошкины, Бакунины, Новгородцевы, Булгаковы, Старицкие, Вернадские и другие друзья и родственники хозяев. На основании ст. ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» М. М. Любощинский в 1996 г. реабилитирован.
3. Старицкий Павел Егорович (1862—1942) — брат жены М. М. Любощинского, инженер. Семьи Любощинских и Старицких поддерживали дружественные отношения с Марией Николаевной, Ольгой Константиновной и Сергеем Львовичем Толстыми, князем Михаилом Владимировичем Голицыным и его сыном Владимиром Михайловичем, князем Сергеем Николаевичем Трубецким, Софьей Григорьевной и Игорем Ильинскими, Михаилом Михайловичем Ипполитовым-Ивановым, Софьей Германовной Грум-Гржимайло.

4. Толстой Сергей Львович (псевдоним С. Бродинский) (1863—1947) — старший сын Л. Н. Толстого, окончил физико-математический факультет Московского университета, служил в Крестьянском банке в Туле и Санкт-Петербурге (1887—1890), в 1906—1908 и 1917 гласный Московской городской думы, после революции занимал должности сотрудника музыкального отдела

Наркомпроса, Государственного института музыкальной науки (ГИМНа) и Академии художественных наук, член «Кубу» (Комиссии по улучшению быта ученых), с 1928 преподаватель Московской консерватории, в 1943 — в день 80-летия — награжден орденом Трудового Красного Знамени, один из организаторов музея Л. Н. Толстого, редактор ПСС (юбилейного) Толстого.

№ 2

А. Е. Любоцинская — в ОГПУ

ЗАЯВЛЕНИЕ

5 апреля 1924 г. по ордеру за № 2818 арестован мой муж Марк Маркович Любоцинский. До сего времени он содержится под стражей и находится ныне в Бутырской тюрьме, коридор 17, камера 78.

Ему 59 лет, он перенес очень тяжелые болезни, подвергся нервному удару, и дальнейшее содержание его под стражей может оказаться для него бесповоротно пагубным.

Ввиду опасного состояния здоровья и преклонного возраста моего мужа я прошу освободить его из-под стражи под благонадежное поручительство, подвергнув его медицинскому освидетельствованию.

Согласие на участие в освидетельствовании состояния моего мужа выразил профессор Ф. А. Гетье. Медицинское свидетельство о состоянии здоровья моего мужа при сем прилагается.

А. Любоцинская

Полную ответственность за явку Марка Марковича Любоцинского по первому требованию принимаю на себя.

Председатель Техничко-Экономического Совещ[ания] «ГОМЗы»

Павел Егорович Старицкий

8 мая 1924 г. (адрес: Zubovskiy bulvar, 15, kv. 28)

Полную ответственность за явку Марка Марковича Любоцинского по первому требованию принимаю на себя.

Сотрудник Гос[ударственного] Института Музык[альной] Науки (ГИМНа) и Академии Художественных наук, член «Кубу»

Сергей Львович Толстой

8 мая 1924. Адр[ес] Б. Левшинский, 15.

Там же. Л. 39.

№ 3

М. М. Ипполитов-Иванов¹, Л. М. Цейтлин², А. И. Ямпольский³, В. И. Садовников⁴, К. Н. Игумнов⁵ — в ОГПУ.

Наталья Марковна Любоцинская, поступив в 1918 г. в Московскую консерваторию, всецело посвятила себя музыке. Одновременно с занятиями в консерватории по классу скрипки она начала играть в оркестрах. С 1920 г. по 1923 г. играла в качестве первой и второй скрипки в симфоническом оркестре Оперной Студии имени Станиславского. Для развития способной молодой скрипачки имело большое значение постоянное руководство профессоров консерватории, осмысливающих и углубляющих приобретаемый ею с каждым годом музыкальный опыт. Высылка из Москвы в июне 1924 г. оторвала Н[аталью] М[арковну] от академических музыкальных связей, ей пришлось всецело отдаться практической музыкальной деятельности — в Тобольске она поступила в городской театр скрипачкой — солисткой, с переездом в Пермь с мая 1925 г. играла в симфоническом оркестре при местном городском театре, а весь зимний сезон 25—26 г. прослужила в оперном оркестре в качестве первой скрипки. В настоящее время Н[аталья] М[арковна] переехала в город Тверь.

Длительная оркестровая игра, прохождение ряда опер и других произведений серьезной музыки принесли Н[аталье] М[арковне] существенную пользу, но тем является большая необходимость для ее дальнейшего совершенствования в поступлении снова под непосредственное руководство опытного преподавателя. По своей квалификации Н[аталья] М[арковна] стоит много

выше провинциального уровня, и соответствующую школу она может найти только в одном из центров музыкального образования.

Ввиду того, что музыкальная работа Н[атальи] М[арковны] началась в Москве, является наиболее целесообразным продолжать ее музыкальное образование под руководством своих прежних профессоров. Нижеподписавшиеся берут на себя смелость ходатайствовать перед надлежющими властями о возвращении в Москву Н. М. Любоцинской, талантливой молодой скрипачки, которая бесспорно отдает все свои силы любимому делу, являющемуся для нее так же и в настоящем, и в будущем единственным источником существования.

Заслуженный артист Республики
Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов

Профессор Моск[овской] Госуд[арственной] консерватории
Л. Цейтлин

Профессор Моск[овской] Госуд[арственной] консерватории
А. Ямпольский

Профессор Моск[овской] Госуд[арственной] консерватории
В. Садовников

Профессор Моск[овской] Госуд[арственной] консерватории
К. Игумнов

Там же. Л. 101.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ипполитов-Иванов (наст. фамилия Иванов) Михаил Михайлович (1859—1935) — советский композитор и дирижер, народный артист Республики (1922). В 1899—1906 дирижер Московской частной русской оперы и оперного театра Зимина, с 1925 — Большого театра. Профессор (с 1893), ректор (в 1905—1922) Московской консерватории.
2. Цейтлин Лев Моисеевич (1881—1952) — советский скрипач, заслуженный деятель искусств РСФСР (1927), доктор искусствоведения (1941). Один из основоположников советской скрипичной школы. Профессор Московской консерватории (с 1920).
3. Ямпольский Абрам Ильич (1890—1956) — советский скрипач, заслуженный деятель искусств РСФСР (1937), доктор искусствоведения (1940), создатель одной из крупнейших советских скрипичных школ. Профессор Московской консерватории (с 1926).
4. Садовников Виктор Иванович (1886—1964) — певец (тенор), преподаватель, дирижер и композитор. В 1922—1930 гг. профессор Московской консерватории (классы ансамбля, хор, оперный класс). В 1918—1923 гг. солист и дирижер Оперной студии Большого театра, руководимой К. С. Станиславским. В 1921—1928 гг. дирижер и художественный руководитель Московского оперно-симфонического коллектива.
5. Игумнов Константин Николаевич (1873—1948) — советский пианист, народный артист СССР (1946), доктор искусствоведения (1940), создатель одной из советских пианистических школ. Профессор Московской консерватории (с 1899, в 1924—1929 ректор).
6. Любоцинская (в замужестве Мостовая) Наталья Марковна (1901—1997) — дочь М. М. Любоцинского, скрипачка. Постановлением особого совещания при коллегии ОГПУ от 6 июня 1924 г. на основании ст. 61 УК РСФСР была выслана через ПП ОГПУ на Урал сроком на 2 года. Постановлением того же органа от 11 декабря 1925 г. лишена права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, означенных губерниях и пограничных губерниях, сроком на 2 года. На основании ст. ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» Н. М. Любоцинская в 1996 г. реабилитирована.

№ 4

В. И. Вернадский¹ — Г. М. Кржижановскому²
6 мая 1930

Глубокоуважаемый Глеб Максимилианович,

Решаюсь беспокоить Вас личным делом. Помогите, если можете. На семью дорогих и близких нам людей, на дочь покойной сестры моей жены, на нашу племянницу Марию Марковну Фокину³ обрушилось несчастье. Арестован на днях ее муж Анатолий Михайлович Фокин⁴. Он служил в

Институте по удобрениям, а работал в Московском отделении Геолог[ического] Комитета. По специальности и интересам он историк, работал по экономике. Он не марксистской идеологии человек — но человек безусловно благородно честный, не способный на компромиссы с совестью из каких бы то ни было соображений. Работник он очень хороший и очень ценился на местах службы. Он являлся главным работником семьи (жена и трое детей — малолетних) и весь жил семьей. Уже по одному этому он не мог касаться какой бы то ни было, хотя бы отдаленной, антиправительственной деятельности.

На семью эту последние месяцы посыпались тяжести потрясений, и они жили под их последствиями, от которых не оправились. Сперва умерла прелестная девочка, старшая дочь, богато одаренная и любимая, 9 лет, а затем вскоре неожиданно мать М. М. Фокиной, сестра моей жены. Теперь новое несчастье.

Если Вы можете помочь в чем — помогите. Мне несомненно, что дело здесь в простом недо-разумении — но оно отражается реально в жизни — трагически.

С совершенным уважением,

В. Вернадский

Там же. Следственное дело № Р-41430. Л. 10.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вернадский Владимир Иванович (1863—1945) — советский естествоиспытатель, минералог и кристаллограф, основоположник геохимии, радиогеологии, создатель учения о биосфере, организатор многих научных учреждений. Академик АН России (1912), профессор Московского университета (1898—1911), с 1914 директор Геологического и Минералогического музея АН России, с 1922 по 1939 директор Государственного радиового института, в 1927—1945 директор биогеохимической лаборатории АН СССР, лауреат Государственной премии (1943), награжден орденом Трудового Красного Знамени.
2. Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — ученый-энергетик, академик АН СССР (1929), литератор, советский государственный и партийный деятель, в 1910 заведовал кабельной электросетью в Москве, в 1919 председатель Главэлектро ВСНХ, в 1920 председатель Госкомиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), в 1921—1930 первый председатель Госплана, в 1929—1939 вице-президент АН СССР, основатель (1930) и до конца жизни руководитель Энергетического института АН СССР.
3. Фокина (урожд. Любошинская) Мария Марковна (1894—1988) — дочь М. М. Любошинского, окончила университет Шанявского, работала в Главлескоме, Главархиве.
4. Фокин Анатолий Михайлович (1892—?) — в 1915 окончил историко-филологический факультет Московского университета. Написал ряд работ по аграрной истории и местной администрации в России в XIX в. Сотрудничал в научных изданиях, принимал участие в научных обществах и организации предприятий научного характера по истории и краеведению. Состоял преподавателем в высших учебных заведениях. Был членом совещания по реформе высшей школы в 1918 г. Со времени революции занимал административные должности, связанные с большой литературной работой. С декабря 1918 по июль 1920 служил в Главархиве. Составленные им обращение и инструкция о частных архивах вошли в сборник архивных правил для РСФСР. Участвовал в созыве Архивного съезда в мае 1919 г. С января по декабрь 1920 г. служил в Главлескоме в должностях специалиста для поручений, секретаря части, помощника заведующего сельскохозяйственной частью. Организовал и вел агрономические совещания при Главлескоме. С 1 февраля 1921 г. работал в Музее Красной Армии и Флота при Военной академии РККА в должности ученого секретаря музея. За время его службы музей вырос из маленькой выставки в научное учреждение с большим штатом сотрудников и консультантов. Составил множество инструкций, проектов приказов РВСР, докладов, отчетов, написал ряд статей для вденно-научных органов. Руководил экспедицией музея в Среднюю Азию в 1921 г. Специализировался на вопросе теоретической и практической подготовки личного состава для научно-административной службы. Арестован 4 апреля 1924 г. Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 18 июля 1924 г. по ст. 61 УК РСФСР заключен в канцлагерь на 3 года. Постановлением того же органа от 12 декабря 1925 г. из-под стражи освобожден. Повторно был арестован 24 апреля 1930 г. и постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 8 июля 1930 г. по ст. 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР выслан в Северный край на 3 года. На основании ст. ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» Фокин А. М. по первому делу (судимость за 1924 г.) реабилитирован в 1995 г., по второму делу (судимость за 1930 г.) — в 1992-м.

«Если судьба будет вернуться домой»

Письма с финской войны

Сегодня о финской войне известно довольно много. В печати появились документы по истории советско-финских отношений конца 30-х годов, исследуются причины и ход той скоротечной войны. Но тем не менее широкой читательской аудитории остаются неизвестны исторические свидетельства — фронтовые письма 1939—1940 гг.

В письмах нет описаний боев. Но в них бьется сердце человека. Простые конверты и треугольники, слова утешения и надежды русских солдат, но за каждым из них — жизнь, судьба конкретного человека.

По целому ряду причин большинство из этих исторических свидетельств оказались утраченными. Те, что остались, находятся в частных собраниях или семейных архивах.

Предлагаемая вниманию читателя подборка писем охватывает период осени 1939 — лета 1940 г. В публикации сохранена стилистика письма, особенности орфографии и синтаксиса. Оригиналы писем находятся в личном архиве публикатора.

Взвод советских лыжников-разведчиков. 1940 г.

№ 1**Младший лейтенант М. В. Тетерин¹ — жене****30/X-39 г.**

Здравствуйте Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотунчик! Шлю привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни.

Спешу сообщить, что вчера получил письмо, писанное Катей 27/X, также получил и письмо от 21/X, также два дня тому назад и отвечаю на них. Во вчерашнем письме, ты, Катюша, пишешь, что почему же я не получаю от Вас опять писем и, как я понял, даже сомневаешься в этом. Так ведь я как будто и не обвинял тебя в этом, я писал это в письме от 18/X, где сообщал, что получил всего одно письмо от 8/X, а после этого я получил все Ваши письма, а именно письмо с фотокарточкой Леки, затем письмо от Папы, оба в один день. Их я получил 20/X, а 24/X утром на них ответил кратко, с сообщением о том, что я выезжаю оттуда где жил. Не знаю, получили ли Вы это письмо. В последнем письме ты ничего не пишешь об этом. В общем, я не получил только первые два письма, это, вероятно, в связи с моим переездом, а остальные все получил, и я ни в чем тебя, Катя, не обвиняю, задержки происходят не по нашей вине.

Теперь несколько слов о себе. 24/X мы переехали на новое местожительство, поближе к нашей соседке, сейчас стоим от нее в 2 1/2 км. В получасовом переходе, остановились вероятно здесь надолго, до окончательного разрешения вопроса с ней. Об условиях жизни писать ничего не буду, все в письме не перескажешь, да и нет смысла Вам знать сейчас. Хочу только предупредить Вас, чтобы Вы сильно не скучали и не беспокоились обо мне. Я перенесу все тяготы и вернусь таким же обратно домой.

В свою очередь пожелаю и Вам, чтобы у Вас все обходилось хорошо и благополучно. Катя, я буду писать письма по мере возможности, так как сейчас нахожусь в таких условиях, не только некогда, но даже и негде написать письмо. Сейчас пишу на улице на пеньке. Передай тете Нюше, что дядя Ваня тоже здесь. Он тоже не может сейчас написать письмо и просил меня, чтобы ты передала об этом. У него сейчас болят зубы и раздуло всю щеку, но приходится работать с утра до вечера.

Катюша! От Вас почта теперь будет ходить к нам регулярно, и ты не жди от меня часто писем, а пиши сама не ожидая моего ответа, это будет хорошим развлечением для меня, так как я очень хочу знать, как Вы все живете. Праздники, конечно, придется провести здесь, а потом, вероятно, и будем думать о доме. Это уже не так теперь долго, надеюсь, что скоро все выяснится. От нас пока что никого еще не отпускают, но ребятам приходят письма с сообщением, что со многих мест уже вернулись домой. Придет и наша очередь, и мы опять будем вместе. Ну так на этом кончаю, не скучайте, живу хорошо.

С приветом Ваш Тетерин
Пишите, жду.

30/X-39 г.

Лекотунчика карточку смотрю каждый день, уж очень он вышел забавным, береги его Катя.

Архив В. Н. Степакова, г. С.-Петербург.

№ 2**Красноармеец В. И. Булыгин² — родным****10.11.39***

[...] **Пишет ответ по старому адресу. Написал письмо брату Н[иколаю] Ив[ановичу], но ответа еще не получил, не знаю где он находится.

* Дата дана по почтовому штемпелю.

** Начало письма утрачено.

Наши мечты и разговоры только все о доме, как бы поскорее отпустили, но предположений нет что скоро отпустят, придется видимо побыть потому что завязалось дело с финнами.

Передавайте привет всем родным и приятелям, знакомым.

В. И. Булыгин.

№ 3

Младший лейтенант М. В. Тетерин — жене

10/XI-39 г.

Здравствуй Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотунчик! Шлю привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни. Поздравляю с прошедшим праздником, так как с наступающим поздравить не мог ввиду того, что было негде и некогда написать письмо.

Вчера получил твое, Катя, письмо от 5/XI, а также и от Диночки, за что большое спасибо, так как я был рад узнать, что у Вас дома все благополучно. Сегодня, находясь в деревне решил ответить, так как не писал Вам уже с 30/X.

Итак, несколько слов о себе. Живу почти что в старых условиях, если не считать напряженной обстановки в настоящий момент. Все пока что в основном благополучно, жив и здоров. Праздники проводили в исключительно напряженной атмосфере, никаких праздничных мероприятий не проводилось, и все дни усиленно работали. 5/X* подвинулись еще ближе к соседу и заняли

* Так в тексте. Следует читать: 5/XI.

исходное место, дальше уже идти некуда, расстояние теперь измеряется не километрами, а метрами. Теперь уже 5-й день ждем приказа к действию, который, вероятно будет. Все эти мероприятия я принял совершенно спокойно, без всякого страха, так как к этому давно готовились и привыкли. Какова дальнейшая судьба — неизвестно, но я ничего не боюсь. Только иногда вспомнишь о всех Вас, о Лекочке, станет больно на душе, но скоро проходит, так как долго думать некогда. Может быть, еще все уладится и мирно, так как сейчас уже опять стала несколько спокойнее протекать наша жизнь. Я хочу, чтобы Вы все не особенно беспокоились обо мне, я по мере своих сил буду беречь и сохранять себя и прошу Вас переносить все спокойно, чтобы ни случилось со мной.

Катюша! Несколько хочу ответить на твое письмо. Относительно покупок для меня ты сейчас не думай, может быть, они не потребуются. Хотя ты пишешь, что приезжай с победами домой, но ведь победы без жертв не бывают, и дальнейшую судьбу трудно разгадать. Все, что можешь для себя, старайся устроить, я предоставляю тебе все права в дальнейшей твоей жизни. Моя основная просьба к тебе: беречь Лекочку и воспитать его, это будет хорошая память в будущем.

Ну вот в основном и все. Катюша, пиши как провели праздник, кто был из деревни и вообще обо всем подробно. Я, по возможности, буду сразу отвечать. Особенно не отчаивайтесь, на днях все выяснится, может быть скоро приеду и домой.

Привет от дяди Вани, передайте тете Нюше, что дядя Ваня давно не получал от нее писем.

Итак, все. Материально обеспечены мы сейчас хорошо, одеты тепло, питание хорошее, и даже махорку дают в достаточном количестве.

Пишите, жду.

Ваш Тетерин.

Там же.

№ 4

Младший лейтенант М. В. Тетерин — жене

21/XI-39 г.

Здравствуй Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотунчик! Шлю привет и наилучшие пожелания в вашей жизни. Спешу сообщить, что твое письмо Катюша от 8/XI получил уже давно, но сразу не мог найти время ответить. Из письма кратко узнал о проведении Вами праздника. В свою очередь я писал Вам 10/XI о своем проведении [праздника]. Не знаю, получали ли Вы его, так как ответ на него я пока не получил.

Но могу повторить и снова, что праздника не чувствовали, находились в лесу и ничем его не отмечали, наоборот, в то время было очень напряженное положение, и мы с особой энергией работали. После праздника, до вчерашнего дня, было некоторое спокойствие, а вчера опять стали жить бдительно и ждать выступления, так как получили на этот счет некоторые указания. Это получилось опять в канун праздника, ведь сегодня мне день рождения. Я чувствую, что Вы сегодня вспоминаете меня, а также сегодня празднуют в Кезоручье³. Но, к сожалению, я опять не могу вместе проводить его с Вами, и даже трудно сейчас думать о скором возвращении домой, такая уж, верно, судьба и такая упрямая наша соседка.

Но ничего, я мирюсь со всем, если суждено вернуться домой, то придет же в конце концов и это время, а если нет, то ничего не поделаешь. Факт остается тот, и я буду рад за него, что Вы будете жить спокойно и нет такой силы, которая бы нарушила Вашу мирную жизнь. Жертвы будут только здесь у нас, но надеюсь, что и они будут очень малы.

Сейчас пока живем хорошо и благополучно, обеспечены всем хорошо, денег «некуда девать», так как зарплату — получаем, а магазина еще здесь «не построили», покурить дают бесплатно. Вчера, в честь моего дня рождения, привезли буфет из Петрозаводска, и на мою долю досталась булочка за 55 коп[еек] и 8 шт[ук] папирос.

Катюша! Пиши почаще письма сама, не жди от меня ответов, так как поверь, что совершенно некогда и негде написать, это не в Луге⁴, когда я писал тебе через 3 дня. Я последнее письмо писал Вам 10/XI, а сейчас уже 21/XI, и не знаю, как его отправить теперь. Ты обещалась написать подробно о проведении праздника 9/[...]*, но пока что я его не получал.

*Далее неразборчиво.

Катюша! Передайте тете Нюше, что дядя Ваня тоже живет так же, как и я. Правда, я больше всего ночую в деревне, а он все время в лесу. Он уже не получал писем с 25/X, и самому некогда сейчас писать, все ждет письма и просил меня написать тебе, чтобы тетя Нюша написала записку и отправила с твоим письмом, так как я получил почти все твои письма, а его куда-то теряются.

Ну вот, в основном, и все. Пишите подробно о себе. Я с нетерпением и интересом каждый день жду от Вас писем. Обо мне не беспокойтесь, живите хорошо, когда встретимся, расскажу все подробности о себе, а пока что на этом кончаю.

Итак, с приветом.

Ваш Тетерин.

Там же.

*Батарея гаубиц РККА.
Перед артподготовкой.
1940 г.*

№ 5**Красноармеец К. Н. Меженный⁵ — жене****без даты**

Жена Анна, я вам ставлю в известие, что наши перешли границу и прошли 15 километров Финляндии. Токо приказ поступил воздушному и морскому флоту воевать, но нам покамис что нету и наверное не будет. Мы будем где-либо при городе нести караулы и охранять город, так что не волнуйся. Может нас куда-либо и перегонят, вроде есть такие поговорки, а покамис ничего неизвестно.

До свидания. Остаюсь жив и здоров. Детей своих целую еще крепко.
Адрес Б.С.С.Р. Город Речица п/я № 125, 7 ст[релковая] рота.

Кирилл.

Там же.

№ 6**Красноармеец И. Т. Тимофеев⁶ — жене**

Добрый день, здравствуйте Клавдюша, мать и дорогие детки. Шлю я вам свой сердечный привет и желаю вам всего самого хорошего, ваш муж Иван.

Клавдюша, нас перегнали [в] город Старица⁷. Ехали эшелонем одни сутки, ехали через Пустошку⁸ в ночь [со] второго на третье [декабря]. Клавдюша, я сейчас адрес не знаю и долго ль будем здесь стоять, но я скоро вам еще письмо вышлю, как узнаю где будем служить. Знакомых [тут] много, но зять я думаю что там остался.

Еще прошу я вас, что обо мне не беспокоитесь, а береги свое здоровье. Нам говорят, с Финляндией дело улаживается, а то у вас, наверное, только и говорят [о] войне. Прошу живи спокойно и не волнуйся. Люди служат и домой приходят и я послуживши приду, ничего не поделаешь, что судьба наша такая Клавдюша, нам с тобой Клавдюша [выпала]. Еще новость, сейчас наш один боец газету читает, что наши заключили договор с Финляндией, значит дело хорошее⁹.

Клавдюша, я с Санькой [...] * вам посылал письмо и в письмо клал вам 5 руб[лей] денег на гостинец, получали ль вы или нет? Если на Санькино письмо ответ не писала, то и не пиши,

по тому адресу я не получу.

До свидания. Желаю вам быть здоровыми.

Ваш муж Тимофеев Иван

4 декабря 39 г.

Там же.

№ 7**Красноармеец В. И. Булыгин — жене****7/XI-39** г. Вечер.**

Здравствуйте дорогие и любезные дети и любезная супруга Ульяна Егоровна. Шлю я вам свой горячий привет и с любовью низко кланяюсь.

Спешу уведомить вас, что ваши письма получил. [Письмо], писанное в Козьмодемьянске¹⁰ и Лидино писанное 12 нояб[ря] и еще письмо писанное 24 ноября, за что сердечно благодарю, и стал здесь жить поспокойнее.

Еще уведомляю вас, что я нахожусь в лесах и среди болот на финляндской земле. Хотя и находимся в тылу, но приходится быть в опасности каждый день, среди бродячих банд, которые разбежались по лесам и ловят врасплох. Но Ульяна Егоровна, не беспокоитесь обо мне, так как беспокойся о себе и наших детях. Такая судьба моя несчастливая, чему быть того не обойти, не

объехать. Живем мы все в шалашах, почти что на улице все время или, вернее, всю ночь у костра ночуем и обедаем, и ужинаем. Вот и письмо пишу у костра.

Еще уведомляю, что тятино письмо тоже получил, писанное 25 ноября за что сердечно благодарю и вы передайте это тятю. Писать всем-всем дак некогда, да конвертов нет, да бумаги нет.

Были в финской деревне, там осталось только одно семейство, остальные ушли за своим войском, побросали все свое имущество и скот, которые дак даже зажгли свои хаты. Это говорит о том, что они сагитированы тем, что якобы наши, красные, убивают и издеваются над ними. Но это выходит все наоборот, даже наши приветствуют, что[бы] они не убежали бы в леса, а то из них и создаются банды. От Кандалакши находимся километров за 100 с лишним.

Затем, до скорого свидания. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю и счастливого успеха в делах ваших

Известный вам, преданный вам В. И. Булыгин.

Письма можно посылать без марок. Буду ждать ответа.

Там же.

№ 8

Младший лейтенант М. В. Тетерин — жене

Финляндия 15/XII-39 г.

Здравствуйте, Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотунчик! Шлю привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни.

Пишу письмо из чужой страны, где нахожусь уже ровно полмесяца. Границу перешли утром, 30/XI, и постепенно продвигаемся вперед. От Вас здесь получил одно письмо от 28/XI, где была записка от Лидии и тети Юши, и больше пока не получал.

О себе писать есть многое что, но в тоже время и не знаю, с чего начать. Хочу сообщить основное, что пока жив и здоров. В первые дни после перехода границы продвигались вперед быстро, так как не встречали со стороны финнов никакого сопротивления, деревни, встречающиеся на пути, были все сожжены финнами, и населения не было нигде. Сейчас, уже несколько дней, продвигаемся вперед с боем, а последние два дня даже стоим на месте и ведем горячий бой, так как финны за рекой сильно укрепились.

Сейчас пишу письмо, а в ушах гремит со всех сторон — артиллерия обстреливает противника и в воздухе свищут снаряды. Мы уже привыкли ко всему этому и совершенно спокойно чувствуем себя. Жертв в нашем подразделении пока что еще не было. Но вообще-то жертв есть порядочно, особенно среди пехоты. От своей границы сейчас мы находимся около 100 км. Вот примерно все о себе. В смысле питания затруднений пока не видим. В финских деревнях находим много картошки и других продуктов и кушаем, сколько хотим.

Плохо только обстоит дело с руками — перчатки все изорвались. Катюша, если принимают посылки на почте, то сообрази и шей какие-нибудь шубные рукавички и вышли. Передай тете Нюше, что дядя Ваня тоже просил шубные рукавички, и Вы вместе их в одной посылке вышлите. Больше ничего не шлите, ну если папирос, пачек 5 «Звездочки», и сухариков белых килограмм, но большой посылки не делайте, так как ее не повезут сюда. Скажи также тете Нюше, что дядя Ваня тоже жив и здоров. Он получил уже здесь 5 писем, но писать совершенно самому некогда.

Итак, в основном все. Прошу всех Вас не беспокоиться за меня, надеюсь вернуться домой целым и невредимым, хотя, правда, не так скоро. Если что случится со мной, то Вам сообщат сразу, а сейчас Вы не расстраивайтесь и живите спокойно, особенно ты, мама, а то у тебя слабое здоровье и так. Пройдет еще не более месяца, и я буду дома.

Итак, до свидания. Крепко целую Лекочку, пусть он растет хорошим мальчиком, и я рад буду увидеть его большим. Наверное, он уже сейчас ходит, как хочется мне его сейчас посмотреть.

Не скучайте, Катюша, пиши подробно обо всем.

С приветом.

Ваш Тетерин.

Там же.

1939 г. Декабря 17-го дня

Здравствуй дорогая жена Клаша и милые дети Толя, Шура, и Нина, и дорогие родители. Шлю я вам от всего любящего сердца горячий привет, а главное желаю быть здоровыми.

Клаша, письмо я ваше получил, написал и ответ 14/XII, посылал доверенность на получение в конторе выходного пособия, примерно в сумме руб[лей] около 100, постарайся получить, а также постарайся получить долги с тех о которых вам писал.

Теперь Клаша, я тебе пишу, вспомнил про дом и нашу родную семью, как раз время свободное, так как мы находимся в тылу на отдых[е] уже 3 дня, противник засел крепко, не могут выбить, продвигаться вперед нельзя. Теперь сегодня или завтра опять нам придется идти на передовую линию и сражаться с противником, вот уже начали воевать с 30/XI, а кончим когда и чем дело кончится, не известно.

Я, Клаша, жалею, что не пришлось даже проститься с вами крепко, и не простился с детьми, и с родителями, все были дома и братаны уехали как будто не надолго и шутя и не знаю больше придется ли нет побывать дома и увидится с вами. Теперь только Клаша, вспоминаю, как я пошел из дома и как то мельком с вами простился. Я вам подал правую руку, а вы левую, хотел я поцеловать все в уста, вы как отклонились и поцеловал я вашу щеку, когда пришли в Кириллов¹² и нас стали отправлять и провожать, мне стало жалко и хотелось бы вас видеть без конца, но приходится Клаша, переживать все трудности и быть спокойнее, чем больше расстраиваться, тем хуже.

Теперь Клаша, нам здесь не страшно, уже привыкли, снаряды летают над головами и пули во время боя, по дорогам везде наставлены мины и рвутся и не куда бежать, а что будет и что выпало на мою долю того не миновать, и прошу написать мне Пожелания от родителей, и от вас, чтоб со скорою победой возвратиться домой.

Теперь Клаша, я жив и здоров, выдали валенки новые, ногам тепло, ноги простудил, лежал в

Лес после артиллерийского обстрела. 1940 г.

окопах 4 суток в ботинках, была вода, теперь появилась опухоль, но может быть ничего и поправлюсь.

Посылаю Клаша, вам, Толе, Шуре и дочке Нине денег 10 р[ублей], если есть, что купить в магазине, купи на все гостинцы.

Затем, до свидания. Клаша, буду ждать от вас ответа. Адрес без изменения. Выпиши газету, хотя [бы] на месяц и будешь читать и знать, как обстоит дело в Финляндии.

Ваш муж Васин.

Там же.

№ 10

Младший командир В. В. Смирнов¹³ — родным

24/XII 1939 года

Привет из Финляндии.

Здравствуйте родители, мама Надя, Валя. Шлю я вам свой сердечный привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.

Мы уже как здесь [в Финляндии] время порядочное, дней как десять. Живем пока хорошо. Не знаю, что дальше будет. Думаю, чем дальше, тем лучше. Сейчас мы находимся — порт Петсамо¹⁴. Остановились и я решил сообщить вам, что жив и здоров, того и вам желаю.

Финляндские заправилы бегут, как сумасшедшие, в том числе и Эрко¹⁵ с Каяндером¹⁶, также, как польский Бек¹⁷, по его же стопам бегут, как собаки бегут, впереди себя зажигают села и деревни и народ весь за собой угоняют.

Писать пока нечего. До свидания, ваш сын Смирнов Виктор Васильевич. Извините, писал [...]*

* Далее неразборчиво.

манск, как и мы ехали на кораблях.

Смирнов. 24/XII 39

Адрес: действующая армия, полевая почтовая станция 105, военно-сортировочный пункт № 2, 205 с[трелковый] п[олк]. Развед[ывательная] рота Смирнову В. В.

Там же.

№ 11

Младший лейтенант М. В. Тетерин — жене

24/XII-39 г.

Здравствуйте, Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотунчик! Шлю Вам свой привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни.

Спешу сообщить о себе, что пока жив и здоров. Нахожусь на территории Финляндии, вот уже скоро будет месяц. Сейчас уже 10 дней стоим на одном месте, живем в землянках на передовой линии. В последнее время больших боев нет, ведем только изредка артиллерийский огонь, готовимся к новому наступлению, так как финны сильно сопротивляются.

Живем ничего, обижаться не на что, питание хорошее, перебоев в снабжении нет, даже я не поедаю все в обед, всегда остается. Спать также хорошо, в землянках тепло, даже жарко, когда много натопим, так как одеты тепло, выдали теплое белье, фуфайки ватные, шинели и новые валенки, так что основное — ноги — всегда в тепле.

Я Вам писал письмо 15/XII, а отправил 19/XII, вероятно, вы его получили. До этого никак не мог собраться написать, и я знаю, что Вы, не получая так долго никаких известий от меня, сильно беспокоились за меня. От Вас почему-то тоже не получал писем. Последнее Ваше письмо получил от 27/XII**, еще тогда не было войны. Письма сюда привозят, дядя Ваня получил здесь уже

** Так в тексте. Следует читать: 27/XI.

3 письма, а я ни одного. Я знаю, что ты, Катюша, пишешь, но куда-то они опять теряются.

Катюша! Многое что хочется сказать тебе и написать, но все не опишешь. Если судьба будет

вернуться мне домой, то расскажу о всех моих переживаниях, и жизнь наша опять потечет нормально и счастливо. Если же суждено погибнуть здесь, то я предоставляю тебе полную свободу, живи так, как желаешь. Моя единственная к тебе просьба — воспитать сыночка и вырастить его. Мне больно писать все это, может быть, это лишнее, может быть, я и вернусь к Вам жив и здоров, ведь не всем же здесь суждено погибнуть, но пишу все это на всякий случай. Вы особенно не пугайтесь и не беспокойтесь за меня. Я живу еще в хороших условиях, хотя и на передовой линии, но нам не приходится встречаться лицом к лицу с врагом, и поэтому жертв у нас почти нет. За месяц мы потеряли только 5 человек со всей батареи, это совсем пустяк. Я лично чувствую себя совершенно хорошо и спокойно и желаю, чтоб Вы так же чувствовали себя. Ведь надо понять, что я здесь не один и что есть пословица: «Чему быть — того не миновать».

Ну так, теперь прошу Вас написать подробно о всей Вашей жизни. Я давно ничего о Вас не слышал и очень интересуюсь Вашей жизнью. Катюша! Пиши, как растет Лекочка. Ты сильно не расстраивайся, береги себя, еще поживем вместе, когда разгромим финнов. Вот скоро будет уже 2 года, как мы поженились, а жили вместе всего год, таково, верно, наше счастье. Мама, ты тоже не расстраивайся, тебе еще надо пожить и поберечь себя.

Ну вот и все, пишите, жду. Крепко жму Ваши руки.

С приветом.

Ваш Тетерин.

24/XII.

Вчера, 23/XII, исполнилось три месяца, как я выехал из Петрозаводска и видел всех Вас.

Там же.

№ 12

Младший лейтенант М. В. Тетерин — жене

27/XII-39 г.

Здравствуйте, Папа, Мама, Катюша, Лида, Толя, Диночка и Лекотунчик! Шлю горячий привет и лучшие пожелания в Вашей жизни.

Спешу сообщить, что вчера, 26/XII, получил от Вас долгожданное письмо, писанное у Кати 21/XII. Оказывается ты, Катя, ждала от меня письма и не писала сама почти месяц. Я уже писал тебе, что последнее письмо получил в начале декабря, писанное тобой от 27/XI, в котором была еще записка дяде Ване. После этого, вероятно, ты не писала, как я понял из твоего письма, а ждала от меня ответ. Письмо с деньгами от 18/XI и второе, с марками, я тоже получил и ответил на них последний раз с советской территории 28/XI, но почему-то, как видно, ты его не получала. После этого до 15/XII я совершенно не мог написать письма, так как мы все время были в дороге. 15/XII я написал [письмо] и отправил его 19/XII, которое ты, вероятно, теперь уже получила. 23/XII отсюда написал второе письмо и вот уже пишу третье с территории Финляндии.

Я хорошо сознаю, Катюша, как ты и вообще все Вы расстраивались и беспокоились за меня, не получая никаких известий, но поверьте, что я не мог никак сообщить Вам ничего. Ведь мы после перехода границы 30/XI по 12/XII каждый день продвигались вперед с боем, и поверь, что было не до письма. Сейчас, вот уже 15 дней, стоим на одном месте, и вот, имея свободное время, я отсюда пишу уже 3-е письмо.

Ну о себе пока нового сообщить ничего не могу, как видите, жив и здоров. Вперед пока не продвигаемся, накапливаем силы для нового наступления. Бой почти не ведем, только изредка трещат пулеметы, и понемногу каждый день мы посылаем финнам «гостинцы» в виде Ворошиловских килограммов. Вы, вероятно, читали в газетах за 24/XII об итогах военных действий в Финляндии за три недели, где все подробно сказано. Как видите, жертв уже есть порядочно, вместе с ранеными около 9 тыс[яч] человек. Вероятно, заметно это и у Вас в Петрозаводске, так как ты, Катя, пишешь, что уже дежурила в госпитале. Но ничего, не надо падать духом, все равно победа будет за нами и «козявке» слона не победить. Я еще мечтаю пройти до самого Финского залива, сесть в Хельсинки на поезд и с пересадкой в Ленинграде приехать домой в Петрозаводск. Правда, это будет еще не скоро, вероятно, тогда уже загорать на солнце можно будет, но подождем, и это время придет. Вы приготовьте только «маленькую»* для встречи, наверное, не закиснет она.

* «Маленькая» — четвертинка водки.

Ну так, теперь, Катюша, по поводу твоего письма. Я рад, что Лекочка растет хорошо, даже письмо уже мне умеет писать и ждет меня домой. Как мне хочется увидеть его сейчас, хотя

бы во сне приснился. Ну пусть растет хорошим мальчиком, надеюсь, что мы вместе будем воспитывать его.

Теперь, Катюша, напиши в деревню, а также и всем родным, что я пока жив и здоров и с успехом выполняю свой долг. Значит, Малышев тоже сейчас здесь, недалеко от меня. Катюша, ты мечтаешь собраться всем вместе летом и провести и забыть все горе. Да, если будет судьба, то, конечно, опять соберемся все, вспомним и расскажем друг другу о прожитом в прошлом, а рассказать будет многое что, и заживем новой, счастливой жизнью.

Ну примерно и хватит писать. Всего все равно не опишешь, лучше расскажу лично, после окончания войны. Теперь прошу Вас писать подробно о себе и о всем новом, что творится в Петрозаводске, и вообще обо всем. Прошу совершенно не беспокоиться за меня. Я совершенно нахожусь сейчас в неопасном положении и думаю еще долго пожить.

Привет всем соседям. Привет Вам от дяди Вани. Он вчера получил два письма и рассказывал, как Папа, находясь дома, держал на руках Славку и Леку и вспоминал о нас. Да, трудно это переносить, но ничего, все пройдет и забудется.

Итак, жду ответ. С горячим приветом

Ваш Тетерин.

28/XII-39 г.

Там же.

№ 13

Красноармеец Малашихин И. П.¹⁸ — жене

28/XII [1939 г.]

Здравствуйте Дуся, Толенька и Колечка, шлю привет.

Дуся, твоё письмо получил вчерашний день, которое послано 15-го XII, а остальные не получил. Яшу Богданова не видел 2 недели, они при батальоне на передовой линии.

Сообщаю о себе, что здоров, чувствую себя хорошо. Я уже писал в том письме, что находимся на финской территории, от границы вглубь на 70 килом[етров]. Сейчас стоим [...] на одном месте, уже около [...] на фронте затишье, как наши, так и финны не наступают, но а финны и вообще наступлений не ведут, а только обороняются, кроме как производят налеты мелкими группами на дорогах. На многие [части] уже налетели, но нам пока не приходилось принимать боевое крещение, но ожидаем ежеминутно.

Живем в землянках, тепло, но грязновато, как вот ходишь на охоту и ночуешь в лесной избушке. А я, в особенности, в такой обстановке не считаю себя стесненным. Бывало на охоте еще хуже, по пять ночей без всякой избушки, под открытым небом, в снегу и то ничего.

Прошли 70 км территории финской, а мирного населения не видели. Прошли около 10-ти хуторов, а эти хутора, шюцкоровцы, как их называют, самые заядлые бандиты, уведят мирное население из хуторов, а дома после их сжигают, и вот хуторов около 10-ти все сожжены.

Ты мне пишешь в письме[...] ты беспокоишься за меня, за мое моральное состояние. Ни чуть не думай, ни о чем. Я здесь не один, нас здесь на 70 км от границы до нас, все по всей дороге сплошной поселок, если пойдешь в которую сторону, везде сплошная армия. Еще раз хочу сказать, в тех письмах я писал, но ты наверное [их] не получала, что всем нам выдано зимнее обмундирование: валенки, ватные брюки, телогрейка, шлемы, рукавицы, так что одеты тепло. Выделяют даже деньги, я уже [...] получил 4-й раз зарплату 10 руб[лей] в месяц, табак [выдают] бесплатно.

Сообщаю, что знаешь Бармина Николая, жил в Повенце¹⁹, убитый 7-го числа. Козырев Павел, работал до меня завхозом в детдоме, раненый. Теперь Котов Ванька у Логвиновых живет, у Хотеевых, расстрелянный. Рев[олюционный] трибунал присудил его к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение. Он на-

творил тут. Во время чистки оружия стал разряжать винтовку и выстрелил, убил одного бойца и другого ранил. И другое, когда были в бою, командир приказал открывать огонь по неприятелю, а он свалился в окоп и отказался стрелять. Тут еще троих расстреляли, не хотели служить в рядах Красной Армии и занимались самострелом, отстреливали себе пальцы на руках. Это презренные

* Далее неразборчиво.

** Далее неразборчиво.

*** Далее неразборчиво.

**** Далее неразборчиво.

***** Так в тексте. Имеется в виду военный трибунал.

Колонна бронемашин на марше. Карельский перешеек. 1940 г.

трусы, зато они получили по заслугам. Но, а остальные наши повенецкие, их тут наверное в разных подразделениях человек 12, пока что все целы. Жаль Кольку Бармина, беднягу, убили, вот он сей год со мной обучался на всеобуче. Рассказывают про него так. Ранили его в руку и он не потерпел пока прошел бы бой, стал кричать санитару оказать ему помощь. Санитар тот полз и стал делать ему перевязку и его вторично пуля ударила в грудь, так и убили на руках санитару.

Я беспокоился долго, до получения письма. Видел тебя раза два во сне и так худо, что ты все плачешь и все недовольна чего-то на меня. Как получил письмо, так стало лучше на душе. Здесь беспокоиться больше о домашних, а не о здешних условиях.

Ну пока, до свидания. Хватит пока, а то все равно всего не напишешь. Целую всех, особенно Коляночку. Ваш Малашихин.

Действующая Красная Армия. Полевая почтовая станция 215, 316 стрелковый полк, транспортная рота. Малашихину.

Там же.

№ 14

Младший командир Меженный К. Н. — жене

1/1 1940 г.

Письмо.

От вашего мужа Кирилла Николаевича. Здравствуйте, дорогие родители, жена Анна и дети мои, сын Михаил и дочь Маруся, и мать Феня.

Во-первых строках моего письма я вам сообщаю, что жив и здоров, того и вам желаю. Но токо жена Анна, я вам писал письма два, что мы находимся в Финляндии на фронте, на передней линии, токо в обороне, а не в наступлении, в окопах, в лесу около реки и близ Ладожского озера с правой стороны, а слева река и за рекой, на том берегу противник, метров через 30 и больше.

Дак жена Анна, получали письма вы эти или нет. Что [-то] мне нет ни одного письма из этих двух или они не доходят туда. Что я писал письмо 19 декабря, а мне еще ответа нету и Справцев Филипп посылал [записку] вместе с ним, тоже в письме, тоже [ему] нету никакого ответа.

Жена Анна, покамис что здесь еще особенного такого [нет], нету убитых, токо раненые 3 человека, два в ногу, а один в руку, и больше нет ничего. Хотя и снаряды летят через голову по противнику, наши через нас и бьют [огневые] точки противника. Шамовка у нас очень хорошая, токо живем в окопах. Нам выдали валенки, здесь зима, снег и морозы градусов 15. И еще Анна, теперь я работаю помкомвзводом, которому 21 человек подчиняются мне, и хожу на всех все получать: сахар, табак, и завтрак, и обед и все что приходится получать на взвод, но токо командир взвода может получить да я, а больше никто со взвода моего.

Вот и все, что я хотел вам написать. Добродеевцы все в одной роте, токо не в одном взводе. Я в первом, Филипп и Пимен и я, а остальные во втором, со мной спит в окопе одном Пимен и Филипп и [воюем] в одном отделении.

Вот и все жена Анна, целую своих детей, сына Михаила и дочь Марусю и тебя Анна целую и мать Феню целую и может придется приехать домой, может вроде и не придется наступать всем. По поклону отцу, матери, и братьям, и сестрам, и всем теткам и дедкам с ихними детьми.

До свидания. Остаюсь жив и здоров. Ваш муж, отец, и зять, и сын, и всем знакомый.

Мой адрес: Действующая армия, полевая почтовая база № 73, 469 ст[релковый] пол[к], 6 рота, 1 взвод.

Кирилл Николаевич.

До свидания.

Там же.

№ 15

Красноармеец А. Абакумов²⁰ — жене

20/1-40 г.

Добрый день. Здравствуйте все родные: Верочка, дети Галя и Геня, брат Коля и все сестры. С приветом к Вам Ваш супруг Верочка, Шурка Абакумов.

Во-первых строках моего письма сообщаю, что я на сегодняшний день еще нахожусь жив [...] * в окопе у огня, ожидаю финна и пишу Вам письмо, коротенько. Нахожусь я сейчас, Верочка, в Финляндии, на передней линии фронта на ухтинском направлении. Местность все лес

один, деревень не видели, хотя они были, то финны все пожгли. Живем в землянках у костра греемся, а иной раз и под елкой и без огня, едим мерзлый хлеб да воду греем из снега. Я очень весь, Вера, простыл, но все это, Верочка, ничего, только бы остаться в живых, все бы это перенес, жить еще охота, но хотя бы ранили, но не насмерть убили, это бы счастье мое большое [было]. Мы, Верочка, сейчас живем с 10 числа в обороне, учимся ходить на лыжах, а то [...] ** снег стал очень

* Далее неразборчиво.

глубокий, а с 25 января будем опять наступать, где опять и повалятся жертвы.

Писем, Верочка, я от вас не получал уже 2 месяца и не знаю, что делается дома, как вы живы и здоровы и не знаю получаете или нет вы от меня письма. Я пишу хоть не очень часто, но и не редко. Живите, Верочка, пока, как можете, как вам лучше, работайте, береги детей. Если пой-

дешь на работу, то [...] * отставь от учебы, оставь водиться дома. С какими[-либо] недостатками, Вера, в хозяйстве, обращайся к колхозу. И получаешь [или] нет пособие от с/совета? Если не получаешь, то хлопочи, заставь кого-нибудь написать заявление в райисполком или даже в облисполком.

Живи, Верочка, очень не расстраивайся, что будет. Если есть счастье, то жив останусь, если нет, то не кутить остался я здесь. Знакомых никого нет, все украинцы и белорусы. Всех нас, знакомых, разбили по разным ротам.

Больше писать такого нечего. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Пишем, Вера, мне писать я не советую, потому что находимся каждый день в разном месте, получать трудно.

Живите спокойно. Люби и расти детей, если буду жив, вам письма писать буду. Крепко целую детей и тебя Верочка.

С приветом
20/1-40 г.

Шурка Абакумов

Там же.

№ 16

Красноармеец Патлай А. М.²¹ — отцу

20/1-40

Здравствуй, дорогой отец!

Пишу по прежнему с Тулы, сидим [...] ** в той же школе и формируемся. Но изменения за эту

** Далее неразборчиво.

пару дней произошли значительные, в особенности, для некоторых. Стали ежедневно присылать много приписного состава и распределять их между нами, а из молодых набирают ребят послабее или немного [...] *** и отправляют их в другие постоянные части, например в Киров или обратно в Москву.

*** Далее неразборчиво.

А оставляют самых сильных духом и также физически и мешают их с приписным составом.

Мне тоже счастье улыбнулось, но только на одну минуту и в этом я сам же виноват. Меня тоже было ввели в список отправляемых. Но разве я виноват, что я лучший пулеметчик во взводе. Разве я виноват, что своим старанием я сделаю себе хуже впоследствии. А теперь получилось так, что я не только первый номер возле пулемета, а преподаю пулемет младшим командирам и красноармейцам из приписного состава. Ну и ничего удивительного, ясно, что мне нужно прочесть пару раз и я этот пулемет знаю, а человеку малограмотному или с 3—4 классами, он дается много труднее, а пулемет «Максим» довольно сложная вещь. Плюс к тому еще [я] комсомолец, агитатор. И через это все командир взвода пошел к командованию роты и настоял на том, что б я остался. Почему я говорю счастье выехать? Потому что с каждым днем станет все яснее наша судьба. Нас не только одели с головой в теплое обмундирование, а и вооружили до зубов. Теперь только мешают с приписным составом, то есть с такими которые уже служили в армии и кое-что смыслят в военном деле. Но что же, все равно, рано или поздно, а пойти придется, потому что в такое время живем. Ясно, что сразу на фронт нас не пошлют, [отправят] в тыл для наведения порядка. А оно возможно скоро и окончится, так что на фронте быть не придется.

В последнее время так я тоже начал хитрить, в виду того, что я физически малосильный отпросился от пулемета, который иногда приходится в разобранном надвое виде тащить на плечах и каждая часть весит по полтора пуда. А взял себе снайперскую винтовку и стал снайпером пулеметного взвода. И если будет выезжать другая партия, так меня смогут отпустить, потому что как снайпер я еще не профессионал, а пулеметчик с меня все же был, хоть из пулемета я и не стрелял серьезно.

Недавно тут одного споймали, что удрал с Финляндии, то есть дезертировал с армии. Мне как раз удалось быть на суде. Судил военный трибунал. Очень строго судят, раз-два и к расстрелу. Но он же удрал прямо с фронта, бросил пулемет, забрал с собой наган, патроны, гранаты, да еще и к тому [же] напился и в таком виде направился домой. И тут на станции в Туле его споймали.

Надеюсь, что ты уже получил то барахло в посылках. Очень жаль, что нельзя тебе написать. Тут сидишь, как в тюрьме и очень скучно без писем, не зная ничего что делается дома. Но переписку устроить трудно, да и снова говорят, что 23 числа мы выедем. А давать обратный граждан-

ский адрес нельзя, а засекреченного адреса нет, потому что мы тут не постоянно. Один послал было до дому точный адрес и ему пришел ответ и за это ему дали 2-е суток ареста на гауптвахте, потому что этим он разглашает тайну, раскрывает местонахождение большущей части. А можно делать так: писать на Тульскую почту, «до востребования», а я смогу отпроситься в город, зайти на почту и спросить за письмо. Так некоторые ребята даже деньги получали.

Прямо терпение урывается, так хотелось бы получить письмо. Но оно, наверное [...]*

* Концовка письма утрачена.

Там же.

№ 17

Младший лейтенант Сивохин Е. С.²² — жене

Моя дорогая крошка.

Мы продолжаем стоять все на прежнем месте. Как и в первый день моего прибытия на передовую линию, почти не умолкая ухает наша артиллерия, стонет земля от взрывов наших снарядов. В короткие временные промежутки молчания нашей артиллер[ии] противник начинает обстрел наших рубежей, выпускает по 10—20 снарядов и снова умолкает в своих дотах.

Вероятно, готовится с нашей стороны большое наступление. Войну нужно заканчивать скорее. Предстоит нечто грандиозное.

Моя дорогая крошка! За эти дни я с необыкновенной ясностью вспомнил всю нашу жизнь. Почему-то наиболее ярко из тумана прошлого всплывают светлые минуты, поэтому жизнь кажется особенно радостной, особенно дорогой. Мое здоровье удовлетворительно. Напиши мне большое, подробное письмо. В прошлом письме я тебе написал свой адрес. На всякий случай пишу еще:

Действующая Р.К.К.А.

В.П.П.С. № 469

15 стрелк[овый] полк, 1 стр[елковый] б-н.

Не теряю надежды скоро тебя увидеть и обнять крепко, крепко.

Привет Влад[имиру] Вас[ильевичу] и Люд[миле] Влад[имировне].

26.1.40 г.

Твой Елизвой

Там же.

№ 18

Младший лейтенант Сивохин Е. С. — жене

Мой милый, мой славный Лютик!

Вчера получил твое письмо. Большое спасибо за сочувствие и за доброе пожелание. Если бы ты знала, моя крошка, как сильно я нуждаюсь в моральной поддержке, как тоскую по родной ласковой руке.

Пришел конец нашему стоянию на одном месте, сравнительно спокойном. Вот скоро, скоро должен начаться суший ад. Сейчас на линии фронта стоит необычная тишина, но она не успокаивает, сердце говорит, что это затишье перед грозой. Зловещая, давящая тишина, мутит ум и замораживает душу.

Я вполне здоров, только похудел и оброс бородой, [...]** плохой аппетит, что очень скверно.

** Далее неразборчиво.

Ты мне сегодня приснилась, но к сожалению это был только сон. Мне так хочется, что-

бы ты поняла, интуитивно почувствовала мою тоску по дому, по родным, по тебе. Не хватает слов, чтобы это все выразить.

Сербаринова [?] я не вижу, хотя мы стоим друг от друга недалеко, но здесь ходить в гости не принято. Будем моя дорогая надеяться на скорый и благополучный исход и, следовательно, на счастливую встречу.

Крепко целую.

Твой Елизвой.

Привет твоим родителям.

5. 2. 40.

Там же.

№ 19**Красноармеец Ивах И. И.²³ — жене****8.2.40 ***

Здравствуй, милая Лена!

Привет, привет, привет и тысячу поцелуев. Я жив, здоров, чувствую себя замечательно. Нахожусь на ребольском направлении, дела идут не плохо, близко тот момент, когда финские

* Дата дана по почтовому штемпелю.

бандиты будут разгромлены и границе нашей родины в этом участке будет обеспечено спокойствие на долгое время.

Я изредка по пути писал тебе коротенькие открытки, но очень обидно и жаль, что целый месяц ничего не могу получить из дома, чтобы узнать как дело обстоит дома. Я зная твою беспокойную натуру еще больше беспокоюсь о тебе, хотя особенно и думать некогда, больше приходится заботиться о себе и товарищах.

Обеспечены мы здесь очень хорошо, одеты хорошо, тепло, кормят хорошо, кроме того получаем дополнительный северный паек, в который входит шпик, сахар и вино. Ну в отношении условий говорить не приходится, в населенных пунктах сидеть не приходится, к морозу и холоду привык, морозы скоро должны постепенно уменьшиться, этому конечно радуемся и ждем. За этот период пришлось пережить ряд трудностей, которые будут еще и впереди.

Ты Лена, напиши, пожалуйста, как дела дома, получаешь ли ты заработок мой, как с яслями и дровами, тебе сейчас, конечно, трудно с ребятишками, если что то возьми няню, тебе будет легче, а возможность ты имеешь.

Насчет меня не беспокойся, двум смертям не бывать, а если что и случится, то, прошу тебя, береги ребятишек, ибо у них отец и мать один и одна, мужа ты можешь найти, но отца настоящего им не найдешь.

О себе больше писать ничего не могу, что предстоит завтра не знаю. Это знаешь у одной старушки в царской армии служил сын, старуха эта была темная, особенно, в военных делах. Вот она увидела солдата и спрашивает — вы с войны, он говорит «да», она спрашивает «а как там эти пули здорово бьют, ведь мой сынок тоже там, наверное убили», он ей отвечает «нет бабка, ничего не будет придет жив, если в лоб попадет — отскочит, а в рот, так проглотит». Она и говорит «Вот дал бы бог моему сынку в лоб».

Я думаю этого ты мне, конечно, не желаешь. Я тебя не забывал и не забуду никогда, пока досвидания. Крепко целую тебя и ребят, желаю лучшего в жизни, буду иметь возможность, писать буду каждый день, а сейчас жду ответа, позавчера послал тебе свой адрес.

Действующая Красная Арм[ия].

полевая почтовая станция № 192

17 О.Л.Л.Бат[альон]. 2/2, мне

Там же.

№ 20**Красноармеец Кабанов П. С.²⁴ — родным****Финляндия. 1 марта 1940 года**

Добрый день!

Папаша, мама, крестька, Лидочка. Шлю красноармейский привет. Не писал, потому что переезжали и адреса не было. В настоящее время находимся в 100 километрах от нашей границы, продвинулись в глубь Финляндии. Хорошо слышна пулеметная стрельба. Фронт от расположения нашей части 3—4 километра. Наша часть пока находится в резерве. На нашем участке продвижения наших войск нет. Мне кажется, что Вам понятно, что нашу часть перебросили не просто посмотреть Финляндию, но в нужный момент вступить в бой с белофиннами. Это должно случиться в ближайшее время.

Ну раз война, а особенно современная, без потерь не может быть, это понятно каждому. Могу такой жертвой стать и я. Поэтому у меня к Вам большая просьба — вести себя как можно мужественней, как подобает гражданам Советского Союза, самое главное, это будет относиться

к маме, как можно меньше слез. Если это случится, то Ваша задача воспитывать Лидочку. Вы должны помнить — меня Вам заменит государство. Когда папаше исполнится 60 лет, а маме 50 лет, Вам будут выплачивать пособие. Ну за сына Вам стыдно не будет. В настоящее время, то есть со дня получения этого письма, прошу, еще не заносить [меня] в поминальник и если крестинька вздумает молиться, то пусть молится только за здоровье.

Ну ведь все, что я писал это худший исход. Не смотря на то, что финны прекрасно стреляют, но всех же нас здесь не перебьют. Воевали люди раньше, воюют и сейчас и остаются живы, а чем я хуже, да ни чем. Присвоенное мне оружие — станковый пулемет, получен новый, работает безотказно, стреляю неплохо, наган тоже в порядке, ну, а боеприпасов у нашей армии хватит на долгие годы и, пожалуй, не перестрелять. Так что, все шансы в сторону жизни.

Я в прошлый раз писал, что хожу в сапогах, теперь выдали валенки, а маме за носки большое спасибо, в них особо тепло. Кормят хорошо, дают масло и для аппетита по 100 грамм водки. Папаша, это ведь не так уж плохо. Здоровье в порядке, после как сюда приехал, даже говорят поправился. Будем надеяться, что с белофиннами в ближайшее время покончим. Живем сейчас в лесу, в землянках тепло и даже светло. Пишу ночью, только что вернулся с караула, ребята спят.

Напишите, полностью ли рассчитались с государством по денежным обязательствам, если нет, то я могу деньжонок несколько послать. Привет всем, всем, всем. Пусть дядя [...] * не сердится, я же ему нового написать не могу, а Вы передайте ему [то], что я пишу [вам].

* Далее неразборчиво.

Сообщите, получили или нет посылку. Наверное Лидочка сердится, что я ей не прислал конфет или еще что-либо. Растволкуйте ей, что негде было купить.

Посылаю фотокарточку.

Адрес на конверте.

Для всякого случая:

Адрес: Действующая Красная армия,

В.П.С.П. № 2 [?]

П.П.С. № 111

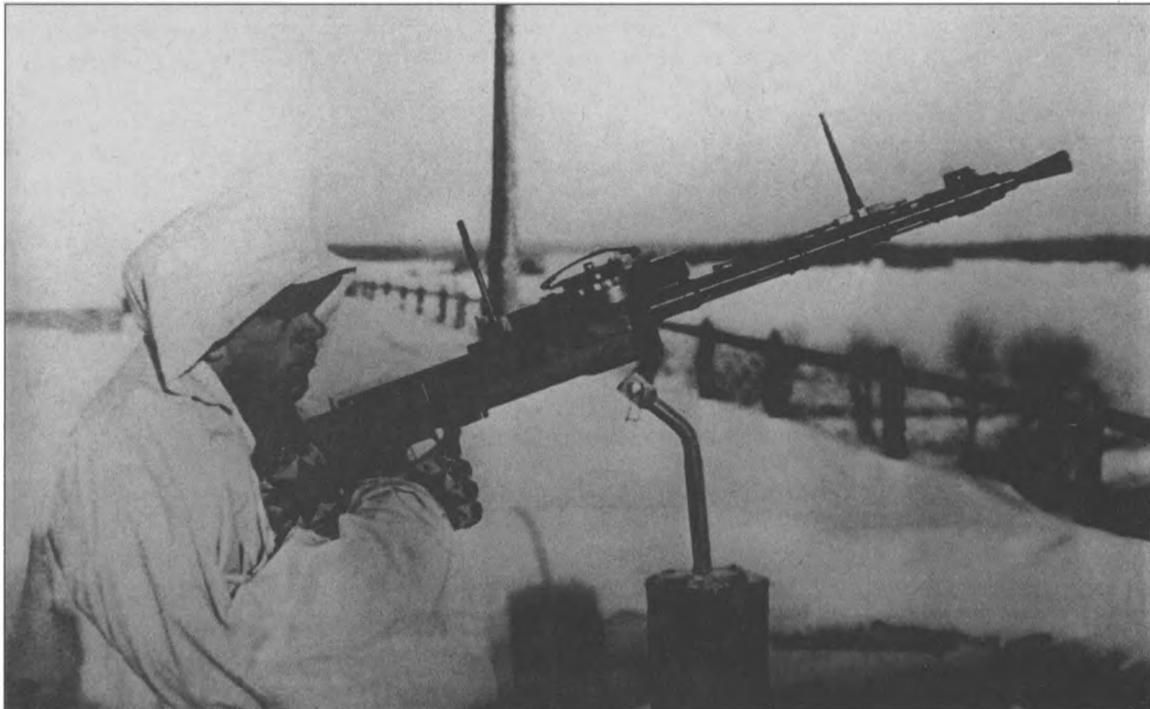
320 стр[елковый] полк, 8 ст[релковая] рота.

Остаюсь жив и здоров.

Ложусь спать.

Павел.

Там же.

Финский пулеметчик.

№ 21

Медицинский работник Колосова²⁵ — жене лейтенанта Лопухина А. И.²⁶

без даты

Анна Николаевна.

Я работница госпиталя, где лежал ваш муж и хочу вам сообщить кое-что о нем.

Ваш муж ранен в живот осколком, очень опасно, операция ему была [сделана] в тот же день, когда его ранили, то есть 12 марта. Осколка не достали, было невозможно, часть кишек попорчена и часть удалена. После операции я его видела в тяжелом состоянии, [он] дал ваш адрес и просил написать если что. Больше я его не видела. Услышала [о нем] только тогда, когда он умер, было очевидно тяжело. Он 29 числа марта, умер.

Вы не расстраивайтесь, вам сообщат из госпиталя, но я поспешила побыстрее довести до вашего сведения.

Извините за такое [...] * сообщение. Я очень вам сочувствую [...] ** вашу семью и вашему [...] *** к вам.

* Далее неразборчиво.

** Далее неразборчиво.

*** Далее неразборчиво.

Колосова.

Там же.

№ 22

Красноармеец Сорочинский²⁷ — отцу Патлая А. М.

Отцу Патлая, погибшего 4 марта в 5 часов дня в боях с белофиннами за станцию Пяру****, возле ж[елезной] д[ороги] проходившей от Выборга на северо-запад Финляндии.

**** Так в тексте. Имеется в виду ст. Перо, ныне ст. Перово Ленинградской области.

С вашим сыном я не служил. Он был в другой роте нашего 344 стр[елкового] полка. Когда после больших боев наш полк был обессилен, 23/II наш полк пошел с линии огня на станцию Кемерово***** для формирования и пополнения, а нас заменил другой полк.

***** Так в тексте. Имеется в виду ст. Кямья, ныне ст. Гаврилово Ленинградской области.

С нашего полка сформировали ударный батальон. На этот момент с нашего пульвзвода осталось 5 человек. Нам дали пополнение в котором был ваш сын. Наш взвод принял грозную силу и [мы] пошли ликвидировать очаг опасности в нашей дивизии (финны прорвали фронт и заняли снова свои укрепления). Нам эти укрепления пришлось брать с озера.

Так мы были с ним с 24/II по 27/II. 27/II ночью, наша рота пошла в разведку, с ней пошел наш пульвзвод с 3-мя пулеметами. Я был первым номером (пулеметчик), а ваш сын был другим номером моего пулемета. Он мне помогал. Мы пошли далеко в тыл финнам. Они нас обнаружили и началась битва. Наша рота сражалась с финнами в их тылу. Они нас окружили и мы думали, что будет смерть. У нас было на 3 пулемета 60 лент. Врага мы смяли [?]. Враг растерялся, а мы использовали момент и вырвались из кольца.

27/II нашей дивизией был прорван фланг [противника] и мы далеко забрались в тыл финнам, взяли без боя финский штаб и с малым боем станцию Пяру. На станции Пяру наша рота пошла на 20 часов на отдых. В этот момент у нас вышло много [бойцов] из строя, а потому меня, красноармейца (Сорочинского) поставили командиром отделения, а вашего сына пулеметчиком (первый номер). Так мы и дальше действовали. Он у меня был честный боец-пулеметчик. Я его благодарил, когда мы были отозваны от кухни и он меня угощал сырой брюквой, желтой.

С[о] станции Пяру фронт отошел на 10 км, и там финны укрепились за желез[ной] дорогой. В нашем батальоне силы были малы и мы дальше врага не могли еще так быстро гнать. Возле этой ж[елезной] д[ороги] мы держали оборону и подтягивали силы с нашего батальона.

4 марта в 5 часов дня был дан приказ: разгромить врага в укреплении и взять его в плен. Я посадил свое отделение на танки с пулеметами за специальные щиты и двинулась наша рота с танками на врага. Враг отступил и сконцентрировал силы возле укрепления. Мы остановились, слезли все с танков. Танкисты и пехота пошли по сгоревшим домам, которые бросили финны. Мы подсушили валенки и портянки, рукавицы, согрели руки и снова стали атаковать врага. Враг чтоб остановить движение нас, открыл сильный огонь с трех сторон. Ваш сын сидел за пулеметом и вел огонь с танка, я наблюдал за размещением врага. Враг сконцентрировал огонь по нашему танку, ибо на нем был наш взвод с 2-мя пулеметами и не давал дышать врагу.

С близкого расстояния, прямой наводкой он ударил по нашему танку, разбил оба пулемета станковых. Одного пулеметчика ранило в голову (разбило череп), а вашему сыну снарядом отбило голову. Тулуп с пулеметами полетел, а вашего осталась сверху на танке. Другим снарядом мне разбило руку и я полетел в снег. До утра враг наголову был уничтожен, не смотря на то, что он сидел в доте. Так за родину погиб ваш сын. На 8/III я добрался до фронтового госпиталя и был отправлен в Ленинград. Оттуда в Крым в санаторий, лечить руку. Сейчас снова в армии, только болит рука, не знаю, что будет дальше.

Хорошо помню вашего сына. Он был очень тихий, скромный, всегда просил меня ночью, чтоб я отпустил его к танку посушить валенки и портянки, рукавицы и разморозить хлеб, когда был, и я его отпускал, заняв сам его место. Через 30—40 минут он приходил от танка, веселый с сухими портянками и снова лежал на 50 градусном морозе, на снегу за пулеметом, держась за ручки и готовый каждую минуту 100 пуль выпустить по врагу.

Помню еще номер. Мы заняли деревню, приняли оборону и он попросился у меня, чтоб я отпустил его. Он пошел и снова возвратился, принес мне хороших кислых финских яблок и сала. Помню, когда 1/III мы с ним варили картошку на догорающем финском доме, ибо наша кухня была в тылу.

Ну это кратко будет и все.
С приветом.

Красноармеец Сорочинский.

За вашего сына будет не один враг уничтожен, если еще посмеет на нас напасть. Извините, что так плохо пишу, потому что стою в карауле и нет времени. Все это мне про вас сказал Середа (с вашего села).

Прошу, напишите мне письмо. У меня брат, так сам с этого года [что и ваш сын] там убит, а [другой брат], с 1917 года, еще в госпитале, отбита нога.
27/VII-40.

Там же.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Младший лейтенант Тетерин М. В. воевал в составе 3-го артиллерийского полка 18-й стрелковой дивизии 8-й армии на Петрозаводском направлении. Погиб в феврале 1940 г.
2. Красноармеец Булыгин В. И. воевал в составе 402-й отдельной телеграфно-строительной роты 14-й армии на Кандалакшском направлении. Погиб в декабре 1939 г.
3. Поселок в Карелии.
4. Город в Ленинградской области.
5. Красноармеец, затем младший командир Меженный К. Н. воевал в составе 469-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 13-й армии на Карельском перешейке. Погиб в феврале 1940 г.
6. Красноармеец Тимофеев И. Т. воевал в составе отдельного лыжного батальона (более точные данные не установлены). Погиб в марте 1940 г.
7. Город в Тверской области.
8. Город в Псковской области.
9. Имеется в виду заключение Договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и созданным советским руководством народным правительством Финляндской Демократической Республики, который был подписан в Москве 2 декабря 1939 г. В. М. Молотовым и О. В. Куусиненом.
10. Город в Марийской республике.
11. Красноармеец Васин В. А. воевал в составе 367-го стрелкового полка 168-й стрелковой дивизии 8-й армии на Петрозаводском направлении. Погиб в январе 1940 г.
12. Город в Вологодской области.
13. Младший командир Смирнов В. В. воевал в составе 205-го стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии 14-й армии на Мурманском направлении. Погиб в марте 1940 г.
14. Ныне поселок Печенга Мурманской области.
15. Эркко Эльянс (1895—1965) — министр иностранных дел Финляндии в 1939 г.
16. Каяндер Каарло (1879—1943) — премьер-министр Финляндии в 1937—1939 гг.
17. Бек Юзеф (1894—1944) — министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг.
18. Красноармеец Малашихин И. П. воевал в составе 316-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии 8-й армии на Петрозаводском направлении. Погиб в 1940 г.
19. Поселок в Карелии.
20. Красноармеец Абакумов А. (отчество не установлено) воевал в составе 81-го стрелкового полка 54-й стрелковой дивизии 9-й армии на Ухтинском направлении. Пропал без вести в 1940 г.
21. Красноармеец Патлай А. М. воевал в составе 344-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии 7-й армии на Карельском перешейке. Погиб в марте 1940 г.
22. Младший лейтенант Сивохин Е. С. воевал в составе 15-го стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии 13-й армии на Карельском перешейке. Погиб в феврале 1940 г.
23. Красноармеец Ивах И. И. воевал в составе 17-го отдельного лыжного батальона 9-й армии на Ребольском направлении. Пропал без вести в 1940 г.
24. Красноармеец Кабанов П. С. воевал в составе 320-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии 15-й армии на Петрозаводском направлении. Погиб в марте 1940 г.
25. Медработник Колосова служила в эвакуационном госпитале № 2011 г. Ленинграда (более точные данные не установлены).
26. Лейтенант Лопухин А. И., уроженец г. Великий Устюг Вологодской области, умер от ран в эвакуационном госпитале № 2011 г. Ленинграда 29 марта 1940 г. Похоронен на Пискаревском кладбище (более точные данные не установлены).
27. Данные не установлены.

**Публикация Виктора СТЕПАКОВА
С.-Петербург.**

«На этом вопросе мы ломаем их антисоветское упорство...»

(Из переписки Сталина с Молотовым по внешнеполитическим делам в 1946` году)*

Для продолжения работы над проблемами послевоенного урегулирования, начатой в Лондоне и Москве, в конце апреля 1946 г. в Париже собралась вторая сессия Совета министров иностранных дел великих держав. К тому времени отношения между союзниками заметно обострились: обе стороны определились с новым «главным противником» в лице друг друга, администрация Трумэна все больше смыкалась с англичанами на антисоветской основе (в Вашингтоне даже началась проработка планов «большой войны» с СССР). Уже прозвучала фултонская речь Черчилля о «железном занавесе», а в марте—апреле разразился первый открытый конфликт между союзниками в Совете Безопасности ООН по «иранскому вопросу», в котором перевес оказался на стороне Запада. Тем не менее обе стороны были по-прежнему заинтересованы в скорейшем подписании мирных договоров с бывшими сателлитами Германии, и это давало шансы на успех.

На сей раз — после уступок Запада по Румынии и Болгарии на Московском совещании министров — СССР не возражал против участия Франции в обсуждении мирных договоров с Балканскими странами, вновь рассчитывая на использование противоречий между западными союзниками. И действительно, имея коммунистов в правительстве и Красную Армию по соседству в Германии, министр иностранных дел Франции Ж. Бидо при всей своей солидарности с англосаксами не мог позволить себе столь же жесткий тон в разговоре с Москвой, откровенно предупредив их в самом начале сессии, что «при нынешнем состоянии французских сил» и угрозе русской оккупации Франции от него нельзя ждать очень сильной пози-

ции» (француз, как не без иронии отмечалось в американской записи этой беседы, уже решились «казаки на площади Согласия»)¹.

Сессия началась 25 апреля с обсуждения предложения Бирнса о договоре по демилитаризации Германии и проблемы итальянских колоний. По первому вопросу уклончиво-отрицательная позиция СССР, определенная Сталиным еще в сентябре 1945 г., осталась неизменной, тогда как Бевин и Бидо поддержали Бирнса. Что касается бывших итальянских колоний, то советское руководство не оставляло попыток стратегического проникновения в Средиземноморье и даже тайно пробовало заручиться поддержкой компартий Франции и Италии в этом деле. М. Торезу и П. Тольятти были переданы почти идентичные разъяснения Молотова о целях этой советской комбинации как совпадающих с интересами самих этих стран. «По мнению московских друзей, говорилось, например в депеше для французов, демократической Франции было бы выгодно, чтобы СССР получил выход из Черного моря и мог бы принимать непосредственное участие в делах Средиземного моря, где Англия стремится занять чуть ли не монопольное положение против интересов других средиземноморских государств и где весьма увеличилось влияние Соединенных Штатов»².

В работу взяли и простых советских людей, которым пропаганда принялась объяснять, зачем Советскому Союзу понадобилась далекая Триполитания. Указания газетам из секретариата Молотова на сей счет были столь же ясны, сколь трудновыполнимы. «Нам бы хоть одну итальянскую колонию взять под опеку — индивидуальную или коллективную», — записывал под телефонную диктовку главный редактор «Правды» П. Н. Поспелов лейтмотив за-
казанной статьи³.

* Продолжение. Начало см.: Источник. 1999. № 2.

На Парижской сессии советская делегация в соответствии с новыми инструкциями на сей раз заняла более гибкую позицию, признав возможность наряду с индивидуальной и совместной (союзно-итальянской) опеки, при которой главный администратор назначался бы страной-союзником (в т. ч. и Советским Союзом), а его заместитель — Италией. Однако упорные попытки Молотова разменять эту уступку на что-нибудь более серьезное ни к чему не привели. По этому вопросу у Бирнса были жесткие инструкции Трумэна — «стоять на своем, и если надо — послать их (русских. — В. П.) ко всем чертям». Вдобавок Бирнс в беседе с Молотовым затронул вопрос о целях советской политики, демонстративно задавшись вопросом: безопасность это или экспансия? Молотов ушел от этого обсуждения, что сразу же было замечено в Кремле, ибо министр весьма

ной позиции, а отстаивать позицию обличения и наступления против империалистических тенденций США и Англии». В следующей телеграмме Сталин добавляет к этому еще один козырный аргумент — ссылку на самого себя. «Бирнс говорил тебе об экспансионистских тенденциях СССР и о том, что нужно доказать отсутствие таких тенденций у СССР. В ответ на это заяви Бирнсу, что, как видно, он разделяет клеветническую позицию Черчилля, высказанную им в его антисоветской речи в США, раскритикованной Сталиным. В таком случае это обстоятельство дает повод Советскому правительству разрешить советской печати сделать ряд выступлений против империалистической политики правительства США. Бирнс может быть уверен, что советская печать имеет возможность опубликовать достаточное количество соответствующих материалов».

*Гарри Трумэн,
президент США.*

объективно докладывал Сталину содержание своих бесед. «Считаем, — строго ответил «Хозяину» от имени «Инстанции», — что в беседе с Бирнсом Вы вели себя не совсем правильно. Бирнс наступал, а Вы оборонялись, тогда как Вы имели все основания наступать». Приведя конкретные примеры «наступательной аргументации» (базы и войска США за рубежом), Сталин в заключение наказывал «не держиваться оправдательной и оборонитель-

Подходящий случай расквитаться с Бирнсом и оправдаться перед вождем представился 5 мая, когда Молотов пригласил американца в советское посольство на ужин. После ужина министр сделал очередной заход по одной из самых болевых проблем на сессии — итало-югославской границе и статусу Триеста, в которой СССР поначалу полностью поддерживал территориальные претензии Югославии. При этом Молотов намекнул, что в обмен на

Триест югославы могут отказаться от требований репараций с Италии. Бирнс, однако, был непреклонен, подчеркнув, что «США ни при каких обстоятельствах не согласятся на передачу преимущественно итальянского по населению города Триест Югославии только потому, что та была союзником и чтобы сделать уступку СССР»⁴. Тут-то Молотов в дуэте с присутствовавшим на ужине А.Вышинским и навалился на Бирнса во всеоружии сталинской аргументации, начав с лирического запева о том, что «в мире нет почти ни единого уголка, куда бы США не обращали своих взоров...». «Молотов с Вышинским, — гласит американская запись беседы, сделанная опытным дипломатом Ч. Боленом, — перевели дискуссию в более широкий план, выдвинув целую серию явно пропагандистских обвинений в поддержку тезиса о том, что США ведут политику «империалистической экспансии». М-р Бирнс решительно раскрыл полную абсурдность этих обвинений...»⁵

В ответ на отпор находчивого Бирнса («нет ни одного района в мире, в котором СССР не проявлял бы своих претензий...») Молотов почти дословно озвучил инструкции вождя: «Как видно из слов Бирнса на счет стремления СССР к экспансии и пр., — зафиксировано в советской записи беседы, — Бирнс разделяет клеветнические заявления Черчилля в его антисоветской речи в США... На самом же деле к экспансии стремится не СССР, а определенные круги в США, и советская печать, если ее не будет сдерживать Советское правительство, может опубликовать достаточное количество материалов, разоблачающих империалистические поползновения этих кругов»⁶.

А вот та же батальная сцена в победной реляции Молотова Сталину: «Бирнс заторопился уходить, продолжая защищаться и заметив, что в последнее время он слышал о статьях в советской печати, критикующих политику США. Повторяя и дополняя нашу критику экспансионистской политики США, мы закончили беседу. Думаю, что в другой раз Бирнс неохотно будет начинать затевать беседы с выпадами на счет внешней экспансии в политике СССР». Американцы остались при убеждении в неподдельности молотовской вспышки. «Было очевидно, — заключил Болен, — что Молотов и Вышинский заняли эту абсурдную пропагандистскую линию просто потому, что увидели, что США не готовы на сделку с ними в вопросе о Триесте»⁷. Не знали они, что министру нужно было просто отчитаться о проделанной работе по устранению допущенных ошибок.

Запрограммированный на отпор, Молотов уже не упускал возможности отвесить англосаксам в тройном размере. Стоило Бевину на следующий день после памятного советско-

американского ужина вскользь намекнуть на неких «новых охотников» до старого империализма, как Молотов обрушил на него тот же шквал контробвинений, приравняв в длинном монологе и самого Бевина к поджигателю войны Черчиллю. Явно не ожидавший столь неадекватной реакции англичанин в ответ сказал лишь, что был рад предоставить своему советскому коллеге возможность «выговориться».

Все же несмотря на перебранку дипломатический торг понемногу продвигался вперед: Молотов сделал еще одну уступку по итальянским колониям, сняв требование предоставления СССР средиземноморской базы для торгового флота, Бирнс продвинулся к признанию советской цифры в 100 млн долл. в качестве репараций с Италии, были решены и некоторые технические вопросы подготовки мирных договоров. Оставшиеся проблемы было решено доработать на следующей сессии СМВД и Парижской мирной конференции летом — осенью того же года.

Анализируя настроения в Москве к моменту открытия второго раунда Парижского СМВД, посол США У.Смит телеграфировал американской делегации в Париже: «... хотя советская делегация настроена очень пессимистично в отношении исхода Парижской конференции, они, как и мы, стремятся избежать полного разрыва». Отметив смягчение советской пропаганды по Италии, посол предположил возможность более гибкой линии СССР в вопросе о Триесте⁸.

Смит оказался прав как в целом, так и по Триесту. Уже на первых заседаниях сессии в позициях сторон наметились заметные подвижки. Бирнс и Бевин согласились рассмотреть в качестве основы итало-югославской границы «французскую линию» (из трех исходных западных позиций она была наименее антиюгославской), а порт в Триесте сделать международным. Французское предложение на сей счет предусматривало интернационализацию всего Триеста. Молотов, со своей стороны, согласился с предложением Франции передать бывшие итальянские колонии под опеку Италии, стараясь увязать эту уступку с передачей Триеста Югославии и рассчитывая вбить клин между французами и англосаксами. После этого, однако, переговоры зашли в тупик. Максимум, на что согласился Бирнс за очередным ужином с Молотовым 21 июня, это повнимательней отнестись к французскому предложению по Триесту, заключив (согласно советской записи беседы), что «он, Бирнс, исчерпал всю свою изобретательность и теперь очередь за Молотовым»⁹. Однако Молотов продолжал привычную тактику «измора», все еще надеясь сломить упорство американцев. «И на этой беседе, — докладывал он Сталину, — я считал еще пре-

*Эрнст Бевин, король Георг VI и Джеймс Бирнс
(в кулуарах сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Лондон, январь 1946 г.).*

ждевременным проявлять инициативу в подыскивании компромисса, но подталкивал Бирнса, чтобы он выкладывал какие-либо новые уступки, кроме неприемлемого предложения Бидо».

По официальной версии советских времен, Молотов тем самым оказался перед ловушкой, подстроенной коварными союзниками. Французское предложение по Триесту, говорится в многотомной «Истории дипломатии», это был «хорошо продуманный ход, инспирированный Англией и США. Расчет был построен на том, что советская делегация отвергнет французское предложение. Это позволило бы обвинить ее в срыве совещания, прекратить переговоры и созвать мирную конференцию, на которой США и Англия оказались бы хозяевами». Неизвестно, чем бы закончилась эта хитрая комбинация, если бы в дело не вмешался Сталин, который то ли разгадал «козни союзников», то ли просто почувствовал даже на расстоянии, что лимит их уступок действительно исчерпан.

«Я думаю, что не стоит срывать парижское совещание министров из-за вопроса о Триесте, — отчеканивал в ответ «Дружков» (тогдашний псевдоним Сталина в шифропереписке). — Как видно, союзники не согласятся передать город Триест и порт Триест Югославии. Если будет согласие по всем другим вопросам, в том числе по вопросу о Болгарии¹⁰, тебе сле-

довало бы пустить в ход мемельский вариант. Если режим Мемеля в отношении Триеста не будет принят, можно было бы выдвинуть модус, аналогичный предложению Тольятти, т. е. интернационализацию порта Триеста и кондоминиум Югославии и Италии в отношении города Триеста¹¹. Только в самом крайнем случае можно пойти на режим Данцига¹². При всех условиях граница между Югославией и Италией должна проходить несколько западней «французской линии» или, по крайней мере, по «французской линии».

Обращает на себя внимание уверенное владение Сталиным сутью сложной триестской проблемы. Он задает Молотову сразу две резервные позиции в изменение имевшейся у того директивы, борьба вокруг которых и определила в конце концов развязку «триестского узла». Таким образом, возвращаясь к «Истории дипломатии», «советская делегация сорвала этот маневр, заявив, что после внимательного изучения французского плана она согласна принять его в качестве базы для дискуссии»¹³. Но произошло это не сразу.

На следующий же день в беседе с Бирнсом Молотов сначала осторожно подбрасывает «мемельский вариант» — югославское управление Триестом (под контролем четверки союзников) подобно тому, как в отторгнутом от Германии межвоенном Мемеле (Клайпед),

«где, хотя немцы составляли там 75% населения, губернатор назначался Литвой и где статут был гарантирован несколькими державами»¹⁴. Еще через день, столкнувшись с сопротивлением Бирнса этому варианту и одновременно добившись его согласия на увязку триестского узла с другими спорными вопросами, Молотов в соответствии с инструкциями вытаскивает следующий вариант — двойной суверенитет Югославии и Италии над Триестом по образцу франко-испанской Андорры. Но и эта формула была отвергнута союзниками. В ходе длительных и напряженных дискуссий Молотову пришлось отступить к последнему из запасных вариантов. 3 июля Совет остановился на компромиссном решении объявить Триест «свободной территорией», и дальнейшие споры разгорелись вокруг статута об управлении ею. Советская сторона продолжала усматривать в намерениях западников по Триесту далеко идущие стратегические замыслы. «Видно, — подытоживал Молотов в отчете Сталину от 4 июля, — что вопросу о Триесте американцы и англичане придают весьма важное значение, считая Триест опорным пунктом их контроля и воздействия на Балканах. Этим я объясняю задержку совещания».

Другим спорным вопросом на сессии стало обсуждение подходов к решению германской проблемы. США продолжали проталкивать план Бирнса о демилитаризации Германии, считая, что ведут беспроектную игру, поскольку в случае его отвода советской стороной ее постоянные ссылки на германскую угрозу оказались бы заметно девальвированы. Советское отношение к плану было окончательно и детально определено в ходе крайне редкого для сталинского Кремля широкого обсуждения путем опроса, в котором приняло участие 38 членов высшего партийно-государственного и военного руководства. Общий вывод участников (предрешенный, как уже говорилось, Сталиным еще осенью 1945 года) был практически единодушным: проект США нацелен на вытеснение СССР из Германии и должен быть отвергнут. Наиболее ясно уловил долгосрочную стратегическую опасность этого предложения для военного присутствия СССР в Европе маршал Жуков, отозвавшийся о нем по военному четко: «Американцы желают как можно скорее закончить оккупацию Германии и удалить вооруженные силы СССР из Германии, а затем поставить вопрос о выводе наших войск из Польши, а в дальнейшем — и из Балканских стран». Другую опасность подобной демилитаризации Германии участники обсуждения не без оснований видели в том, что в невоенном соревновании за влияние в этой стране преимущество было бы не на стороне СССР. «Принятие предложения Бирнса, — подчеркивал,

например, заместитель Молотова С. Лозовский, — привело бы к ликвидации оккупационных зон, к выводу наших войск и политическому объединению Германии и к экономическому господству Соединенных Штатов над Германией. Экономическое и политическое объединение Германии под руководством американцев означало бы и военное возрождение Германии, а через несколько лет — германо-англо-американскую войну против СССР».

Молотов в Париже подготовил развернутое публичное заявление по этому вопросу — «О судьбах Германии и о мирном договоре с ней», внешне мотивируя советские возражения тем, что проект Бирнса оставлял в стороне вопросы репараций и демократизации политического строя Германии. Проект заявления, как водится, был послан на одобрение Сталину, который внес лишь одну, но весьма серьезную поправку, проясняющую его подлинные мотивы в отношении оккупации Германии, которые были сродни жукковским. Было исключено предложение, в котором в связи с советским требованием 10-миллиардных репараций с Германии говорилось: «Когда будет обеспечено выполнение этих репарационных поставок, отпадет необходимость в оккупации германской территории». «Это необходимо, — пояснял свою правку Сталин, — так как мы не можем на данном этапе ограничить срок оккупации сроком выплаты репараций». Советский отказ от плана Бирнса обернулся, как и рассчитывали его авторы, пропагандистским выигрышем для Запада, общественное мнение которого расценило этот шаг Москвы как подтверждение ее скрытых экспансионистских намерений и притворности ее опасений насчет возрождения германской угрозы. «Блеф Сталина разоблачен!» — торжествовал президент Трумэн в кругу своих советников¹⁵.

Помимо отпора американцам пришлось реагировать и на очередное французское предложение по Германии, предусматривавшее отделение от нее Рейнской области и Саарского угольного бассейна (с передачей последнего во французское управление), а также интернационализацию Рура. Последнее совпало с советской позицией, и потому Сталин при всем своем раздражении поведением союзников по германскому вопросу указывает Молотову на возможный компромисс. «Мы считаем опасной политику англо-американцев и французов выхватывать из германской проблемы отдельные вопросы и решать их в свою пользу. Можно пойти на предложение Бидо при условии, если англичане, американцы и французы откажутся от отделения Рура и Вестфалии от Германии и признают за нами право на репарации в размере 10 млрд. долларов». Однако времени для обкатки этой сталинской идеи

уже не осталось — Парижская сессия СМИД завершила свою работу.

Под занавес Молотову удалось добиться согласия союзников на общий уровень в 100 млрд долл. репараций с Италии в пользу СССР, связав этот вопрос с советским согласием на созыв мирной конференции. На сей раз «на грани срыва» балансировала советская сторона. «При такой постановке, — писал Молотов «Дружкову», — мы в крайнем случае срываем Парижское совещание на вопросе о репарациях, если это допустят наши партнеры, которые тем самым возьмут на себя ответственность за этот срыв. Мы не думаем, что они на это отважатся, но если даже отважатся, то они окажутся в невыгодном политическом положении, отказывая Советскому Союзу в его законных скромных требованиях. Мы думаем, что у нас больше оснований рассчитывать на то, что на этом вопросе мы сломаем их антисоветское упорство, что для нас вдвойне выгодно.

При этом мы считаем, что по вопросу о Триесте и югославской границе мы договорим-

ся на поправках к проекту Бидо». Сталин согласился с предложенной тактикой, которая на сей раз себя оправдала.

Помимо подвижек по мирному договору с Италией на сессии были в основном согласованы проекты мирных договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, причем на условиях, близких к советским. Совещание в Париже, сообщил Молотов в итоговой информации совпослам за рубежом, «привело к тому, что по всем важным вопросам мы достигли приемлемых для нас решений».

Последовавшая за этим в июле—октябре Парижская мирная конференция подтвердила достигнутые на сессии договоренности, но практически не сдвинула с места решение оставшихся спорных проблем — статута Триеста, репараций с Италии в пользу остальных стран, итальянских колоний. Все попытки Молотова и «братских» делегаций (Украины, Белоруссии, Чехословакии, Польши, Югославии) скорректировать позицию Запада по этим вопросам наткнулись на упорное сопротивление

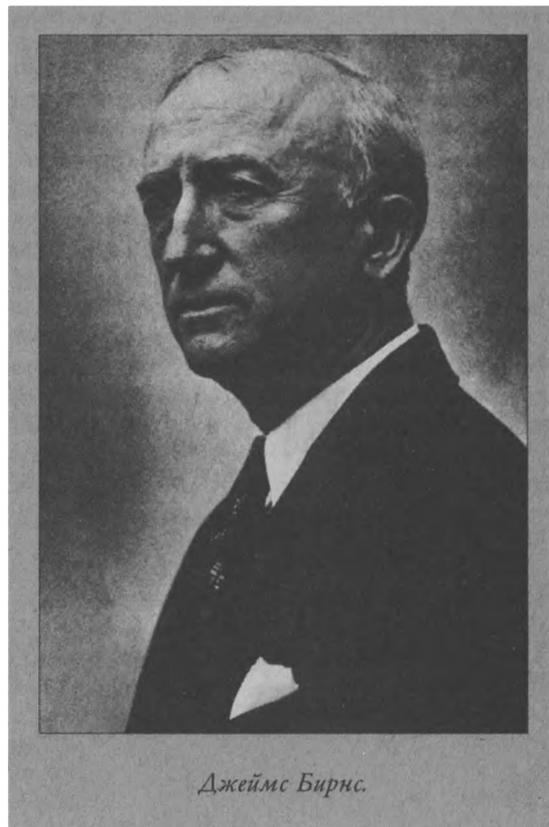
«Трудное ухаживание» (Молотов, Бевин и Бирнс — английская карикатура конца 1945 г.).

проамериканского большинства. Мало того, Бирнс и Бевин срежиссировали принятие этим большинством ряда рекомендаций Совету министров иностранных дел, направленных на ревизию некоторых из достигнутых им договоренностей.

По существу, это было первое публичное (по настоянию США) столкновение враждебных коалиций, двух «машин голосования», возглавляемых новыми сверхдержавами. Яркую, хотя и пристрастную зарисовку атмосферы конференции дал спецкор «Правды» в Париже Ю. Жуков в доверительном письме своему шефу — главному редактору газеты П. Н. Поспелову: «Все обнажено до предела, никто не скрывает, что речь идет о борьбе двух систем, и дипломатии как таковой почти нет. Когда Бирнс чувствует, что дело доходит до жизненных интересов капитала, он дает команду и пятнадцать рук автоматически поднимаются вверх, независимо от того, логична или нелогична, справедлива или несправедлива позиция США». «Наша делегация, — добавлял очевидец, — на голову выше всех остальных, и не было еще случая, чтобы они сумели по существу отразить аргументацию Вячеслава Михайловича или Андрея Януарьевича»¹⁶. Последний дифирамб можно было бы считать дежурным подхалимством, если бы он не совпадал с оценкой куда более строгого и независимого судьи. «Я считаю, — передавал в Париж Сталин, — что делегация ведет себя превосходно, а речи Молотова и Вышинского вполне соответствуют интересам нашего дела».

Превосходство Молотова как неутомимого переговорщика сквозь зубы признавали и его западные партнеры. «Признаюсь, — писал тогда в своем дневнике главный ястреб американской делегации сенатор А. Ванденберг, — что восхищен тем упорством, с которым Молотов отстаивает свои позиции», а его коллега по сенату и делегации Т. Коннэлли называл Молотова «одним из самых способных дипломатов, которых я знал»¹⁷.

Свои проблемы для советских представителей на конференции создавали не только бывшие, но и новые союзники. Так, в начале сентября югославская делегация, недовольная уступками СССР в вопросах о границе с Италией и о Триесте, пригрозила покинуть конференцию. Позиция Югославии, сообщил Молотов «Дружкову», «представляется мне плохо продуманной». Одно дело — угроза неподписания мирного договора как средство давления, и другое — уход с переговоров, который поставит в «неловкое положение СССР», а главное — может привести к тому, что «тогда в Триесте останутся англо-американские (или итальянские) войска, что гораздо хуже компромиссного решения четырех министров». Юго-

Джеймс Бирнс.

славов в конце концов удалось уломать.

Молотов в своем итоговом отчете Сталину о работе конференции выделял заглавную роль США в сколачивании «западного блока»: «Сказалась наметившаяся в США, особенно после прошлогоднего Московского совещания трех министров, тенденция в вопросе усиления реакционного курса, для которого даже демократия в пределах бывшего статуса Данцига оказалась неприемлемой в отношении Триеста». Главным достижением своей делегации министр считал срыв «плана Бирнса — Бевина изолировать СССР и навязать свое превосходство; напротив, удалось доказать морально-политическое превосходство Советского Союза перед его противниками». На сей раз Сталин остался доволен работой своих дипломатов, действовавших вполне в духе «стойкости и выдержки». «Вашу оценку работы советской делегации на Парижской мирной конференции считаю совершенно правильной, — отвечал он Молотову. — Делегация хорошо выполнила поставленную ей задачу».

Во время конференции Сталин поправил Молотова лишь в одном: когда тот, в ответ на предложение союзников ликвидировать Союзную контрольную комиссию в Италии, предложил Сталину, в отместку, не дожидаясь подписания мирных договоров, упразднить аналогичные комиссии в Балканских странах и Финляндии. «Дружков», — пришел ответ из Моск-

вы, — дал указание не торопиться с нашим соглашением на ликвидацию Союзной комиссии в Италии и воздержаться от посылки нашего письма американцам и англичанам об упразднении СКК в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии». Хотя фактически реальное сотрудничество союзников в этих органах давно прекратилось, Сталин, судя по всему, считал более целесообразным на время сохранить его видимость, более устраивавшую СССР, который довлел во всех этих комиссиях, кроме итальянской.

Во время Парижской конференции произошел еще один маленький, но очень характерный эпизод. На одном из военных парадов в Париже, до которых французы были большие охотники, советскому министру отвели место во втором ряду, по соседству с представителями малых стран. В ответ Молотов демонстративно покинул парад, но сообщил об этом случае Сталину, решив все же выяснить его мнение, а может быть, просто напрашиваясь на похвалу: «Не знаю, правильно ли я поступил». «Я считаю, — отвечал «Дружков», — что ты поступил совершенно правильно, покинув французский парад. Достоинство Советского Союза следует защищать не только в главном, но и в мелочах». Видно, насколько ревностно относился Сталин к новообретенному образу СССР как великой державы, старательно поддерживая соответствующий психологический настрой своих подчиненных.

Между тем парижские переговоры были лишь малой частью забот вождя, проводившего тогда на юге свой второй послевоенный отпуск. В стране возник голод, вызванный неурожаем и усугубленный коррупцией чиновников, с которой Сталин боролся привычными ему методами разносов и чисток. В конце сентября он устроил выволочку другому своему заму по правительству — А. И. Микояну (недавно награжденному им же орденом Ленина в связи с 50-летием) за провал в заготовках и экономике хлеба, наказав Политбюро «никакого доверия в этом деле не оказывать т. Микояну, который благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения... «Конечно, я, да и другие, не могут ставить вопрос так, как это Вы умеете, — ловко каялся провинившийся орденосолец. — Сделаю все, чтобы извлечь нужные уроки из Вашей суровой критики, чтобы она пошла на пользу мне в дальнейшей работе под Вашим отцовским руководством». Сталин также потребовал от Политбюро, чтобы пятидневные сводки Министерства торговли о продаже хлеба давались уже на следующий, а не на пятый день по истечении отчетного периода. «Я подозреваю, — писал он, — что запутанность в деле регулярных сводок о продаже хлеба создается умышленно, чтобы

дать возможность ворами и грабителям из аппарата карточной системы безнаказанно обворовывать и грабить государство». Да и во внешних делах как было одному уследить за всем, если все полагались только на его мудрость?

Сколько времени и сил было потрачено на выкручивание рук Тегерану в навязывании ему выгодной для СССР нефтяной концессии, а все-таки проглядели лазейку, с помощью которой иранцы избавились от нее. В конце сентября Сталин шлет Молотову и другим членам внешнеполитической «шестерки» Политбюро разносную шифровку о вскрытой им «ошибке Мининдела» в этом вопросе: семимесячный срок, предоставленный МИДом иранскому правительству, истекает в октябре, а выборы в меджлис, который должен ратифицировать договор о концессии, еще даже не назначены; в результате «концессия может повиснуть в воздухе». В ответ следует выговор послу Садчикову как «не обеспечившему выполнение Ираном проведения договора через меджлис», а также срочная нота иранскому правительству. Но концессия-таки «повисла в воздухе», не дождавшись ратификации. Пришлось отказаться и от дальнейшего нажима на Турцию по вопросам Проливов и территориальных претензий, столкнувшись с жестким отпором союзников, которые начали военные приготовления в защиту Турции.

На таком фоне ситуация с мирными договорами выглядела весьма благополучно. Для завершения работы над ними в Нью-Йорке собралась следующая сессия СМВД (4 ноября — 12 декабря 1946 г.). Хотя решить предстояло всего несколько вопросов, главными из которых были статут Триеста и репарации с Италией, дискуссия поначалу опять приняла затяжной характер. Молотов, недаром прозванный еще Лениным «железной задницей», Ф. Рузвельтом — «каменной», а Черчиллем — человеком, «сработанным из куска сибирского гранита», надеялся пересидеть и переспорить своих западных партнеров, дожав их хотя бы по основным вопросам. Но искушенный парламентский ритор Бирнс и набивший руку в торгах с капиталом бывший профсоюзный босс Бевин тоже были «твердыми орешками», и позиции сторон сбижались очень медленно.

В вопросе о репарациях обе стороны старались оградить своих союзников за счет чужих: Советский Союз — Болгарию, Югославию и Албанию; англосаксы (а с ними и французы) — Италию и Грецию. Но если греки и итальянцы полностью согласовывали свои шаги с опекунами, то строптивые югославы продолжали преподносить Кремлю сюрпризы. Возникшую в результате пикантную ситуацию с болгарскими репарациями наглядно описал сам Молотов в депеше «Дружкову». «На Парижской конфе-

ренции было принято против наших голосов, что Болгария должна заплатить 125 млн. долл. репараций Греции и Югославии, которые должны получить поровну. Югославы тогда же предложили общую сумму репараций Болгарии в 25 млн., из них 16 млн. (60%) Югославии, остальные — Греции.

Нам дана директива — 45 млн., из которых 30 млн. — Югославии, 15 — Греции, что теперь не подходит.

Из предыдущего ясно, что англо-американцам теперь не особенно будет удобно признать цифру репараций, которая значительно ниже принятой на конференции. Вместе с тем югославы сгруппировались, предъявив свои требования в сумме 16 млн., что делает неудобным, чтобы СССР требовал для Югославии больше, чем сами югославы. Прошу разрешения нам договориться здесь на такой базе: Греции — 25, максимум 35 млн., Югославии — столько же, как и Греции, но допустить понизить эту цифру для Югославии до 15 млн.». Что касается репараций с Италии, то здесь складывалась следующая картина: Парижская конференция согласилась выделить по 100 млн СССР, Греции и Югославии, а также 25 млн — Эфиопии. Молотов в своей депеше Сталину из Нью-Йорка предлагал «добиваться 150 млн. для Югославии, 25 млн. — для Албании, но имея в виду сопротивление партнеров... согласиться в крайнем случае на 100 млн. для Югославии и 10 млн. — для Албании». Сталин утвердил эти показатели.

Однако дальнейший торг по репарациям затянулся, как и тяжба вокруг статута Триеста, в которой союзники выступали за сильную власть губернатора и не спешили с выводом оттуда своих войск, а СССР с Югославией хотели ограничить его полномочия и поскорее вывести английские и американские войска из Триеста. 25 ноября состоялась беседа Молотова с Бирнсом, на которой Бирнс уверял своего «советского друга», что США и Англия не собираются задерживаться в Триесте, и пошел навстречу в нескольких мелких вопросах. Молотов, со своей стороны, ратовал за ускорение переговоров и в целом был настроен более оптимистично, чем американец¹⁸. «Твоя беседа с Бирнсом производит благоприятное впечатление, — писал ему через день «Дружков». — Советую пойти на все возможные уступки Бирнсу для того, чтобы кончить наконец с договорами. Это теперь особенно необходимо нам как представителям интересов Советского государства». Терпение Сталина, видимо, подошло к концу, и он был готов не мелочиться, дабы поскорее подвести итоги войны. «Именно на этот путь решительной расшивки всех спорных пунктов, — подхватывал в ответ Молотов, — мы стали начиная с указанной беседы

с Бирнсом. Думаю, что теперь в короткий срок вопрос о договорах можно будет решить удовлетворительным образом». Последовали встречные уступки по отдельным вопросам статута Триеста и сохранения в нем западного контингента, которые стали для союзников приятным сюрпризом. Бирнс и его советники целиком приписали их собственной решимости, якобы «напугавшей» советского министра¹⁹, не подозревая, что на сей раз имели своим союзником самого Сталина. Но, даже имея разрешение на «все возможные» уступки, Молотов продолжал упорно торговаться по репарациям, пока не выпорил, наконец, к 5 декабря с Италии еще 5 млн. для Югославии и 5 млн. — для Албании (которой Запад вообще не хотел давать ни цента). Свои искомые 100 млн. получил с Италии и Советский Союз, включая запрошенные им выплаты из текущей продукции. «Насчет репараций вышло неплохо, — одобрил проделанную работу Сталин. — В крайнем случае можно согласиться на группу кораблей «Б».

Речь шла о дележе между членами «большой тройки» части итальянского военного флота, который был разбит на примерно равноценные списки «А», «Б» и «С». Однако в группу «С» входил самый большой и современный линкор «Витторио Венето», что притягивало к ней всеобщие аппетиты. Но основным претендентом здесь считалась Англия, как внесшая наибольший вклад в разгром итальянского флота. Заявку англичан из солидарности поддержали и США. «Видно, что не хотят давать Советскому Союзу современный линкор, — удрученно докладывал Молотов. — Буду настаивать на жеребьевке». Однако это изобретательное предложение тоже не прошло — вот и пришлось довольствоваться группой «Б».

Добившись повышения итальянских репараций для Югославии, Молотов под занавес работы сессии в беседе с Бирнсом по просьбе югославов попытался обменять полученную прибавку на хотя бы небольшую корректировку «французской линии» итало-югославской границы в пользу Белграда. Госсекретарь вежливо, но твердо отвел эту попытку, заметив, что «югославы слишком много просят» и что они и без того «должны быть благодарны Молотову»²⁰, с чем тот в душе, наверное, согласился.

Параллельно с сессией СМИД заседала Генеральная Ассамблея ООН, обсуждавшая среди прочего два вопроса, в которых СССР был весьма заинтересован: создание Совета по опеке (в введение которого переходил отложенный вопрос о бывших итальянских колониях) и сокращение вооруженных сил и вооружений. Информировав Сталина об обсуждении Совета по опеке, Молотов заметил, что «мы не претендуем на включение СССР в число «непосредственно заинтересованных государств»

Бевин и Молотов (в центре — переводчик).

в отношении бывших мандатов Лиги Наций (прежних владений Турции и Германии на Арабском Востоке, Тихом океане и в Африке, мандаты на управление которыми по Версальскому мирному договору были поделены в основном между Великобританией, Францией и Японией). Сталин раздраженно подчеркивает эти строчки молотовской депеши и в ответ наказывает ему занять «активную позицию заинтересованности» в данном вопросе: «Прошли те времена, когда СССР мог считать себя несущественным государством в отношении всяческих мандатных территорий... Только такая позиция дает нам возможность играть активную роль в вопросах опеки и в случае необходимости сделать своим партнерам уступки в ответ на встречные уступки». «Вопрос о мандатных территориях, — повторяет свою главную мысль Сталин, — дает нам целый ряд возможностей и средств давления на партнеров, которыми (так в тексте, ибо даже явные описки вождя никто не смел править. — В. П.) нельзя игнорировать во время торга с партнерами». Тем более, добавляет он, что для англо-американцев это «слабый», уязвимый пункт, а для СССР — сильный, демократический.

Заметим в этой позиции Сталина два важных момента, которые сразу не уловил его заместитель: принципиальный — поза великой державы, без которой уже нельзя решать даже второстепенные международные вопросы, и тактический — возможность использовать дан-

ную проблему как козырь и рычаг давления в переговорах с конкурентами. То, что судьба этих территорий мало волнует его сама по себе, видно из продолжения той же депеши. «Но не надо быть левее лидеров этих территорий. Эти лидеры, как тебе хорошо известно, в своем большинстве продажны и заботятся не столько о независимости своих территорий, сколько о сохранении своих привилегий в отношении населения этих территорий. Время еще не созрело для того, чтобы ломать нам копыя из-за судьбы этих территорий и ссориться ради этого со всем миром. В том числе и с продажными лидерами».

Эти предельно откровенные сталинские рассуждения говорят о многом: о его циничном реализме, отсутствии у него каких-либо идеологических симпатий или серьезного интереса к колониальной «периферии», и одновременно — о еще сохраняющейся ориентации на «торг с партнерами», нежелании ссориться с ними по сравнительно второстепенным вопросам.

В другой дискуссии на Генеральной Ассамблее союзники столкнулись при обсуждении советского предложения предоставить сведения о численности и местоположении вооруженных сил великих держав на территориях иностранных государств (намек на военные базы США и Англии) и торпедирующей английской поправки к нему. Несмотря на все усилия Молотова, предложение СССР не про-

ходило. Оценив ситуацию, Сталин обратился к заму с прямо-таки отеческим советом: «По твоим частым выступлениям в Комитете номер 1 я вижу, что ты нервничаешь и тревожишься насчет судьбы советского предложения. По-моему, тебе не нужно тревожиться и следует вести себя спокойнее». Вместе с тем Сталин советует «стоять на своем», поскольку «в случае провала этого нашего предложения проиграем не мы, а партнеры, ибо ясно для всех, что партнеры хотят оттянуть вопрос о предоставлении сведений о вооруженных силах на территории Объединенных Наций и бывших враждебных государств. Время от времени надо выпускать с речами Вышинского или других». На несколько обиженное предложение Молотова вообще прекратить свои выступления Сталин примирительно замечает, что он имел в виду несколько другое: «...выступать в решающий момент, чтобы увенчать дело... Я не сомневаюсь, — великодушно заключает он, — что морально-политическая победа советской делегации вне всякого сомнения, несмотря на формальную победу Бевина».

Обсуждался на сессии и вопрос о местоположении постоянной штабквартиры ООН: американцы предлагали перенести ее из Нью-Йорка в Сан-Франциско, их поддержали арабские страны — «из антисемитских соображений», как докладывал в Москву Молотов, предлагая «блокироваться с англичанами» в этом вопросе, то есть настаивать на Нью-Йорке или в крайнем случае на Филадельфии. На сей раз англо-советский «блок» победил.

12 декабря 1946 г. Нью-Йоркская сессия СМИД завершила свою работу. Были полностью согласованы мирные договоры с европейскими сателлитами Германии²¹, включая договор с Италией, в котором советской стороне пришлось уступить в вопросе о статуте Триеста. На следующий день, докладывая Сталину об итогах, Молотов резюмировал: «Короче говоря, мирные договоры для нас приемлемы во всех существенных пунктах и находятся в соответствии с установками, которые имела делегация (кроме «французской линии» границы и группы «Б» по флоту)». Более подробно реальный баланс итогов сессии подводился в одобренной Сталиным ориентировке министра для совпослов: «...Югославия не получает Триеста. Однако Триест уходит от Италии, превращаясь в свободную территорию, что представляет значительные политические и экономические выгоды для Югославии». Приемлемым называл Молотов и компромисс о выводе из Триеста иностранных войск, «поскольку решение вопросов о пребывании иностранных войск изъято из ведения Совета Безопасности, где наши партнеры могли бы затянуть решение»²².

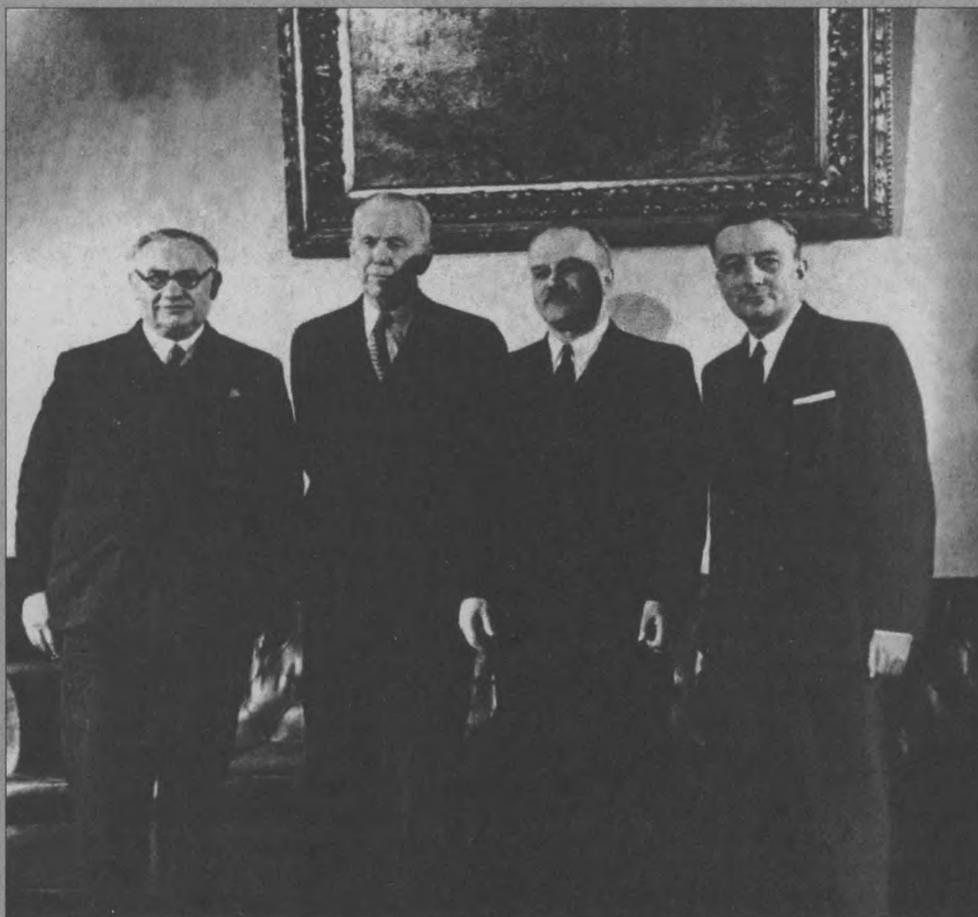
«По договору с Италией, — продолжал министр, — мы добились некоторых улучшений в экономической области, в частности в отношении репараций. По репарациям мы, после длительной борьбы, добились установления для Югославии большей суммы (125 млн. долл.), чем для Греции (105 млн.), а также репараций для Албании (5 млн.), хотя Бирнс и Бевин упорно сопротивлялись такому решению. Такое решение, разумеется, имеет крупное политическое значение, особенно в нынешних условиях нажима со стороны США и Англии в отношении Югославии и Албании, в частности в связи с вопросом о Греции²³... Надо отметить, что затеянная нашими партнерами по Парижской конференции демагогическая игра вокруг вопросов о репарациях с Венгрии, репарациях с Болгарии, об изменении греко-болгарской границы в пользу Греции кончилась провалом. Репарации с Болгарии, вместо 125 млн., принятых на Парижской конференции, были снижены до 70 млн. (45 млн. — Греции и 25 — Югославии), а границы Болгарии были утверждены без всяких изменений по состоянию на 1 января 1941 г.».

В заключение — выводы о политической оценке итогов борьбы с партнерами: «Англо-американский блок, демонстративно проводивший на Парижской конференции, иногда даже 2/3 голосов, так называемые рекомендации против интересов Югославии и Албании, и в конечном счете и по своей главной цели, против Советского Союза, не смог удержаться на этих позициях и вынужден был под нашим напором отчасти вовсе отказаться от этих рекомендаций, отчасти изменить их сущность в такой степени, что они для нас стали приемлемыми».

Подготовка проектов мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией заняла больше года, сопровождалась упорной борьбой, в которой мы отстаивали свои принципиальные позиции и защитили свои интересы и интересы дружественных нам государств».

Действительно, согласование мирных договоров при всей их компромиссности явилось немалым достижением советской дипломатии, в чем была и личная заслуга Молотова. Как пишет современный американский историк, детально исследовавший работу Совета министров иностранных дел, «Молотов явно доминировал над остальными... Куря одну папиросу за другой и поглаживая свои усы, он манипулировал партнерами как кукловод, периодически доводя Бевина до бешенства, Бирнса — до нетерпения, а Бидо — до новых компромиссных предложений»²⁴.

Однако победоносный финал этой изнурительной борьбы для Молотова оказался ис-

*Бевин, госсекретарь США Джордж Маршалл, Молотов и Бидо
(Московская сессия СМВД, 1947 г.).*

порчен. Удовлетворенный итогами сессии, Сталин все же (а может быть, именно поэтому) не смог удержаться от очередного разноса своему заместителю, найдя, а точнее создав, подходящий для этого повод. В Москве тогда проходила первая послевоенная сессия Академии наук СССР, президиум которой решил избрать Молотова, как второго человека в государстве, почетным членом Академии (сам Сталин стал им еще до войны).

Находясь в Нью-Йорке, Молотов тянул с ответом, словно предчувствуя таящиеся в этой почести неприятности. Сталин, к которому руководство Академии обратилось за поддержкой, в специальной депеше настоятельно посоветовал своему заму принять почетное приглашение. Молотов, естественно, согласился, и 30 ноября общее собрание Академии после подробного обсуждения вклада первого зампреда в «марксистско-ленинскую науку» единогласно избрало его своим почетным членом. Через день все центральные газеты опублико-

вали приветствие АН СССР в адрес своего нового члена и в его лице — «одного из ближайших соратников великого Сталина»²⁵. Аналогичное приветствие было направлено и самому вождю, но в общем газеты тех дней больше писали о Молотове — целые полосы были заполнены репортажами из Нью-Йорка и текстами его выступлений на Генеральной Ассамблее ООН, «проникнутых (по словам академика В. П. Волгина) сталинской мудростью»²⁶. Это, видимо, тоже не прошло мимо внимания первого почетного академика.

В ответ на приветствие Академии Молотов послал в адрес ее общего собрания телеграмму, в которой много говорил о гении и отце советской науки, а в конце выражал «глубокую благодарность» за «высокую честь», оказанную ему самому. Это ответное приветствие предназначалось для печати, но не попало в нее. Почему — видно из шифровки Сталина, направленной «ближайшему соратнику» как раз в день большой победы мининдел в вопросе о репа-

рациях: «Я был поражен твоей телеграммой в связи с избранием. Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почетные члены? Что значит подпись «Ваш Молотов»? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом, как избрание в почетные члены. Мне кажется, что тебе, как государственному деятелю высшего типа, следовало бы иметь больше заботы о своем достоинстве». (Тут уже не просто садизм или самодурство по принципу «ты виноват уж тем,

что хочется мне кушать», но и почти рефлекторный для Сталина и всей его «властной вертикали» позыв пнуть даже отличившегося ближайшего подчиненного, дабы тот не зазнавался и всегда помнил, кто здесь хозяин. В ответ надлежало каяться и кланяться.) «Вижу, что сделал глупость», — подавленно отвечал Молотов, добавляя вполне искренне, что «избрание в почетные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания. За телеграмму спасибо».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1946 (2). Washington. 1970. P. 204.
2. См. также: М. Наринский. Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939—1947)// Свободная мысль. 1998. № 3. С. 92.
3. РЦХИДНИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 94. Л. 182.
4. FRUS. 1946(2). P. 247.
5. Ibid. P. 248.
6. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 8. П. 1. Д. 8. Л. 32, 34.
7. FRUS. 1946(2). P. 249.
8. Ibid. P. 528n.
9. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 9. Л. 98.
10. Признание союзниками правительства Болгарии затягивалось из-за отсрочек в реорганизации его состава.
11. П. Тольятти изложил это предложение в послании Сталину и Молотову, переданному через Г. Димитрова в августе 1945 г. (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799. Л. 91, 92).
12. По условиям Версальского мирного договора г. Данциг (теперешний Гданьск) получил статус «вольного города» под управлением Лиги Наций.
13. История дипломатии (под ред. А. А. Громыко). Т. 5. Кн. 1. М. 1974. С. 44.
14. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 9. Л. 96.
15. Library of Congress, Joseph Davies Papers, Diary of J. Davies. September 30. 1946.
16. РЦХИДНИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 113. Л. 52.
17. Ward P. The Threat of Peace. James F. Byrnes and the Council of Foreign Ministers, 1945—1946. Kent (Ohio). 1979. P. 100.
18. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 13. Л. 44.
19. Byrnes J. Speaking frankly. N. Y. 1947. P. 152—154; Bohlen Ch. Witness to History, 1929—1969. N. Y. 1973. P. 255—256.
20. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 2. Д. 13. Л. 71—72.
21. Они были подписаны 10 февраля 1947 г., а вступили в силу 15 сентября того же года после их ратификации четырьмя великими державами.
22. Соглашение по Триесту, на которое советской дипломатией было потрачено столько сил, оказалось недолговечным: разногласия между его гарантами сорвали нормальное управление «свободной территорией», а в 1954 г. она была поделена между Югославией и Италией, к которой отошел и город Триест.
23. По-видимому, имелись в виду спровоцированные Грецией вооруженные столкновения на границе с Албанией, а также ультиматум США Югославии в ответ на инциденты с американскими самолетами в воздушном пространстве Югославии.
24. Ward P. Op. cit. P. 176.
25. См.: «Правда» и «Известия» за 1 декабря 1946 г.
26. Известия. 30 ноября 1946 г.

Публикация доктора исторических наук Владимира Печатнова

«Начал продавать документы...»

Архивное предпринимательство

Сов. секретно.

Из информационной сводки¹ № 11 Отдела партийной информации по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1948 г.

О фактах потери политической бдительности в Мордовском обкоме ВКП(б)

Заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма Мордовской областной партийной школы Есиновский в конце 1946 г. приступил к разработке темы: «Коллективизация сельского хозяйства Мордовии». В связи с этим секретарь обкома ВКП(б) по пропаганде т. Бутцев разрешил ему работать с архивными документами обкома партии.

Проработав некоторое время в помещении партийного архива, Есиновский, по договоренности с заведующей партархивом Рузанкиной, стал снимать копии с многих секретных и совершенно секретных документов с тем, чтобы пользоваться ими у себя на квартире. Копии с документов снимали ему на пишущей машинке работники облпартархива Рузанкина, Симасова, Карташова, технический секретарь отдела пропаганды обкома ВКП(б) Корабельникова и счетовод-машинистка облпартшколы Воцке. В 1947 г. Есиновским были сняты копии с различных документов партархива в общей сложности на 2116 страницах.

Когда Есиновский брал копии документов из архива, им было дано письменное обязательство о возвращении их обратно по написании работы. Однако, несмотря на письменное обязательство о неразглашении партийной тайны и возвращении всех копий документов партархиву, Есиновский, в целях личной наживы, начал продавать эти документы Мордовскому научно-исследовательскому институту. В апреле 1947 г. он продал институту 119 страниц документов, в июне — 346 страниц, в сентябре — 799 страниц, а всего 1264 страницы. За первые две партии документов Есиновский получил 4000 рублей, а за последние 799 страниц — 5000 рублей. Купля и продажа указанных документов были оформлены договором, заключенным между Есиновским и директором Научно-исследовательского института Цыгановым. С этими документами в институте ознакомились Цыганов, заведующий историческим сектором Воронин, ученый секретарь Потапкин.

Все эти документы являются совершенно секретными, не подлежащими оглашению: закрытые письма окружкома и обкома ВКП(б), решения бюро окружкома и Средне-Волжского крайкома ВКП(б), полные данные о выселении кулачества, докладные записки ответственных работников обкома, крайкома ВКП(б) по проверке партийных организаций, сводки и донесения ОГПУ, представленные в свое время в партийные органы. Ознакомление с этими документами дает возможность получить представление о работе областной партийной организации по многим вопросам внутривнутрипартийной и государственной деятельности, а также об оперативной работе органов госбезопасности.

Мордовский обком ВКП(б), рассмотрев этот вопрос, за преступно-халатное отношение к работе и потерю политической бдительности снял с работы и исключил из партии зав. партархивом обкома Рузанкину, Есиновского и директора Научно-исследовательского института Цыганова. Ученому секретарю Научно-исследовательского института Потапкину объявлен строгий выговор, секретарю первичной партийной организации института Воронину — выговор.

Обращает на себя внимание, что обком ВКП(б), рассматривая этот вопрос, не привлек к ответственности руководящих работников обкома, ответственных за состояние дел в облпартархиве и с ведома которых был допущен Есиновский к работе с архивными документами обкома ВКП(б).

Зав. Отделом партийной информации Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б)
И. Поздняк.

РЦХИДНИ. Ф. 17 Оп. 88. Д. 907. Л. 135—137. Мкф.

ПРИМЕЧАНИЕ

Регулярная сводка печаталась на ротаторе в количестве 26 экз. и рассылалась чинам высшей партноменклатуры.

«Советские женщины имеют основания рассчитывать на выигрыш первенства мира по конькам».

№ 1

Докладная записка аппарата ЦК в Секретариат ЦК ВКП(б).

Товарищу ЖДАНОВУ А. А.

Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта вносит предложение послать группу сильнейших советских конькобежцев для участия в соревнованиях на первенство Европы и мира по скоростному бегу на коньках.

Соревнования на первенство Европы для мужчин проводятся в Стокгольме — 8 и 9 февраля, на первенство мира в Осло — 15 и 16 февраля. Соревнования на первенство мира для женщин проводятся в Драммене (Норвегия) — 8 и 9 февраля.

Всесоюзный комитет считает, что спортивная борьба на первенство будет серьезной и долгой. Советским мастерам, вероятно, не удастся занять первые места по сумме всех дистанций. Они могут рассчитывать на места в числе первых десяти, а вероятно, и пяти сильнейших конькобежцев мира. Советский конькобежец Кудрявцев может выиграть первое место в беге на 500 метров. Советские женщины имеют основания рассчитывать на выигрыш первенства мира по конькам.

Товарищ Ворошилов считает нецелесообразным участие в соревнованиях в связи с недостаточно высокими спортивно-техническими показателями советских конькобежцев.

Со своей стороны считаем, однако, возможным участие советских конькобежцев в соревнованиях на первенство Европы и мира. Полагаем, что возможные успехи по конькам советских женщин, а также хорошие результаты мужчин по некоторым дистанциям будут благоприятными для престижа советских спортсменов. Соревнования помогут нашим конькобежцам лучше подготовиться к мировой олимпиаде 1948 г.

Считаем возможным разрешить Всесоюзному комитету послать в Швецию и Норвегию в феврале с. г. для участия в соревнованиях на первенство Европы и мира по конькам группу сильнейших конькобежцев в составе 20 человек, сроком на 20 дней.

Проект решения прилагается*.

* Не публикуется.

М. Суслов
Г. Александров
Е. Андреев

29 января 1947 г.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 693. Л. 199. Подлинник, машинопись, подписи — автографы.

№ 2

Выписка из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1947 г. по вопросу Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР.

Отклонить просьбу Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР о посылке в Швецию и Норвегию в феврале 1947 г. группы советских конькобежцев для участия в соревнованиях на первенство Европы и мира по скоростному бегу на коньках.

Секретарь ЦК

Послано: тт. Суслову, Романову, Александрову.

Там же. Л. 198. Копия, машинопись.

«Бей жидов — спасай Россию»

№ 1

СЕКРЕТНО*

19 мая 1944 г.
ИНФОРМАЦИЯ

17 мая с. г. вечером в 173 школе (Миусская 23) в шестом классе девочек была обнаружена на классной доске надпись — «бей жидов — спасай Россию».

* На бланке Свердловского РК ВКП(б).

Проходившая зав. учебной частью т. Тимошенко стерла надпись с доски. Утром эта же надпись снова появилась на доске.

Директор школы т. Задиранова в беседе с ученицами установила, что надпись сделана ученицей 6-го класса Колпаковой, дочерью заместителя наркома заготовок, члена ВКП(б).

Дочь Колпакова дружит с девочкой Будашкиной (дочь композитора), которая и рассказала о случившемся.

ИНСТРУКТОР ИНФОРМАЦИИ РК ВКП(б)

Осовская

ЦАОДМ. Ф. 82. Оп. 17. Д. 44. Л. 87. Отпуск; машинопись.

№ 2

ИНФОРМАЦИЯ**

об антисемитских выпадах, происшедших в Союзе советских композиторов со стороны композитора **М-ВА*****

** На бланке Свердловского РК ВКП(б); 27 сентября 1944 г. Имеется помета: «Послано в МГК ВКП(б) 27.09. 44 г. в 14.00 ч.».

*** Сокращение произведено редакцией.

18 сентября композитор М-в, основательный выпивши, зашел в биллиардную Союза советских композиторов со словами: «Когда только не будет у нас жидов и Россия будет принадлежать русским».

Он подошел к композитору Кручинину, взял его за воротник, встряхнул и сказал: «Скажи, ты жид или русский?» Кручинин ответил: «Был и останусь жидом» (хотя он в действительности является русским).

Присутствующие композиторы были возмущены поведением М-ва и написали заявление в оргкомитет Союза советских композиторов (приводим текст заявления):

В оргкомитет Союза советских композиторов.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом довести до сведения оргкомитета следующее:

В понедельник вечером 18 сентября 1944 г. мы оказались свидетелями возмутительной выходки Б. М-ва, позволившего себе в нашем присутствии и в присутствии ряда товарищей развивать теорию о «России для русских». Среди прочего запомнились выражения: «Довольно жидовского царства», «Грузинский оргкомитет», «Бей жидов — спасай Россию» и т. п. Хотя хулиган был в нетрезвом виде, однако отчет в своих словах он себе отдавал, что следует из того, что: 1) он заявил: «Я знаю, что меня за это могут посадить, но я по крайней мере буду знать, за что страдаю»; 2) когда взволнованные слушатели стали расходиться, Б. М-в просил «не обижаться на него» и т. п.

Москва, 19 сентября 1944 г.

ПОДПИСИ:

Композитор-орденоносец

Лев Шварц.

Композитор

В. Кручинин.

Композитор

М. Блантер.

Лауреат Сталинской премии

профессор Московской государственной

консерватории композитор

Н. Иванов-Радкевич.

Узнав о таком возмутительном случае, во вторник вечером 19/IX—44 г. партийное бюро Союза советских композиторов в количестве 3-х человек, разбирая этот вопрос на своем заседании, вынесло следующее решение:

«Просить Президиум Оргкомитета Союза советских композиторов разобрать на закрытом заседании указанный случай и поставить вопрос об исключении из членов Союза советских композиторов Б. М-ва».

ИНСТРУКТОР ПО ИНФОРМАЦИИ РК ВКП(б)

ХОХЛОВСКИЙ.

Там же. Л. 143. Отпуск; машинопись.

№ 3

СЕКРЕТНО*

**ОТКЛИКИ
НА НОТУ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
О ПРЕКРАЩЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ИЗРАИЛЯ.**

Трудящиеся района глубоко возмущены наглой провокацией, совершенной 9-го февраля на территории Советской миссии в Израиле. Все единодушно одобряют решение Советского правительства о прекращении дипломатических отношений с правительством Израиля.

* На бланке Особого сектора Краснопресненского РК ВКП(б) г. Москвы; делопроизводственный № 68 с.

Старший научный сотрудник Центрального института прогнозов тов. Аристов сказал: «Правительство Израиля стало агентом американских поджигателей войны. Его провокационные действия несомненно связаны с раскрытием в Советском Союзе группы врачей-вредителей¹, связанных с еврейской сионистской организацией».

Сообщение газеты вызвало у многих рабочих комбината «Трехгорная мануфактура», Хлебозавода № 5, Пресненского машиностроительного завода, кроме возмущения, и проявление антисемитизма.

Некоторые рабочие Хлебозавода № 5 говорят, что среди евреев почти нет честных людей, что они стараются устроиться на работу в «тепленькие» места, где есть легкая нажива; говорят, что евреи во время Отечественной войны почти не были непосредственными участниками боев.

Рабочие комбината «Трехгорная мануфактура» говорят:

Крутильщица т. ПЕТРУШИНА: «Снять всех евреев с руководящих постов в учреждениях и министерствах, в магазинах ширпотреба, в торговых организациях».

Прядильщица тов. НЕКРАСОВА: «Евреи захватили все хорошие квартиры, надо выселить их из Москвы, а в их квартиры вселить рабочих, выполняющих пятилетний план, строящих коммунизм».

Крутильщицы тт. КУРЯТНИКОВА и БЕРЕЗОВА: «Нет слов для возмущения. Если к евреям не примут меры, они нас всех продадут».

Ткачиха тов. Королева говорит: «Почему так получается, что нами руководят евреи. Директор комбината т. Северьянова со всей страны собрала евреев — зав. ситценабивной фабрикой Шуба, старшего диспетчера Марголину, Лобазева и др.».

Помощник мастера прядильной фабрики т. Касаткин сказал: «У нас на комбинате евреи занимают все легкие места и ни за что не отвечают, а денег побольше получают».

ИНСТРУКТОР РК КПСС

К. Ефимова

13.II.—53 г.

Отп. 4 экз.

№ 1 — в МГК КПСС

№ 2, 3, 4 — в дело РК КПСС

№ 194. в м

Там же. Ф. 69. Оп. 27. Д. 24. Л. 53—54. Отпуск; машинопись с рукописной правкой.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Реакция на «дело врачей» в Израиле оказалась столь острой, что 9 февраля 1953 г. в Тель-Авиве на территории миссии СССР была взорвана бомба. Пострадали некоторые

дипломаты и члены их семей. Извинения израильской стороны были отвергнуты, инцидент завершился разрывом с Израилем дипломатических отношений.

Особая папка

Вниманию читателей предлагаются извлечения из протокольного делопроизводства Политбюро ЦК Коммунистической партии. Публикуемые тексты — партийные директивы, подлежащие беспрекословному исполнению. Перед нами исторические решения, формировавшие реальность советского бытия.

№ 1

Декабрь 1924 г. Особая папка.

Об Али-Митаеве.

(т.т. Микоян, Менжинский).

- а) Али-Митаева¹ не расстреливать, но держать в тюрьме крепко.
- б) Поручить ОГПУ в двухмесячный срок изловить Гоцинского² и доставить живым в Москву.

Секретарь ЦК.

Выписки посланы: т.т. Микояну, Дзержинскому.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 48. Мкф.

№ 2

Ноябрь 1929 г. Особая папка.

О Б[люмкине]³.

а) Поставить на вид ОГПУ, что оно не сумело в свое время открыть и ликвидировать изменническую антисоветскую работу Блюмкина.

б) Блюмкина расстрелять.

в) Поручить ОГПУ установить точно характер поведения Горской.

Секретарь ЦК.

Выписка послана: т. Ягоде.

Там же. Д. 8. Л. 2. Мкф.

№ 3

Апрель 1931 г. Особая папка.

О продаже картин⁴.

(т.т. Бубнов, Розенгольц).

а) Картину Леонардо да-Винчи не продавать.

б) Разрешить продажу картин Рафаэля и Тициана.

в) Для рассмотрения вопросов о дальнейшей продаже картин и выделения списка уникалов, не подлежащих продаже, создать комиссию в составе т.т. Рудзутака, Розенгольца и Бубнова.

Созыв комиссии за т. Розенгольцем.

Секретарь ЦК.

Выписки посланы: т.т. Рудзутаку, Розенгольцу, Бубнову.

Там же. Д. 10. Л. 12. Мкф.

№ 4

Июнь 1931 г. Особая папка.

О Воскресенских воротах⁵.

(т. Каганович).

а) Бывшую Иверскую часовню (Воскресенские ворота) снести, чтобы открыть дорогу для демонстраций.

б) Памятник Минина и Пожарского перенести с Красной площади к храму Василия Блаженного.

Секретарь ЦК.

Выписки посланы: т.т. Кагановичу, Молотову, Бубнову.

Там же. Л. 100. Мкф.

№ 5**3 ноября 1931 г. Особая папка.****О ввозе мацы⁶.**

Разрешить Наркомвнешторгу включить в номенклатуру посылочных операций Торгсина мацу, каковую принимать в порядке индивидуальных посылок из заграницы, и обязать председателя Торгсина т. Шкляр вырчить за эту операцию не менее 1 миллиона рублей в иностранной валюте.

Секретарь ЦК.

Выписки посланы: тт. Розенгольц, Шкляр.

Там же. Д. 11. Л. 44. Мкф.

№ 6**19 мая 1935 г.****О постройке трех новых больших самолетов.****(Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б)).**

Взамен погибшего самолета «Максим Горький»⁷ построить три больших самолета такого же типа и таких же размеров, как «Максим Горький»: один — «Владимир Ленин», второй — «Иосиф Сталин» и третий — «Максим Горький».

Секретарь ЦК.

Там же. Оп. 3. Д. 964. Л. 13. Мкф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Личность не установлена.

2 Личность не установлена.

3 Блюмкин Яков Григорьевич (1900—1929) — участник террористического акта против германского посла в России графа Мирбаха летом 1918 г. в Москве, сотрудник ОГПУ. «Оказывается, он в Константинополе был связан с Троцким и использовал наш аппарат для связи троцкистов в СССР. Он хотел завербовать для своей группы и Лизу Горскую, но она его выдала...» — пишет Г. С. Агабеков

(«ЧК за работой». М., 1992. С. 218).

4 Подробнее см.: Мосьякин А. Продажа//Огонек. 1989. № 6—8.

5 Построены в 1680 г., снесены в 1935 г., недавно восстановлены.

6 Маца (опреснок) — лепешки из теста (из пшеничной муки), не прошедшего ферментацию, единственный вид хлеба, разрешенный к употреблению иудеям в течение пасхальной недели.

7 См. об этом: Источник. 1993. № 0; 1996. № 3.

Сколько в Америке штатов?

16 марта 1956 г.**Центральный Комитет КПСС¹.**

В Калининский обком КПСС и Управление МГБ обратились два коммуниста с заявлением на имя МИДа, в котором выражают свое возмущение поведением военного атташе США Меарнса и его помощников Джоунса и Фитцджеральда. Последние проездом из Ленинграда в Москву остановились в гостинице города Вышнего Волочка и допустили враждебный выпад против СССР. В гостинице вместе с ними находились коммунисты Дубов и Огурцов (шофер областного исполкома, работник обкома союза медицинских работников).

Разговор был между этими работниками и представителями США о жизни и быте в Америке и Советском Союзе. На вопрос — сколько в Америке штатов, военный атташе США Меарнс ответил — 49². На замечание наших товарищей о том, что в Америке имеется всего 48 штатов, военный атташе добавил: не 48, а 49, т. к. 49-й будет СССР.

Считаю необходимым доложить ЦК КПСС и направить заявление коммунистов³.

Секретарь Калининского обкома КПСС

Ф. Горячев.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 11. Мкф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 На бланке Калининского областного комитета КПСС; делопроизводственный № 115.

2 Федеральное округа.

2 До 1958 г. США в административном отношении состояли из 48 штатов и столичного

3 Не публикуется.

Начиная со II полугодия 1999 г. подписка
на журнал «Источник»
осуществляется
только через редакцию.

Адресную подписку
на 1999 год
на любой срок — месяц, два, полгода и т. д.,
на любое количество экземпляров оформляйте
через редакцию только при помощи помещенного в этом
номере бланка.
Если редакция присвоила вам личный номер,
непременно укажите его.
В стоимость подписки входит и цена доставки журнала
до вашего почтового ящика!

Внимание! Если редакция присвоила вам личный номер, обязательно укажите его:

«Родина»

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

«Источник»

1	2	3	4	5	6
---	---	---	---	---	---

Отметьте, пожалуйста, продолжительность вашей подписки по месяцам,
например:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

(Подписка на май, июль—декабрь)

Правила подписки

1. Вы можете подписаться на любое из предложенных изданий.
2. Вы можете подписаться с любого месяца, подряд или выборочно.
3. Стоимость одного номера журнала «Родина» — 29 руб. с учетом пересылки.
4. Стоимость одного номера журнала «Источник» — 28 руб., также с учетом пересылки.
5. Извещение должно быть заполнено печатными буквами и оплачено. В случае неразборчивого почерка или ошибок в адресе отправителя претензии не принимаются.

Заполните этот бланк и оплатите подписку в любом отделении Сбербанка.

Новые книги издательства «Российская политическая энциклопедия»

Д. Б. Павлов. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М. 1999. 232 с.

Автор опирался как на вновь открытые документы центральных партийных и государственных органов, так и на источники, широко привлекавшиеся в советской историко-партийной литературе. Взятые в совокупности с первыми, эти традиционные материалы получают совершенно иное прочтение и позволяют прийти к выводам, принципиально отличным от заключений советской историографии.

Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958—1964: Документы. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы»). М. 1998. 552 с.

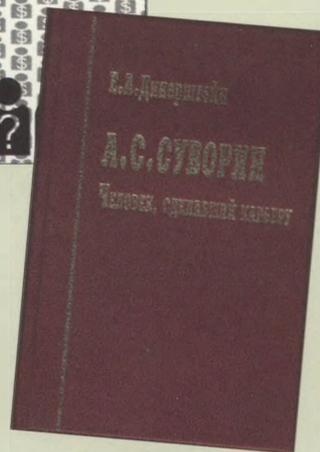
Комиссии являлись частью механизма тотального контроля за культурой, существовавшего в СССР, в том числе и в годы, вошедшие в отечественную историю под названием «оттепель». Публикуемые документы, наглядно показывающие, как осуществлялся процесс контроля и управления культурой, были недавно рассекречены и в большинстве своем публикуются впервые.

Е. Г. Морозова. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М. 1998. 247 с.

Книга посвящена анализу влиятельных в современной зарубежной политологии теорий политического рынка, концептуальным основам и практике политического маркетинга.

Е. А. Динерштейн, А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М. 1998. 375 с.

В центре книги — жизненный путь Алексея Сергеевича Суворина (1834—1912), журналиста, литературного и театрального критика, прозаика и драматурга, владельца издательства, драматического театра, а главное — газеты «Новое время», которая весьма осязательно влияла на политику правительства. А. С. Суворин был близко знаком со многими известными писателями, о чем подробно рассказывается на страницах книги.

Книги (без торговой наценки) можно приобрести в издательстве
«Российская политическая энциклопедия» по адресу:
Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2, отдел маркетинга.
Тел.: 181-34-57.

❖ В августе 1999 года выйдет специальный номер журнала «Родина», посвященный отношениям России и Украины. Вниманию читателей будет представлена масштабная картина многовековых связей украинского и русского народов начиная со времен Киевской Руси вплоть до образования независимых государств в начале 1990-х годов. Ведущие российские и украинские историки выскажут свои точки зрения на важнейшие «узлы» совместной истории русских и украинцев: времена Богдана Хмельницкого, место Украины в составе Российской империи и СССР, деятельность Симона Петлюры, Михаила Грушевского, Степана Бандеры, Петра Шелеста, Владимира Щербицкого. Подписчики «Родины» получат уникальную возможность познакомиться с тем, как изменилась за последние годы позиция украинских историков и публицистов: «украинских националистов» в России ругают многие, но читают их труды крайне редко...

❖ В ближайшее время выйдут специальные номера «Родины», посвященные отношениям России с Ираном, Японией, Германией, а также истории вхождения и развития Сибири в составе Российского государства.